

с(губ)
у-49

ISSN. 0130. 531X

УЛУГ-ХЕМ

22 1986

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Литературно-
дожественный
манак

снован
1946 году

В номере:

Проза

К. Кудажы, Э. Донгак, Ф. Лобанов, К. Лопсан

Поэзия

О. Сувакпиг, Е. Танова, А. Емельянов,
Э. Цаллагова, новые имена

Из литературного наследия

С. Сарыг-оол

Для маленьких читателей

С. Намчылак, К. Эжер-оол, А. Шоюн

Сатира и юмор

В. Монгуш, В. Тимофеев, А. Захаров,
С. Киштер-оол

Критика и библиография

Д. Куулар, М. Татаринцева

Тувинскому издательству 50 лет

А. Куулар

К Ы З Ы Л

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

А. К. КАЛЗАН, Д. С. КУУЛАР, С. В. КОЗЛОВА
(редактор), Ю. Ш. КЮНЗЕГЕШ (ответственный
редактор), О. О. СУВАҚПИТ, С. С. СЮРЮН-ООЛ,
Г. И. ПРИНЦЕВА, М. А. ХАДАХАНЭ, А. А. ДАР-

121—170+03+M133

© Тувинское книжное издательство, 1986 г.

П р о з а

Кызыл-Эник Кудажу,
заслуженный писатель Тувинской АССР

ПОЮЩИЙ РОДНИК

Главы из романа

Две главы нового романа К. К. Кудажу «Поющий родник» в переводе на русский язык были опубликованы в № 20 нашего альманаха. Читатели спрашивают, как сложилась дальше судьба героев книги. По их просьбе публикуем еще три главы.

В ЮРТЕ АНАЙ-КЫС

Передав подросших ягнят другому чабану, Лапчар Ирбижеевич и Анай-кыс Сандановна затосковали. Вечерами, когда отару загоняли в овчарню, чувство утраты охватывало их особенно остро. Не укладывалось в голову, что сразу, вдруг, стало вдвое меньше животных. Была тысяча голов, не осталось и пятисот овцематок. И это бы еще ничего! Старики вспоминали чуть не каждого ягненка: как тот родился, а этот едва не замерз, а тех выхаживали...

Ни с чем не сравнить любовь чабанов к овцам. И не было у Ирбижеев большей радости, чем та, что в последние годы стали чабанами и их дети. Сначала старший сын, а потом и дочь.

...Лапчар поднялся на вершину горы Баян-Сагаан, которую с давних времен считают священной. Там, наверху, в далекие времена воздвигли буддийский субурган. Оттуда открывался широкий простор: как на ладони Агылыг и Кулузун.

Больше двадцати лет прожил Лапчар Ирбижеевич у подножья Баян-Сагаана, чья вершина упирается в рыхлый живот высоких облаков. В те годы впервые перекочевал он в эти места и принял отару. Тогда же облюбывал место на горе, откуда хорошо наблюдать за овцами, за всем, что происходит вокруг, где никто не мешает думать о жизни...

Спустя два или три года после того, как начал здесь чабанить Ирбижей, дали ему рыжего стригунка. Век у коня короче, чем у человека, но вот зажился он, и неразлучны они с чабаном столько лет. И под седлом ходит конь Лапчара, сани и телегу тянет. Смирный конь, безотказный. Надо — Анай-кыс Сандановна на нем поедет. А то ребятишки взберутся, усядутся кучей от гривы до хвоста, — тоже едут. Если люди попросят, Ирбижей никому не отказывает. Случается, до того заездят конягу, будто галки-вороны спину ему до крови расклевали. Хозяин не возмущается, не бранится. Выходит, вылечит... Анай-кыс — другое дело. Та ругает мужа, жалея коня. Годы все же берут свое: морда у коня поседела, силенок поубавилось, однако дожит.

Между прочим, Лапчар Ирбижеевич дал коню кличку Чакпыыл-Сарыг. Да, да, точно такую же, как Эрес Оюнович своему «Запорожцу». Не случайно, конечно. И масти у коня и машины схожие, и служат конь и машина безотказно, и такие же бесхозные... К тому же Лапчар с Эресом друзья. Так что удивляться такому совпадению не приходится. Когда бы Херел с Ирбижеем ни встретились, они непременно начинают предлагать друг другу поменяться Чакпыыл-Сарыгами.

Лапчар Ирбижеевич еще сравнительно молодым чабаном был. Тогдашний председатель колхоза (совхоз организовался позже) Кончук уговаривал его стать бригадиром овцеводческой бригады в Кулузуне. Чего только ни сулил Кончук, только бы Лапчар согласился. Тот ни в какую. Председатель в пример Эреса ставил: вот же возглавил он механизаторов, руководит ими. Хорошо руководит. Чем Лапчар хуже? Почему не хочет взять под свое начало всех чабанов? Ничего из этих уговоров не вышло. Кончук на хитрость пошел, Эреса подослал. Дескать, друг уломает. Что-то, а убедать Эрес Оюнович умел!

— Мы с тобой вместе с детства росли. И у меня, и у тебя по Чакпыыл-Сарыгу. Разве плохо, если мы оба бригадирами будем? От того, что ты над чабанами старшим станешь, и Агылыг не побелеет, и Кулузун серым не будет.

У старого Ирбижея, отца Лапчара, никогда слово с делом не расходилось, и Лапчар кое-что унаследовал от него. Поэтому он достойно ответил другу:

— Правильно ты говоришь: если меня бригадиром назначат, и хошун не обеднеет, и сумон слабее не станет. А ты взгляни на моих малых детей. Они, как желторотые птенцы в гнезде. Моя Анай каждый год рождает, как коза. Как же я, по-твоему,

буду оставлять их и развезжать по командировкам с портфелем в руках?

Такой ответ вполне убедил Эреса, и больше он к Лапчару не приставал.

Вот так и прижился Лапчар Ирбижесевич у подножья горы Баян-Сагаан. Не одну отару за два десятка лет сменил, не одну тысячу ягнят принял и вырастил, неизменно оставаясь рядовым чабаном. Только почему «рядовым»?! Знатным чабаном Тувы стал. Похвальных грамот у него — не сосчитать. Орденом Трудовой славы наградили его. И жена — Анай-кыс Сандановна не отставала. В праздники на ее груди едва помещаются знаки отличия — «Медаль материнства» первой и второй степеней, ордена «Материнская слава» всех степеней, значки ударника коммунистического труда и ударника пятилетки. А юрту Ирбижеев украшает вымпел, на котором золотыми буквами написано: «Культурной семье», и это тоже награда Анай-кыс.

Херелы, правда, по части наград обошли Ирбижеев. Эрес Оюнович удостоен трех орденов — «Знак Почета», Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, а Долаана Алдай-ооловна была депутатом Верховного Совета республики. Оба они партийные люди, выполняют множество всяких общественных поручений. Но в этом ли дело? Разве может это иметь какое-нибудь значение и сказываться на дружбе двух семей, дружбе, проверенной и испытанной всей жизнью?!

Да. Мы, если помните, оставили Лапчара Ирбижеевича, погруженного в размышления, на вершине Баян-Сагаана. Неспроста говорят тувинцы: «Посмотри, что впереди, оглянись, что позади». Сидел возле субургана Ирбижей. Чакпыыл-Сарыг пасся возле него. Смотрел Лапчар с высоты в завтрашний день, и виделся он ему красивым и светлым. Оглянулся назад, посчитали годы и то, что успел сделать за эти прожитые годы, и порадовался. Начиная чабанить в колхозе, позже вошедшем в совхоз «Хайыракан». Вырастил для этих хозяйств без малого пятнадцать тысяч овец! Если такую отарищу перегонять по долине Улуг-Хема, начало стада в Хайыракане будет воду пить, а конец все еще здесь как ни в чем не бывало пастись. А если посчитать, сколько они с Анай-кыс шерсти настригли и сдали, тоже выходит внушительно: тонн пятьдесят, если не больше! Это же целая скирда из десятка копен! Посчитать бы, сколько из сданной ими шерсти получилось километров ткани, сколько народу они одели! Без всякого стеснения, без хвастовства: неплохо поработали!

Вот так вот размышлял в одиночестве Лапчар Ирбижеевич.

А той порой солнце уже закатилось. Взяв за повод Чакпыыл-Сарыга, он стал спускаться с горы.

Уже подходя с отарой к аалу, заметил, что у коновязи стоит несколько коней. Рядом сверкала белая «Волга», а по соседству с ней — газик управляющего отделением Дажысана. Но не этому удивился Лапчар, а тому, что еще с горы не разглядел. Стегнул кнутом лениво переступавшего Чакпыыл-Сарыга и направил его к юрте.

Тут было от чего растеряться. На почетном месте в юрте сидел один из первых трактористов — «пионер-пенсионер» Егор Ензакович Дажысан, управляющий отделением, а справа от него — директор школы Виктор Ондарович (это он на своей белой «Волге» привез из интерната четырех младших детей, Ирбижеев). Тут же находились остальные «ирбижата», как называл свое многочисленное потомство отец Лапчара, с трудом подсчитывавший его. Когда счет у него не сходился, он утверждал, что по крайней мере половина совхоза — ирбижата. Возможно, он преувеличивал, но ошибка не намного. Восемь дочерей и один сын старого Ирбижея были чабанами. Понятно, что в каждой низине Агылыга и Шивилига, где пасли они свои отары, множилось и число ирбижат. У одного только Лапчара с Анай-кыс родилось десять детей! Сестры тоже не подкачали, и в третьем поколении количество ребятишек уверенно приближалось к сотне. Был бы жив старый Ирбижей, что бы он сказал?!

Дажысан вскочил и начал трясти руку Лапчара Ирбижеевича.

— Я приехал поздравить Анай-кыс Сандановну. И тебя тоже. Ты не все время сидел на макушке Баян-Сагаана, а старательно потрудился...

Вслед за ним обнял бывшего своего одноклассника Виктор Ондарович.

— Я целиком и полностью согласен с Егором Ензаковичем. Нельзя в данном случае не принимать во внимание и твою долю участия. Не останавливай своего коня, Лапчар. Крепче упрись в стремя и продолжай в том же духе!

Дождавшись своей очереди, облепили отца ирбижата. Сначала старший сын с женой и двумя своими малышами, потом дочь с зятем, четверка школьников, которых привез директор. Самые маленькие стояли в сторонке и таращили глаза, не совсем понимая, что происходит.

Недоумевал и сам Лапчар. В растерянности он только и произнес:

— Что случилось?

Дажысан протянул ему газету «Шын».

— Читай!

Лапчар с опаской, словно горячий утюг, взял газету и не сразу решился взглянуть.

— Читай, читай! — повторил Дажысан. — На первой странице. Сверху.

Все продолжали улыбаться, и это успокоило Лапчара Ирбижеевича.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении почетного звания «Мать-героиня», — прочитал он и в списке удостоенных этой высочайшей награды без труда отыскал имя Анай-кыс Сандановны Ирбижей.

Шагнул к жене, расцеловал ее, хотя никогда не позволял себе этого при детях. На этот раз не постеснялся.

— А меня-то вы за что почтили? — спросил он.

— Мы, пока тебя ждали, успели передать Анай-кыс Самдановне несколько вozов и две машины поздравлений! — пошутил Дажысан.

Лапчар не остался в долгу:

— Ну, а я привез матери своих детей привет на Чакпыыл-Сарыге. — Он приложился губами к напечатанному в газете указу и подошел к украшенным цветными жестяными полосками сундукам — аптара. Над ними повесил этот указ.

— Пусть все, кто придет к нам, читают... Здесь самое дорогое для нас — и этот берестяной черпачок сыгыртаа, и камушек, который мы храним с детства, когда вместе с Анай-кыс строили сайзанак!... Пусть рядом с ними будет и золотой указ!

Народу в юрте все прибавлялось. Узнали люди о таком! большом событии в семье Ирбижеев, спешили порадоваться вместе с ними.

Кто бы сказал, глядя на эту стройную, без единого седого волоса, с белыми, будто нанизанные на нитку дольки кандыка, зубами женщину, что она дала жизнь десяти детям!

ОХОТНИК И ДОБЫЧА

Нас-Сурун заявился ночью. Переполошил стуком, разбудил:

— Открывай, бригадир! Заводи своего Чакпыыл-Сарыга!

— Что такое?

— Секач...

¹ Сайзанак — игрушечная постройка из камней.

Всегда он так. Ворвется, заполошный, будто кто гнался за ним, и не сразу его поймешь.

— Где?

— В Оргюнских перелесках.

Даже от чая отказался. Скорей, говорит, ехать надо. Оставил своего Сылдыс-Шокара. Пусть, сказал, кто-нибудь в село к брату отведет коня.

Завели Беспхозно-Желтого. Дорогу к Оргюнским перелескам Эрес Оюнович знал как свои пять пальцев. Чтобы быстрее доехать, махнули прямо по скошенным полям. Чакпыыл-Сарыг трясся на кочковатой пашне, скрипел, и, казалось, вот-вот рассыплется.

— Во-он к той лиственнице дравь, бригадир! Мимо белой березы,— подсказывал Нас-Сурун.

— По тому холму поднимись...

— Через этот овраг теперь!

Слушать его, так машина и по воздуху должна летать! Хоть и любым испытаниям подвергал Эрес Оюнович выдавшего виды Чакпыыл-Сарыга, но тут сдался — заглушил мотор.

— Все. Дальше не проехать.

— Па!— удивился охотник.— А у Лапчара ни на одной тропе не споткнется.

Пошли пешком. Как только Нас-Сурун шагнул впотьмах? Эрес Оюнович то и дело терял его из виду, едва поспевая за ним. Снял овчинную безрукавку, но все равно едва нес толстое свое брюхо и обливался потом. Не выдержав, присаживался на пенек передохнуть, и тогда Нас-Сурун бегом возвращался, поднимал и торопил, торопил.

Занималась поздняя осенняя заря. Они подошли к крутым слоистым скалам. Показав на заросли таволожника, охотник вполголоса произнес:

— Вот тут и лежит этот клыкастый.

Эрес Оюнович опасливо глянул, но ничего, понятно, не увидел. Ему стало не по себе. У Нас-Суруна ружье в чехле, а у него даже ножа при себе нет. А ну как этот секач выскочит на них? Охотник, заметив его растерянность, рассмеялся:

— Он уже готов. Нас дожидается. Больно здоровый кабанце попался. Как бы я такую тушу на коня взвалил? Потому и поехал за тобой, бригадир.

Нас-Сурун шагнул в кусты, раздвинул их. На земле лежало что-то бесформенное, громадное, черное, с торчащими белыми клыками.

Охотник преспокойно, как дома, уселся, поджав под себя ногу, вытащил табакерку, трубочку.

— Ну вот. Сейчас передохнем и разделаем его.

Стало светлее, и Эрес Оюнович разглядел, что кабан перехвачен за шею веревкой и крепко-накрепко привязан к толстой лиственнице.

— Ты зачем его привязал?— удивился он.

— Хо! Не скажи! Только принеся в юрту дар тайги, можешь сказать: это мое.

— Надо же!

— Раньше в этих местах жил человек по имени Чолдак-Анчы. Прапрадед Тумана Кызыл-оола. С ним однажды такое случилось. Застрелил он как-то по весне марала, снял с него рога и повесил на лиственницу, а сам пошел к лошади. Вернулся — нет марала... Оказывается, тот встал, забрал рога и ушел... А след остался. С тех пор старик всегда привязывал добычу, если сразу увезти не мог.

Эрес Оюнович едва сдерживался, чтобы не рассмеяться, а Нас-Сурун так же серьезно продолжал:

— Правда, правда. Я сам не раз на этом попадался. Вот тебе мои зрячие глаза! Вот послушай. Приезжал ко мне из Кызыла младший брат. Такой удалец — только бы ему поохотиться. Добудет лицензию и — ко мне. Ну, значит, приехал. Отправились мы сюда же, в Оргюнские перелески. Видим — косуля! Оба выстрелили. Она упала. Я брату говорю: «Беги быстрее!» А он тянет из мешка четушку водки... Выпили мы, пошли свежевать, а косуля как вскочит! Только мы ее и видели.

Эрес расхохотался.

— Наверно, не одна бутылочка была в мешке у брата? А может, косуля только ранена была?

Охотник ничего не ответил, поднялся и направился к кабану. Шкуру с него снимать не стал — с осеннего секача, сказал, не положено, прямо со шкурой мясо режут. Кабан попался жирнуший — словно корыто кверху дном. Сала пальца на четыре, и внутри жира не меньше.

— Теперь не убежит,— усмехнулся Нас-Сурун, покончив с разделкой туши.— Понесли.

Эрес Оюнович, не подумав, перекинул через плечо два стегна и, пошатываясь, пошел вниз по склону. Нас-Сурун тоже основательно нагружился и шагал за ним, приговаривая:

— Хорошего я помощника взял. Все мясо перетаскает.

Не сделав и ста шагов, Эрес Оюнович сбросил ношу и сел.

— Что с тобой?— удивился охотник.— Где же твоя сила? Эрес тяжело отпыхивался.

Пришлось ему один окорок оставить.

— Ничего, ничего,— подбодрил его Нас-Сурун.— Тебе полезно растряссти жирок, бригадир. Видишь, как живот отвис. Это потому, что вечно ты то на тракторе, то на своем Чакпыыл-Сарыге. Ты почаще со мной на охоту ходи.

Пока перетаскали мясо к машине, оба взмокли. Раз шесть пришлось сходить туда и обратно. Под тяжестью груза машина даже осела и прогнулась.

— Спускайся к Кулузуну,— сказал Нас-Сурун.— Сначала к Лапчару заедем.

Прыгая по ухабам, громяхая и скрежеща, машина скатилась в долину. Дорога пошла ровнее. Чакпыыл-Сарыг припустил резвей, будто близость стояла — гаража почуял.

— Вашу пшеницу звери вытаптывают,— выговаривал Нас-Сурун,— а вы, парни, сидите сложа руки. Выращенный тобой хлеб — то же самое, что выращенный скот. Дать зверю потрапить хлеб — все равно, что отдать овец на съедение волкам! Раз уж сами ленитесь зверя бить, хотя бы мне говорили...

На стоянке Ирбижея не оказалось — он пас отару в горах.

Нас-Сурун отнес в юрту мясо, наказал Анай-кыс:

— Твоим детям, Анай. Варить долго надо. Поняла? Передай Лапчару: если где увидит волчьи следы, пусть сразу ко мне... Теперь, бригадир, правь к Бижээчи.

Такой он, Нас-Сурун. Всеми командует — старыми и молодыми, знакомыми и незнакомыми. И все почему-то подчиняются ему. Послушно выполнял его распоряжения и Эрес Оюнович.

Приехали в Бижээчи, к старику Чалбаа. И ему оставили кусок кабанятины с ребрами. Дед даже спасибо сказать не успел.

— Давай в Бору-Суу, бригадир!— махнул рукой охотник.

Тазаранмай, находившийся еще на осенней стоянке в Куу-Даге возле Бору-Суу, встретил их на пороге юрты с деревянным корытом в руках.

— Я еще вечером вчера слышал твой выстрел, Нас-Сурун. Давно жду тебя: вода в казане несколько раз выкипела.

И ему отделили часть добычи.

Еще один чабан — Чавынчак — тоже не удивился появлению Нас-Суруна. С чем же еще приедет охотник, если не с мясом? Еще и выговорил:

— Ты когда мне ружье достанешь? Не дело чабану быть без ружья...

В устье Кулузуна завернули к Туману Кызыл-оолу. Тот вышел из дома, держа в зубах самокрутку в палец толщиной и окутываясь клубами махорочного дыма.

— Из Оргюнских перелесков?— спросил для порядка и как бы оправдываясь.— Не смог я, понимаешь, с тобой... Только только на зимник перебрался...

Нас-Сурун молча подал ему кабанью ляжку.

— Все вы такие,— проворчал.— Как позовешь,— никто не едет. Как мясо увидят,— языки краснеют! Я этого секача встретил как раз в том месте, где ты волчью нору находил.

— Ха!— воскликнул Туман Кызыл-оол.— Вспомнил! Ты меня тогда чуть не погубил.

— Сам хорош!— буркнул Нас-Сурун.

А дело было так. Нас-Сурун взял с собой Тумана, еще мальчишку. За Оргу наткнулись на волчье логово. Волчата нырнули в нору. Не подумав, что там может быть и волчица, Нас-Сурун привязал Кызыл-оола за обе ноги и велел лезть в логово. Тот послушался. Волчицы, к счастью, не оказалось, но мальчишка и без того натерпелся страху. Лезет он в нору. Темно, ничего не видать, а лаз все уже и уже... Нащупал что-то мягкое, схватил в охапку. Волчата! Крикнул: «Тяни!» И застрял. Ни взад, ни вперед. Запах в норе — не продохнуть. И о волчатах позабыл. Нас-Сурун тянет,— не поддается. Испугался. Что делать? Еще потянул — крепко застрял Туман. Немного погодя мальчишка опять кричит: «Тяни!» Дернул охотник и сразу вытащил его, правда, всего исцарапанного.

— Пошли отсюда,— сказал Нас-Сурун.— Ну их, волчат...

А Туман аж дрожит, такой его азарт взял, и снова лезет в нору.

— Там камень мешал. Я его убрал.

Взяли они тогда десять волчат.

...Груза в машине заметно поубавилось, но Нас-Сурун называл все новые и новые стоянки чабанов. Заезжали к Дуку. Тому, по слухам, жена соседа палкой голову разбила. А от такой беды, сказал охотник, хорошо помогает опаленная кабанья голова — все равно что желтый китайский клей раны заживляет. Дук и вправду встретил их с перевязанной головой, но выглядел вполне нормально.

— Я-то думал, у тебя кувшин вдребезги,— прищурил глаза Нас-Сурун.— Думал, одно ухо, один глаз, половинка носа остались. Думал, расколотый кувшин свой в руках держишь и плачешь... Как же это ты с бабой связался?

Черные усы Дука не скрыли улыбки.

— Я в тот вечер выпил... немного. Пошел к соседу, а его жена меня за вора приняла и — рраз! Даже палка сломалась. Узнала и сама перепугалась еще больше. Ну, у них козья голова была. Она ее опалила, соскребла нагар, смазала мне рану, перевязала. Голову съест веледа, тоже, сказала, поможет...

— Значит, обошлось? Ну, раз уж тебя лечить ехали, забирай кабаньи ножки. Они получше козых.

До горы Куу-Даг, где зимовье Дадар-оола, порядочное расстояние. Всю дорогу Нас-Сурун охотничьи байки рассказывал. Такое вспомнил:

— Дело было там же, за Оргу. Весной пошел я волков искать. Один пошел. Бывают же случаи, бригадир. Ты послушай. Выгнал я волчицу из логова. А ей время пришло разродиться... Я сперва не разобрался, погнал ее. Детеныш у нее и выпал. Ну, думаю, убежит. Как же! Стоит около волчонка. Я спрыгнул с коня, нацелил ружье. Она даже не шевельнулась. Облизывает детеныша, будто меня тут и нет. Потом подняла голову. Глаза злые из-под лба на меня уставила. Ух и глазищи! И гнев, и месть, и жалость, и надежда... Веришь, бригадир? Много у меня скота волки погубили. Много я волков и волчат потравил. Не смог я эту волчицу пристрелить. Рука не поднялась. Сказал ей: «Больше не попадайся». И уехал...

Он закурил и долго еще покачивал головой, словно заново переживал тот случай. Эрес Оюнович тоже молчал. Не думал он, что у охотника такое жалостливое сердце.

Между тем добрались и до Дадар-оола. Тот забасил, будто уличный репродуктор:

— Опять по аалам разъезжаешь?

Нас-Сурун даже из машины выходить не стал. Протянул ему мясо.

— Торопимся мы.

Доехал Нас-Сурун с бригадиром до Агылыга. Там остался. Заставил Эреса Оюновича тоже немалый кус кабанятины взять. Уже после Херел узнал, что к себе в Буурзек охотник только голову секача и довез — все пораздал.

ПРОЩАЙ, КОЧЕВЬЕ?..

Сначала об этом только разговоры шли. Потом стало известно, что в райцентре проходят собрания. Чабанам это вовсе не безразлично было, поскольку их жизни касалось, их работы. По-разному рассуждали, спорили и сомневались, поддерживали и возражали.

Лапчар Ирбижеевич тоже постоянно теперь одно в мыслях

держал — один ли когда, с отарой, или на вершине Баян-Сагаана у древнего субургана, за пиалой ли чая, даже во сне. Бывало, и с женой о том же разговорятся. То им казалось, что предложение дельное, то — наоборот.

Тем временем и до совхоза «Хайыракан» очередь дошла. Стали по аалам объявлять о собрании животноводов. Видно, срочное дело, раз в каждое зимовье разослали агитаторов, да не просто разослали, а с разъяснениями. Что говорили? Дескать, чабаны Агылыга не хуже других, не станут от всех животноводов республики отставать. Вот примут на собрании решение, и — если все сбудется, — это все равно что светлая мечта...

Агитаторы могли радоваться: в назначенный день, в назначенное время явились чабаны все, как один. Полный клуб народа собрался. Пришли и приехали не только чабаны, а и просто любопытные, даже те, кто при слове «собрание» нос воротят, а прослышав о развлекательном мероприятии, торопятся прежде других поспеть.

В президиуме, как положено, появились управляющий отделением Дажысан, секретарь парторганизации совхоза и незнакомый товарищ, видимо, из райцентра.

Дажысан встал и поступал карандашом по графину с водой.

— Тихо, товарищи! Очень шумно. Товарищ Ламажай! Ты во время перерыва о своем расскажешь. Хорошо? Товарищ Нас-Сурун! Про лесных зверей мы после собрания послушаем. Сейчас мы будем про животноводство говорить. — Он прокашлялся. — Если все приглашенные собрались, есть предложение открыть собрание чабанов отделения Агылыг (послышались редкие хлопки и голоса: «Давайте!»). Громких аплодисментов не надо, товарищи. Вопрос необходимый, непосредственно относится к нашей работе. Я думаю, председателя мы выбирать не будем (он обвел взглядом сидящих рядом с ним). Поручим вести собрание нам. Нет возражений? (Послышались голоса: «Правильно!», «Когда много начальников...» Кто-то засмеялся. Дажысан, вытянув шею, всматривался, пытаясь угадать, кто сказал насчет начальников.) Шумно, товарищи, очень шумно! Нам предстоит сегодня решить очень важный вопрос (каждое последующее слово он произнес отчетливо, с расстановкой) — о перекочевке... животноводов... в село (поднялся шум, как в разоренном пчелином улье. Стуча по графину, Дажысан с трудом утихомирил народ). Кто за это предложение по повестке дня, прошу вместе со мной поднять руку (дружно взметнувшиеся руки вызвали улыбку у всех троих в президиуме). Хорошо, товарищи. А теперь пусть тот, кто против, тоже поднимет

руку (кто-то насмешливо выкрикнул: «А сами вы почему против?..») Дажысан, будто шилом укололся, быстро опустил поднятую руку). Это по ошибке, товарищи. Воздержавшихся, конечно, тоже нет? Нет. Хорошо. Тогда попрошу вас внимательно послушать, ну, и дать свои предложения. Я не буду напоминать вам о том, что каждый человек может вносить предложения. Вышестоящие органы, товарищи, проявляют неустанную заботу о развитии животноводства, о вас, товарищи. На эту заботу вы должны ответить старательным, ударным трудом. Ваша судьба, ваша счастливая жизнь, товарищи, находится в ваших руках. Если вы будете героически трудиться, мы установим на одной из улиц Агылыга ваши бюсты, отлитые из бронзы...

Еще какое-то время управляющий отделением призывал чабанов отдать все силы, напоминал о важности обсуждаемого собранием вопроса, давал разного рода ценные советы, не забывая при случае вернуть слова, вычитанные им в газетах и услышанные по радио. Лишь после этого он передал слово товарищу, действительно приехавшему из района.

Если Дажысан говорил прямо из-за стола президиума, докладчик чинно направился к трибуне. Привыкший, должно быть, к частым выступлениям и многолюдью, он не смутился и не спешил. Положил на трибуну большую красную папку, раскрыл ее, поворошил лежавшие в ней листы, затем достал из кармана очки, поглядел на стекла и стал протирать их носовым платком. Еще раз проверил, прозрачны ли они, нацепил очки на нос и, немного наклонившись, посмотрел поверх них в зал.

Он уже готов был начать говорить, но тут вскочил Дажысан и торопливо, расплескивая воду, наполнил из графина стакан и отнес на трибуну. Докладчик кивком поблагодарил его, крепко обхватил руками края трибуны, словно находился в лодке посреди бурной реки, выждал мгновение и обрушил на чабанов поток слов.

Начал он, понятно, с международного положения.

Коснувшись сложных взаимоотношений между странами в целом, он углубился в положение западноевропейских государств и основательно проборонил реваншистов ФРГ. Затем, перешагнув через Гибралтарский пролив, проследовал в Африку и от всего сердца передал горячий братский привет народам Конго и Мозамбика, Анголы и Эфиопии, обстоятельно охарактеризовал обстановку на Ближнем Востоке, гневно заклеив сионистов, и поплыл в Атлантический океан. Не выходя из воды, словно раненый медведь, набросился на американских

милитаристов, разорвал их в клочья и, с искренней симпатией отозвавшись о чилийских патриотах, вцепился в горло Пиночету. Оттаскал его, переправился через Тихий океан, отдышался и уже спокойно совершил пробежку по Австралии и мелким островам Малайзии. Отдал должное мужеству патриотов Лаоса, Вьетнама и Кампучии, мгновенно преобразился и растрепал, как свалявшуюся шерсть, «банду четырех», а затем несколькими приемами каратэ разделался с японскими самураями. После этого он отпил из стакана и начал приближаться к родным берегам со стороны Курильской гряды...

Народ стал проявлять нетерпение, выходить, хлопать дверями. Кое-кто, не выдержав, закурил. Дажысан, не осмеливавшийся прервать докладчика, негромко постучал по графину. Шуметь не стали меньше, но сигнал управляющего отделением дошел, видимо, до докладчика, и он стал закругляться. Не с докладом, а только с его всеохватным международным разделом.

Когда же он, слегка затронув вопросы производства в целом по стране и кратко охарактеризовав достижения республики, въехал на территорию района, миновал центральную усадьбу совхоза «Хайыракан» и сделал долгожданную остановку в селе Агылыг, чабаны с облегчением вздохнули. Любопытствующих к этому времени в клубе уже не оставалось. Продолжали внимать речам докладчика только те, кто имел непосредственное отношение к животноводству.

— Нужно следовать примеру Коржен-оола!— возгласил товарищ из райцентра, наконец-то добравшись до существа вопроса, ради решения которого и съехались со всех стоянок чабаны.— Знатный чабан совхоза «Элегест» Санаа Коржен-оол, товарищи, подал замечательный пример всем животноводам Тувы. Он и его помощник переехали в село и живут теперь в больших, чистых и светлых домах.

— А овцы тоже?— спросили из зала.

— Что — тоже?

— Переехали в село?

Зазвенел графин.

— Овцы, говорите? Отара, товарищи, остается на пастбище, и чабаны пасут ее по очереди.

В зале зашумели. Докладчик повысил голос:

— Вначале один семь дней пасет, потом другой семь дней. Отработав свою смену, возвращаются в село. По-культурному сходят в баню, могут дома отдохнуть, могут в кино сходить. Это, товарищи, как показал пример Коржен-оола, позволяет

сократить расходы на строительство зимников. Коржен-оола вы знаете — он ваш земляк. Стал знатным чабаном. Его ценный почин поддержали чабаны Эрзина и Тес-Хема, Бай-Тайги и Монгун-Тайги. Я надеюсь, товарищи, что вы тоже последуете его примеру.

Облегченно вздохнув, докладчик вернулся к столу президиума и сел. Раздалось несколько негромких хлопков, и наступила тишина. Неожиданно громко рассмеялся лесообъездчик Ламажай.

Дажысан вскочил:

— В чем дело?

— Мухам деваться некуда — бьются о стекла, а вылететь не могут.

Управляющий рассердился:

— Ты зачем сюда пришел? Ты какое отношение имеешь к животноводству?

Ламажай поднялся и вышел из клуба.

— Теперь можно задавать вопросы, — сказал Дажысан.

— Когда окот начнется, что делать?

— Порядок, товарищи, порядок! — пристрожился Дажысан. — Сначала надо руку поднимать.

Докладчик не стал ждать, когда повторят вопрос:

— В этот период чабаны работают как обычно: к ним приезжают сакманщики.

— А если чабанами муж и жена? — загудел Дадар-оол. — Тоже им в село переезжать и бегать к отаре по очереди? Так, да?

Этот вопрос застал докладчика врасплох.

— Такой случай... э-э... требует дополнительного изучения, — проямлил он.

Дажысан пришел ему на выручку:

— Надо найти другого чабана. Мы сейчас решаем главное: чтобы семьи чабанов обязательно жили в селе культурной жизнью.

Дадар-оол снова зашумел:

— А если кто хочет вместе работать?

— Ты говори конкретно.

— Например, мы с женой.

— Найдем твоей жене работу в селе.

— Не будет она. Зачем насильно заставляя другим делом заниматься? Мы всю жизнь чабанами были...

— Садись! — нахмурился Дажысан. — Сейчас надо вопросы задавать. Предложения — потом.

Медленно поднялся Бады-Суу.

— Мы со старухой можем хоть по неделе, хоть по месяцу жить отдельно. А как молодым чабанам, недавно поженившимся? Сколько они продержатся на работе, если мы их станем разлучать?

— Молодежь должна преодолевать трудности!— горячо воскликнул докладчик.— В годы войны...

— Теперь мирное время!— перебил его молодой голос.

Докладчик хотел что-то еще сказать, но его опередил Нас-Суун. Охотник на собраниях не бывал и нигде никогда не выступал. Тем неожиданной было, что он заговорил:

— Что мне делать, уважаемые мои даргалары? Весной, когда лед уйдет, и до зимы так я и буду жить на той стороне Улуг-Хема один с козами?

— Для чабанов, которые живут за Енисеем, совхоз купит моторную лодку. Тогда и ты через семь дней будешь встречаться со своей старухой.

Докладчика подняли на смех. Ему поспешил на выручку управляющий:

— Вопросы стали повторяться. Давайте кончим с вопросами и перейдем к предложениям.

Как же обманулся Дажысан! Только теперь и разговорились, распорились чабаны. Некоторые выступали по два, а то и по три раза. Никого, похоже, не убедил почин Коржен-оола, его замечательный пример. Слыханное ли дело — жить отдельно от овец?! Что из этого получится?

Собрание затянулось, пора было уже принимать решение, но тут слова попросил Лапчар Ирбижей.

— Культурный уровень животноводов поднимать надо. С этим я соглашусь. Давно пришло время решать этот вопрос. Иначе трудно будет привлекать в животноводство молодежь. Надо создавать молодым условия для культурной жизни — для работы, для отдыха, для учебы. Я думаю, не только о молодых надо позаботиться...— Он задумался.— Коржен-оола я давно знаю. Мы с ним вместе в школе учились. Он стал знатным скотоводом, и это очень хорошо. Я приветствую. И предложение его тоже приветствую, и рад за него. Но лично я с ним не согласен. Может быть, для Элегеста то, что он предложил, подходит, а для нас не годится. Зачем, чтобы улучшить жизнь животноводов, переселять их в село? Совсем не обязательно. Чабан должен жить рядом с овцами. Так всегда было. И те, кто сеют хлеб, тоже больше соберут, если будут ближе к земле. Разве не так? ~~Что наши механизаторы сделали~~ — спасибо Эресу

Херелу?! Они, чтобы улучшить свою культурную жизнь, не переехали в Агылыг, хотя у них и машины, и тракторы всегда на ходу. Они ближе к полям построили Ырлыг-Булак. Так, да?! У них все есть, о чем мы теперь говорим: электричество, радио, баня, школа, ясли, магазин. Разве им хуже, чем тем, кто в Агылыге живет? Нисколько. И молодежь не надо уговаривать остаться в Ырлыг-Булаке. Предложение Коржен-оола, может, и хорошее предложение, но у нас лучше сделать по-другому. Не надо переселять чабанов в Агылыг. Надо провести на их стоянки электричество, построить им хорошие дома, теплые кошары...

Товарищ из района что-то шепнул Дажысану. Тот вскочил.

— Давайте не будем повторяться. То, что вы говорили, у нас делается. Но сегодня требуется другое...

— Подождите, дарга!— не уступал Ирбижей.— Вы сами сказали: каждый может вносить свои предложения. Вот я и предлагаю пробить на каждом зимнике колодцы, снабдить чабанов и овец хорошей водой. Ведь болеют...

— Потому мы и хотим переселить животноводов в село,— перебил Дажысан.

— Разве?! Товарищ докладчик указал, что главная причина — увеличить поголовье скота в республике. Очень важная задача! Но как же мы решим ее, если оставим скот без присмотра? Я другое хочу предложить. В местах, где много чабанов, как у нас, создать бригады. Пусть там будет все, что надо для культурной жизни. Пусть там чабаны собираются отдохнуть, с друзьями поговорить. Пусть дети чабанов живут ближе к животным. Пусть в такой бригаде живут зоотехник и другие специалисты вместо того, чтобы разъезжать из Агылыга по чабанским стоянкам и машины изнашивать. Вот так я считаю. И совсем не обязательно свозить нас всех в Агылыг.

— Ваше выступление, товарищ Ирбижей, сегодня закончится?— постучал по графину Дажысан.

— Партия давно отбросила с дороги такое руководство — нельзя насильно давить на людей сверху!

— Перестань!— не сдержался и Егор Ензакович.

— Пусть говорит!— загудел зал.

— Никто тебе сверху не диктует,— попытался сгладить остроту Дажысан.— Этот вопрос поднял такой же чабан, как и ты. С н и з у поднял.

Слово «снизу» управляющий особо подчеркнул.

— Это я понимаю,— согласился Лапчар.— Но вопрос надо рассматривать творчески, учитывая обстоятельства разных местностей. Вот о чем я говорю. У нас другие условия, не такие,

как в Элегесте, где все рядом, все по соседству. Что получится, если мы станем наезжать из села к своим отарам раз в неделю? Сказать? Вот что получится: продуктивность снизится, привесы снизятся, поголовье уменьшится. К овцам в гости нельзя ходить. С ними постоянно надо быть, чтобы толк был. И еще скажу. В надежде, что напарник станет хорошо работать, косякие сменщики загонят овец в кошары и будут сидеть за чайником, а то и за бутылкой... Я так работать не привык. Свой культурный уровень можно повышать и без того, чтобы оставлять без присмотра общественный скот. Я лично в село переезжать не собираюсь.

Перебивая друг друга, Дажысан и докладчик начали доказывать, что Ирбижей кругом неправ, что у него отсталые взгляды, что почин Коржен-оола обязательно должен быть поддержан, что по его примеру всюду полным ходом идет переселение чабанов на центральные усадьбы.

Секретарь партийной организации помалкивал и участия в этой перепалке не принимал. Очевидно, не был он убежден, что затевается нужное дело, а противиться установке сверху не рискнул.

После перерыва большинство проголосовало за то, чтобы перевести чабанов в Агылыг, а пасти овец поочередно. Решили, одним словом, не срамиться перед людьми и последовать передовому методу Коржен-оола. С тем и разошлись.

На другой же день началось переселение. Ничего трудного в этом деле не было. Искать, просить лошадей или волов, как прежде, для перекочевки не надо. Прислали на зимовья грузовики, и остались от аалов только темные пятна на земле...

На другой же день приехал к Лапчару Дажысан с незнакомым молодым парнем и сказал:

— Передайте отару этому человеку...

Эдуард Донгак

СТАРЫЕ СТОЙБИЦА

Главы из романа. Журнальный вариант

Между верблюжьими горами холмов из ложбины показался всадник. Второго коня он вел в поводу. Остановился над обрывом, жадно вглядываясь в открывшуюся перед ним картину.

...Да, красивы реки Бий-Хем и Каа-Хем! Как путешествен-

ницы, не подозревавшие о существовании друг друга, внезапно встретились они на перекрестке двух дорог. По-тувински поздоровались за руки, развели огонь, сварили густой желтый чай, а во время беседы поняли вдруг, что они — кровная родня. Обнявшись, двинулись дальше, одаря щедрой материнской любовью встречающиеся на пути народы...

— Откуда вы, сестрицы?— прокричал путник.

— Издалека-а!— в один голос ответили реки-сестры.

— Куда путь держите?

— Далеко-о!

— Странствуете по свету?

— Вовсе нет! Наш путь — это путь народа, неисчислимого, как деревья на наших берегах.

— Где же конец вашему пути?

— Нет его!

— Когда же расстанетесь?

— Никогда. Даже если путь нам преградит скала,— сметем любую. Ведь люди, живущие на наших берегах,— дети наши. Ради их счастья мы никогда не расстанемся. Ради них и их потомков и днем, и ночью, и в летнюю жару, и в зимний холод будем петь и петь нашу песню, нашу вечную песню дружбы,— не останавливаясь, прожурчали сестры.

...И сказал тогда им путник:

— Это я, Амырын, обьехавший чуть не весь свет. Тот, что родился на берегах речушки, впадающей в Улуг-Хем, и там впервые утолил жажду родниковой водой. Моя речка зовется Шивитиг, в ней много красных камней. Она течет за теми снежными горами, чьи вершины похожи на шатры. Там живут мои сыновья, моя жена. Я не видел их десять лет...

...К подножью хребта Танну-Ола весна 1921 года пришла рано. Однажды утром, проснувшись в своем зимнем стойбище на ковыльном холме, Амырын Донгак взглянул в сторону Согуна-тайги и удивился. В одну ночь снег растаял. Еще дальше, раздевшись до пояса, чернел Дус-Даг. Амырын спустился в ложбину, откуда обычно брал снег для питья, но и там все успело растаять. Снег для приготовления завтрака пришлось искать далеко от стойбища.

Оставшись без воды, аалы стали перебираться на весенние стоянки. После той ночи, когда так сразу растаял снег, стал собираться и Амырын, чтобы уже на следующий день перекочевать на новую стоянку. Перебравшись сам, он перегнал табун,

отпустил вьючных животных, поймал и оседлал отвыкшего за зиму от седла длинноногого лихого скакуна по кличке Эзир-Кара — Черный Орел.

Шел третий день, как Амырын перегнал в долину реки табун в тридцать голов, когда в аалы донеслась тревожная весть. «Прошлой ночью по дорогам Шивитига прошел вооруженный отряд. На пастбище, из отары, они забрали с собой несколько овец...» Слух прокатился вниз по реке, побывал в каждой юрте и в тот же день дошел до зимних стойбищ Дус-Дага. Прослышав, что то тут, то там видели люди следы загнанных, с разбитыми копытами лошадей, Амырын собрался проверить свой табун. Найдя место, где накануне ночевали бандиты, увидел там шкуру вороного жеребенка и сразу узнал... В его табуне лошади, все тридцать, были чернее вороньего крыла. Лишь некоторых украшали белые пятна на лбу да возле копыт. И все были смиренные, за ними и гоняться не пришлось; одного закололи, съели, как волки, других оседлали и ускакали...

В тот вечер принесли Амырына на его весеннее стойбище стальные копыта Эзир-Кара, да не так, как обычно, — искры и комья земли летели из-под копыт, словно не домой возвращался всадник, а стремился победить на скачках. В аал въезжал Амырын обычно шагом, редко-редко — трусцой. На сей раз влетел на полном скаку под суматошный лай непривычных к такому собак. Жена и теща вышли ему навстречу. Лицо Амырына было пасмурнее осеннего неба.

— Эх, мои три десятка вороных!.. Жизнь моя, кони мои! — только и вымолвил он, входя в юрту.

Долзан поднесла мужу пиалу с чаем. Амырын едва смог удержать ее в руках: чай то и дело выплескивался через край.

— Всех моих черных коней увели русские, — сказал он, наконец. Вышел из юрты, побродил вокруг и вернулся обратно. На месте не сиделось. Пытаясь отвлечься, закурил, но и это не помогло.

— Что же думаешь делать, сынок? С людьми посоветовался? Что говорят? — взволновалась теща.

— Все говорят, мне ничего не сделать с вооруженными солдатами. Не помирать же...

— Оммани патна хон! Боже милостивый! И ведь люди правы, сынок...

Амырын снова умолк. Теща, потягивая длинную тальниковую трубку, думала о том, чем бы отвлечь его в эту минуту, и уже догадывалась, что такое он замыслил.

— Я поеду за табуном...

— Что ты говоришь, сыночек! Скот есть скот, вырастишь снова,— попробовала отговорить его старуха.

— Они ушли в Чадан. Пока не простыл след, пока не растаял снег, мне нужно за ними. Что кони... Они устанут, бандиты возьмут других, а моих отпустят,— задумчиво ответил ей зять.

Старуха не нашла, что возразить, а Долзан подумала: «Может, и вправду все обойдется...»

В ту ночь Амырын не сомкнул глаз. Чуть свет снял он с крыши скотного двора лежавшего там еще с начала зимы заколотого про запас барана и, сварив жирное, с салом в два пальца толщиной, мясо, основательно позавтракал, запив еду чайником чая.

После этого он попросил тещу заплести ему на макушке косу и вплести в нее черную бархатную ленту. Перед тем, как сесть на коня, приласкал Хорагая. Тот, схватившись за подол отцовского халата, что-то лепетал. Амырын взял его на руки. Малыш подергал его черную косу и громко рассмеялся. Отец прижал сына к себе:

— Ничего, сынок, будешь еще гарцевать на вороном жеребенке. Я тебе найду его, честное слово!

— Ача! Ача! Му! Му!— пуще прежнего обрадовался ничего не понявший малыш, громко хохоча,— так он требовал посадить на коня, Долзан, взволнованная, вынула из люльки грудного и подошла к ним.

— Он тоже хочет с тобой попрощаться,— она поднесла младшего к лицу мужа. Амырын легко коснулся губами лба Нуурупа.

— Поиграй-ка на улице с ягнятами, сынок!— повернул он голову к старшему.— А на тот год, глядишь, и Эзир-Кара перегонишь.— С этими словами он посадил упирающегося сына на войлок: больно уж тому понравилось у отца на руках.

— Му! Му!— тянул Хорагай, показывая на выход из юрты.

— Нету наших «му-му»... Вот я поеду, пригоню, что осталось. А ты с братиком побудь. И маме поможешь ягнят пригнать, да, сынок?

Долзан сидела на кровати, склонясь над младшим,— кормила грудью. А отец все не мог расстаться со старшим сыном...

— Нельзя пускаться в путь, раз дитя тебя не пускает,— проронила теща.— Вряд ли найти тебе табун, раз его угнали бандиты. А скот вырастим снова,— она все не теряла надежды удержать Амырына.

— Эти тридцать коней — вся моя жизнь. Я обязательно должен их найти,— после минутного молчания отозвался тот.

— Пережди хотя бы, пока прояснится лик горы, сынок,— не отступала старая женщина.

Амырын поглядел на вершину Шивиттига, затянутую тучами, опустился на одно колено. Попросив духов не оставлять его своим вниманием и помощью в пути, он поднялся, подозвал Хорагая и, напоследок, приласкал его еще раз. Поняв, что зять ничем не удержишь, старуха налила молока в ритуальный сосуд с девятью отверстиями, побрызгала в девять сторон света, прося Курбусту — владыку небесного о снисхождении и милости.

...Амырын попробовал ногами стремя Эзир-Кара, тронул повод и хлестнул плетеной камчой. Вот уже и не слышен в аале стук его копыт по черной, едва оттаявшей земле, только в ушах Амырына все звенит плач маленького Хорагая...

Всадник придержал коня и оглянулся на аал. Небо над рекой Шивиттиг не успело проясниться. Он спешил и закинул повод за переднюю луку седла. Рысистый конь фыркал и мотал головой. Скрестив ноги, Амырын уселся на землю, не спеша набил трубку с мраморным мундштуком и, с естественной тоской человека, готового надолго покинуть родные места, посмотрел на затянутую туманом вершину Шивиттига. Ему предстоял путь по крутой тропе между скал, мимо острых, уткнувшихся в облака, гребней хребта, где он с раннего детства пас коз и не раз рисковал, оступившись ненароком, скатиться на плохо различимое дно ущелья. И все же эта тропа всегда спасала его от голодной смерти, да и тем, что вырос настоящим мужчиной, Амырын тоже был обязан ей. Он понурил голову, и его густая коса свесилась на грудь. Перекинув ее за спину, Амырын еще раз помолился духам гор.

Откуда было знать ему, чем обернется эта поездка? Оглянувшись снова на аал, он увидел окутанные облаками отроги гор и подумал о сыновьях; сердце сжалось от грустных предчувствий. Казалось, Хорагай и сейчас тянет его за подол халата, а двухмесячный Нууруп, лежа в своей люльке, шевелит губами, пытаясь произнести: «Останься, отец!»

«Вот я, взрослый человек, иду навстречу неизвестности за какими-то «белыми», бросив на произвол судьбы свою семью. Может, послушаться тещи, вернуться? Нет! Ни за что не отдам двуногим волкам выращенный собственными руками табун. Я непременно должен вернуть его. И верну».— Последние слова Амырын проговорил уже вслух и вскочил в седло.

Чтобы дать лошадям отдохнуть, отступавшие белогвардейцы сделали у реки привал. На свет костра подъехал тувинец на вороном коне. Не обращая внимания на стволы винтовок, наведенные на него, он как ни в чем не бывало успокоил своего разгоряченного коня, спешился и попытался вступить с белыми в переговоры. Солдаты отвели его к офицеру.

Место, облюбованное белогвардейцами, было очень удобным и напоминало по форме корыто. Заглянув в него с седловины, Амырын решил, что здесь никого нет. Поэтому он спокойно поскакал вниз по склону холма, а когда угодил прямехонько в лагерь тех, кого преследовал, понял: так просто отсюда не вырвешься. Хотя сердце и ушло в пятки, держался он с достоинством и обычной невозмутимостью, всем видом показывая, что ему все нипочем. Поудобнее усевшись в седле, он, пряча свой страх, размышлял, чем же теперь кончится эта история.

Весна 1921 года была последней для колчаковцев.

Остатки воинства атамана Казанцева не попали в число тех, что под командованием прапорщика Поползухина были разгромлены на реке Тарлашкын; благополучно избежали они боя и на Хемчике. Еще до этих событий они разошлись во взглядах с атаманом, метавшимся взад-вперед в поисках подкрепления, пришли к выводу, что все равно умирать, и подались вначале в западную Монголию на соединение с группировкой белых, а затем, в надежде, что главные силы Колчака все еще в Омске, двинулись туда.

Эти-то люди, бежавшие от уготованной им своим атаманом неминуемой гибели, и выставили вокруг выбранной для ночлега котловины охрану, на которую напоролся тувинец на резвом вороном коне.

«Это, верно, самый главный»,— подумал Амырын, когда его привели к офицеру.

Долго ходил тот вокруг прискакавшего к костру человека, разглядывал. Скитаясь по Монголии и Туве, он основательно изучил не только одежду, но и характер местных жителей. Перед ним стоял не чиновник, не нойон, а простой тувинец, правда, видно по всему, смельчак, удалец из удалцов. Такие тувинские парни нередко вместе с красными русскими партизанами боролись против белых, об этом говаривал атаман Казанцев, да и не только он. Вспомнив об этом, белогвардеец почувствовал, что душой его овладевает страх, и, хотя был человеком не робкого десятка, пристально взглянул в сторону холма, из-за которого прискакал этот тувинец: а не крадутся ли следом за ним и в самом деле партизаны?

— Что привело вас сюда?— обратился он, наконец, к Амырыну.

Амырын сказал по-тувински:

— Отдайте мне моих коней.— Он для наглядности показал рукой на стоящих на привязи лошадей.

— Даже ханы и нойоны этих дикарей падали передо мной на колени. А тут — смотрите, какой важный,— усмехнулся офицер.— Выясните, что за птица и с чем пришел,— приказал он своим.

Один из белогвардейцев, долговязый парень, принялся на пальцах выяснять отношения с Амырыном: тот не говорил по-тувински, этот ни слова не знал по-русски. Однако, с горем пополам, разобрались, в чем дело.

— Это хозяин тех смирных лошадок, которых мы оседлали позавчера. Просит, чтоб вернули,— доложил долговязый.

Офицер ответил не сразу. Задумавшись, он глядел в сторону тайги, откуда прискакал неожиданный гость. «Напрасно атаман Казанцев не вникает в суть проблемы достаточно глубоко. Он все время забывает, что и в Танды-Туве партизанское движение развивается, причем почти так же быстро, как и в России. Надо бы изложить эти соображения главному командованию в Омске. Ведь в самом деле: какие-то оборванцы могут запросто уничтожить моих людей!»— сказал он себе и еще раз оглядел Амырына.

— Вернем! А пока он должен надеть обмундирование, какое носит священное войско белого царя. Он станет большим человеком, получит военный чин. Объясните ему.

Он коротко усмехнулся, а затем строго сказал:

— Выполняйте приказ! Пора двигаться в путь. Или есть возражения? Нам уже на пятки наступают.

Солдаты срезали под корень черную косу Амырына и вместе с вплетенным в нее черным бархатом швырнули в костер. Подбросили туда сухих веток и отправили вслед за косою амырынову одежду, так что ему уже ничего другого не оставалось, как облачиться в мундир.

Вот тогда-то Амырын растерялся по-настоящему. Тем более, что чувствовал он себя неловко в военной форме, которой никогда не носил.

Что ж, если корова пала, нечего хвастать, что она давала много молока... Он долго шел по следам белых, а там, где следы исчезали вместе с растаявшим снегом, старательно расспрашивал людей об их маршруте. Но даже и не предполагал, что так глупо сам попадет к ним в руки. «Больше всего я виноват

перед детьми и женой»,— думал он, то и дело одергивая тесную после просторного халата форму.

— Эй, сойот! Что застыл, словно аршин проглотил? И сутулиться, как старая бабка, не надо. Учись, каким должен быть солдат.— Опекун Амырына, долговязый солдат, осклабился, в глазах же у него промелькнуло презрение. Остальные одобрительно захохотали. А командир сказал, подкрепляя слова жестами:

— Будешь пока ухаживать за лошадьми. А потом заберешь свой табун — и обратно домой.

Из всего этого Амырын понял, что ему все-таки обещают вернуть коней. Он получил тупую саблю и незаряженную винтовку.

Если и до этого немногочисленный отряд шел без остановок, то теперь, после двухдневного отдыха, двинулся еще быстрее.

...Как хочется пить! Полный ковшик, сделанный из красной березы Шивиттига, протягивает ему Долзан. Он пьет, пьет, но не может напиться... Он в летнем стойбище, высоко в горах. Отовсюду несется мелодичный звон ручьев, стекающих с гор. Родниковых ручьев. Какая в них вода! От одного глотка пробирает до костей. Одною глотка хватает, чтобы утолить жажду. Журчание завораживает, хрустальный звон слышен день и ночь... Проснешься и слушаешь, и слушаешь это околдовывающее пение. Оно никогда не надоедает и не мешает. Наоборот, плывешь, плывешь под это убаюкивающее пение...

«Воды! Воды...»— хрипит Амырын. Глаза его закрыты, во рту пересохло, язык не ворочается... Долзан протягивает ему полный ковшик воды из родника, который бьет неподалеку от юрты. Он пьет и пьет, но жажда не проходит...

«Воды...»— стонет Амырын. Никого нет. Никто не подаст воды. Никто никогда не даст ни глотка воды. Вода ушла. Навсегда...

...Амырын открыл глаза и удивленно осмотрелся. Он лежал в белой юрте о четырех стенах. Казалось, они намазаны белой землей, такой, какая бывает на склонах Шивиттига. Все было белым. Он увидел склоненное над ним лицо. Девушка. Белая одежда, белая косынка, светлые волосы под ней. Что-то спросила. Амырын не понял, покачал головой. Пить! Она тоже покачала головой, и он увидел в ее руках полую продолговатую стеклянную трубку с иглой на конце. Из иглы выплыла капелька влаги. Пить!!! В предплечье что-то кольнуло, обожгло болью. Но зато сердце, колотившееся так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, стало успокаиваться.

Вошла другая женщина в белом и влажным комочком чего-то белого осторожно смочила ему губы.

Обе женщины не отходили от Амырына. Меняли влажные повязки на лбу, смачивали губы. Наконец, Амырын перестал бредить и уснул.

Когда проснулся, голова была ясной, только по-прежнему мучила жажда. Вокруг стояли люди в белом. Амырын рванулся, пытаясь приподняться, но не смог. Спина словно прибита к постели.— Пить хочется... Дайте, ну, дайте воды!— жалобно попросил он.

Медсестра подошла к нему, поправила под головой подушку, и Амырын понял: нет, это не сон, перед ним самые настоящие живые люди. Так что же произошло?

...Часто захлопали выстрелы. Эзир-Кара стремительно уносил начальника белых. Амырын помчался вдогонку, колотя пятками своего нерасторопного коня. Оттого, что всадник беспорядочно дергал поводья, Эзир-Кара развернулся и понесся навстречу Амырыну. Не мешкая, тот перехватил поводья, и офицер мешком свалился наземь. Амырын, уже ни о чем не думая, соскочил на землю и, лихорадочно цепляясь за седло рвущейся вперед лошади, все-таки вскочил в него и помчался куда глаза глядят, не разбирая дороги. Офицер, очнувшись после падения, встал на колени, выхватил маузер и, держа его обеими руками, выстрелил. Пуля прогудела над головой Амырына. Как птица, летел он на своем Эзир-Кара, а над ним свистели пули.

Вдруг Эзир-Кара свалился, как подкошенный. Попытался вскочить, но рухнул снова. «Ранен»,— понял Амырын. Он оглянулся. Отряд, с которым он болтался вот уже два месяца, остался далеко позади. Видны были только лошади. Похоже, люди давно уже выбыли из игры. Он с силой потянул за повод. Пуля попала в холку, прошла сквозь таз и вышла наружу. Конь тяжело дышал, и с каждым вздохом из раны толчками выплескивалась темная кровь. Амырын снял с умирающей лошади седло и только принялся заниматься уздечкой, как вдруг почувствовал: сзади по плечу будто бы с силой ударили тяжелой палкой. Он ткнулся лицом в шею четвероногого друга и потерял сознание. Что произошло потом, он не помнил. И вот лежит сейчас в какой-то чудной огромной юрте, и пить хочется так, что мутится в голове. Он понял, что молодая светловолосая женщина и та, что постарше, с морщинами на лице, ухаживали за ним. Почему же не проходит жажда? Почему никто не дает

напиться? Время от времени смочат губы, и только... Или у них тут совсем плохо с водой?

— Какой тихий, спокойный парень. Интересно, что за человек,— проговорил один из соседей Амырына по палате. Он лежал в углу и то и дело покручивал усы.

— Да он глухонемой,— хохотнул парень, у которого обе руки и ноги были в гипсе.

— Ну да! Какой же он глухой, вон как башкой вертит, только слово скажи,— лениво отозвался третий.

— Господи Иисусе! Да он встает!— воскликнул усатый.

— Эй, парень!— крикнул загипсованный так, будто и впрямь говорил с глухим.— Вот врач заметит, он тебе задаст... А ну его к черту! Ему до нас дела нет, что ни скажи, как об стенку горохом. Гнать таких отсюда надо, вот что.

— Чего ты мелешь? Он от белых удрал. К нам скакал, да коня подбили. А потом и самому досталось. До нас немного не дотянул,— заступился усатый.

— Кто он по национальности?

— Беляки через Алтай шли. Говорят, алтаец.

— А что ж на нем форма белогвардейская?

— Не знаю. Хотя форма на нем была. И человек вчера приходил, допрашивал. Смехота: его допрашивают, а он только головой мотает.

— Придуривается! Может, именно он меня и продырявил. Вот оклемаюсь, уж я ему!— разошелся загипсованный.

— Да ладно тебе. От белых он бежал. И без оружия был.

— А из них поймали кого?

— Нет. Кто на ногах оставался, бежали. А раненые, пока мы своих собирали, все до одного богу душу отдали.

— Сволочи! Оружие побросали — и в Сибирь. А она большая, там долго можно прятаться,— подытожил усатый.

— Здравствуйте!— Дверь рывком распахнулась, и на пороге появился вчерашний следователь. На нем был белый халат.— Вы уже ходите?— Он обращался к Амырыну, но тот, не замечая его, продолжал смотреть в окно. Следователь взял стул, поставил его рядом с кроватью Амырына, сел.— Давайте поговорим,— тронул за руку и стал раскрывать свой большой желтый портфель, размерами напоминающий переносный стол.

Только теперь Амырын повернулся к нему и неловко, боком, сел на кровать. Следователь помог ему устроиться поудобнее, потом вынул из портфеля ручку, бумаги и, расположив все это на желтой кожаной поверхности, поднял глаза на Амырына.

— Вы, кажется, пришли в себя. Давайте поговорим обстоятельно,— он приготовился записывать.

Амырын только глазами моргал.

— Откуда вы родом?— спросил следователь, пробуя перо на клочке бумаги.

Амырын непонимающе помотал головой.

— Какой вы национальности? Алтаец?

Амырын беспомощно оглянулся на соседние кровати. Все выжидающе глядели на него, один лишь парень в гипсе равнодушно уставился в потолок. Усач улыбнулся:

— Кто вы? Алтаец? Калмык?

Амырын тоже заулыбался в ответ.

— Да...— вздохнул следователь.— Так мы каши не сварим. Тебе надо учиться говорить по-русски,— попытался он втолковать Амырыну, раздельно и громко произнося слова.— Научите его,— повернулся он к усатому.— Научите?— и принялся складывать свой портфель.

— Постараемся. Да вот беда, голоса у него нету. Ну, давай побалакаем,— с трудом приподнявшись на кровати, усатый наставил указательный палец на грудь Амырына.— Как зовут?

— Мен билбес — не понимаю,— ответил Амырын.

— Ага!— обрадовался усач.— Сейчас дело пойдет. Как имя? Имя? Как зовут? Меня зовут Сергеем. Я — Сергей. А тебя?

— А-а! Сен Серге. Билдим. Мен Амырын.

— Что? Я — Сергей!

— Серкей!

— Да! Да! А тебя?

— Амырын.

— Ам...

— Амырын. А-мы-рын!

— Амырыг! Амыргин!

— Язык можно сломать. Может, просто назовем его «Алеша»?— внес предложение загипсованный.

— Амырын.

— Ийе. Ийе, Амырын.

— Я — Сергей.

— Серкей...

Так Амырын начал учиться говорить по-русски. С непривычки русские слова выговаривать было очень трудно. Амырыну казалось, что он никогда не обучится этому языку.

С белогвардейцами он провел почти два месяца. Был там один долговязый, с ногами, как у журавля. Но он называл Амырына только «сойотом», грубой, пренебрежительной клич-

кой. Это было единственное слово, которое он запомнил. По правде сказать, у него и желания никакого тогда не было обучаться языку русских. Все свободное время он присматривался, планируя побег. Только об этом и думал. В последнюю неделю продвигались ночами. Но Амырын по звездам определил, что движутся на запад.

...Бежать, бежать! Это желание было всепоглощающим. Он просыпался и засыпал с мыслью о побеге. Но никакой возможности его совершить не было. Амырын отлично понимал, что ему не дадут и пяти шагов сделать, пристрелят из русской винтовки. А он уже успел понять, что это такое — винтовка. Существовал только один способ. Единственный. Но воспользоваться им не представлялось удобного случая.

«Правду говорила теща: это все равно, что прыгнуть в бездну», — думал Амырын.

Последнее время белогвардейцы все чаще начинали спорить между собой, даже ругаться. У человека, который всеми командовал, на плечах были какие-то золотистые полоски длиной с собачий язык (Амырын называл его про себя чанчином — генералом). Вот он разложил перед собой большую бумагу, сплошь исчерченную непонятными линиями, и что-то доказывал, возбужденно водя по бумаге указательным пальцем. Человек, сидевший с ним рядом, тоже тыкал в бумагу указательным пальцем и говорил быстро и не менее возбужденно. «Генерал», видно, не поддавался на его уговоры. Он вскочил и, низко пригибаясь к собеседнику и пуча глаза, начал выкрикивать что-то прямо в лицо; непрерывно тыча рукой на запад, он как будто стучал кулаком в некую невидимую стену. Амырын заметил, что лица сидящих вокруг помрачнели. Когда же их начальник свернул исчерченный лист, все понуро замолчали, потупив глаза. «Генерал» плюнул на землю и зло растер плевком своим блестящим черным сапогом. Все, кто был на лошадях, спешились, принялись чистить оружие и проверять патроны. Офицер отдал еще какое-то распоряжение, и солдаты принялись расседлывать лошадей. Затем он кинул мрачный взгляд на Амырына и кивнул головой в сторону своего коня. Велено расседлать, понял Амырын. Да, его Эзир-Кара приглянулся «чанчину» и уже давно ходил под офицерским седлом. Он взял коня под уздцы и отвел подальше от костра. Освобожденный от седла, Эзир-Кара зафыркал, упал на спину и стал кататься по земле.

«Чует дальнюю дорогу мой добрый конь», — подумал Амырын. Он спутал коня, на котором ездил теперь сам, а Эзир-

Кара оставил неспутанным. Солдаты, под которыми были лошади Амырына, тоже не стали стреноживать их.

Амырын догадался, что отряд решил сделать передышку и дать отдохнуть лошадям. Те из них, чьи передние ноги были связаны уздечками, паслись, не отходя далеко от костра, те же, что остались неспутанными, и с ними Эзир-Кара, постоянно продвигались к востоку от лагеря.

«Бедные мои лошадки,— подумал Амырын,— они чувствуют, где дом, уходят туда, откуда пришли».

Он сделал вид, будто ничего не замечает.

Лошади все удалялись, а Амырын сидел да смотрел себе в другую сторону. Один из солдат встревоженно вскрикнул. Офицер что-то приказал ему. Солдат подскочил к Амырину, который, как ни в чем ни бывало, продолжал сидеть, покуривая трубку, и закричал на него, но Амырын не пошевелинулся.

— Сойот!— еще громче закричал его долговязый опекун, пнув при этом ногой в бок. Амырын безмятежно смотрел на него снизу вверх. Солдат снова закричал, показывая на уходящих не спеша коней. Амырын вдруг почувствовал, как у него сжалось сердце. Он вскочил и побежал в ту сторону, куда ушли кони.

Но нет, бежать нельзя. Догадаются. Он перешел на шаг. Да, не стоит спешить, пусть животные отойдут подальше. Там, чуть впереди, есть глубокая пропасть. На Эзир-Кара можно быстро пересечь вон ту полянку и скрыться в лесу. На таком расстоянии они не смогут убить его. Сердце бешено стучало, и он сам не заметил, как снова перешел почти на бег. Только не оглядываться. А то поймут. Им ничего не стоит пристрелить на месте, если что заподозрят. Для них чужая жизнь — пустяк.

Эзир-Кара и другие лошади остановились на усеянной цветами поляне, как раз на краю пропасти. Надо подойти спокойно, а то вон одна животина насторожилась, вроде как бежать изготавилась. «Душпоо»,— спокойно проговорил Амырын «лошадиное» слово. Кони узнали хозяина. Они сразу успокоились и теперь щипали траву, словно в родном аале на вершине Шивиттига. Амырын подошел к ним, погладил слегка влажную спину Эзир-Кара и оглянулся назад. Он успел увидеть: большинство солдат оставили свои дела и смотрят в его сторону. Один уже сел в седло. Другой медленно, но не сводя глаз с Амырына, встал, протянул руку к винтовке, прислоненной к лиственнице, и сделал несколько шагов по склону, откуда было удобнее стрелять.

«Ну, вперед, мой конь, оставим страх позади... Ну, давай же, мой конь! Сейчас только мелькнем...»

— Давай!— громким шепотом воскликнул Амырын. Да, момент самый подходящий. Представится ли такой еще? Даже успеет кто-нибудь выстрелить, на такой скорости, с какой полетит Эзир-Кара, трудненько будет им попасть. Он просто утечет от них, такой конь, растворится... В груди Амырына так стучало, словно там, внутри, мчался табун бешеных лошадей. Он подобрал поводья и вскочил в седло. Потом подался вперед, и сердце его тоскливо сжалось: пропасть оказалась глубже, чем он предполагал, а противоположный берег — неожиданно крутым. Если скакать вдоль обрыва, то как раз в том месте, где горит костер, он делает поворот... Как же быть? Нет, он не хочет оставаться здесь, в тайге, на съеденье воронам. Уж если суждено умереть, то лучше на людях... Амырын собрал коней и подогнал их к костру.

Когда он приблизился, долговязый, оперев винтовку на ливственницу, взвесил на ладони винтовочный патрон и постучал пальцем по лбу, подмигнув и ехидно ухмыляясь при этом. Остальные, как по команде, расхохотались. Но «генерал» что-то сердито сказал, и все разом умолкли.

Человек, недавно споривший над исчерченной бумагой, указал Амырыну на коней и сделал рукой жест, словно жаматывая на запястье веревку. Амырын понимающе кивнул головой, спутал коней уздечками и отогнал их в сторону заката...

— Алеша!— Амырын очнулся. Это звал его тот парень, что был в гипсе. Потом он повторил слово, в котором Амырын с большим трудом узнал свое имя.

— Нет! Все-таки сломал язык,— засмеялся тот.— Повтори, друг!— обратился он к усатому.— Палата шумно захохотала.

— Амаргин!— уверенно произнес тот, но Амырын только улыбнулся, покачал головой и отдельно произнес свое имя. Наконец-то все в палате стали называть его правильно.

Потом товарищи по несчастью принялись обучать его произношению своих имен. Так прошло полдня. И еще весь вечер они веселились, тыкая друг в друга пальцами: «Амырын!», «Серкей!», «Коля!», «Амырын». Все сошлись на том, что Амырын способный ученик и скоро заговорит по-русски.

— Хороший парень,— заключил усатый.— Но, видно, не из простых. С другой стороны, и на князька не похож. Посмотришь на лицо — и видно все, что у него на уме.

— Я думал, конец колчаковцам, ан нет. То тут, то там высунутся.— Это заговорил самый молчаливый из раненых. Он попытался повернуться, но не смог, а только глухо простонал.— Но все-таки у нас потерь было немного. Обидно, столько пролить крови, победить, а тут от каких-то бродячих бандитов...— Он снова застонал.

— Да, обидно,— согласился усатый.— Смотри сам, я с семнадцатого года в Красной гвардии. Власть взяли, гражданская война началась. Опять за винтовку. Ну, теперь уж, кажется, все. Поправлюсь — пойду на шахту работать.

— Их еще в Монголии много. А эти — непонятно, как тут очутились.— Загипсованный зашевелился, как будто пытается освободиться от гипса.

— Да, они границу перешли, похоже, нечаянно. Мы о них узнали, когда они село сожгли. И сразу — за ними. Они хотели через Алтай обратно в Монголию податься. Да мы им сильно разбежаться не дали. Всего несколько человек смогли уйти...

Амырын слушал, и, хотя ничего не понимал, в сознании его мелькали страшные картины. Вспоминался день, когда он впервые в своей жизни увидел, как люди убивают друг друга. Будь на его месте кто послабее, так, наверное, с ума сошел бы от того, что пришлось пережить.

...Уже больше месяца лежал Амырын в госпитале. Молчаливый красноармеец давно выписался, а усатый все еще не поднимался с постели. С того, у которого были прострелены руки и ноги, сняли часть гипса, но одна нога оставалась подвешенной к потолку. Амырын уже знал довольно много русских слов и умел считать. Понемногу стал ходить. Правда, тяжело было нагибаться, а поворачиваться приходилось всем телом. И правая рука не действовала. Амырину хотелось посмотреть на свою рану, но сделать этого было нельзя. Боли не проходили, и Амырину порой становилось страшно. Однажды утром, когда его разбинтовали, он показал рану товарищам. Усатый Сергей осмотрел ее спереди и сзади, прицелкнул языком:

— Да-а-а... Повезло тебе, друг. Чуть в сторону — и не лежал бы ты сейчас тут с нами, не ликвидировал бы свою безграмотность.

Амырын улыбнулся и с усилием пошевелил распухшими пальцами неподвижной руки.

Потом врач подсел к самому Сергею и они долго беседовали. Врач говорил, а Сергей только иногда что-то спрашивал,

глядя прямо перед собой в потолок. Когда врач ушел, он натянул на голову одеяло и замолчал. Молчал и Андрей, светловолосый, краснощекий парень одних с Амырыном лет. Амырын понял, что произошло нечто неприятное, и тоже насупился, глядя в окно.

Вошла сестра.

— Погуляй маленько, если хочешь,— разрешила она.— Только далеко не уходи.— Амырын оторвался от окна, закивал головой и тихо вышел за дверь. В коридоре он столкнулся с врачом; тот сердито посмотрел на Амырына и махнул рукой в сторону палаты. Амырын поплелся назад. В палате стояла тишина. Сергей все лежал, забравшись с головой под одеяло. Амырыну показалось, что кроме них троих в палате появился еще некто. Этим четвертым была беда. Она ощущалась почти физически. В свои двадцать с небольшим он уже успел коротко познакомиться с человеческим горем, как раз после того, как в погоне за своим табуном напоролся на отряд белых. Тогда-то ему и пришлось столкнуться с горем и смертью вплотную. Это врезалось в память навсегда. Раньше ему и в голову не приходило, что с ним может случиться нечто подобное.

В ту ночь, несмотря на майскую прохладу, не разжигали костров. Три всадника, отделившись от отряда, бесшумно пропали во тьме. Когда же вернулись; о чем-то долго беседовали с офицером. Едва рассвело, «генерал» сел на лошадь, посмотрел на часы и чуть слышно отдал команду. Скакать пришлось недолго: впереди показались дома. Отряд крадучись миновал околицу и вошел в село. В ближних дворах залаяли собаки. Какая-то женщина открыла дверь, вышла на крыльцо и, вскрикнув, скрылась в избе. Офицер остановил коня, вынул из ножен шашку и привстал на стременах. Эзир-Кара рванулся вперед, и всадник с трудом удержал его.

Подъехали к дому, над крыльцом которого с потрескавшегося древка безжизненно свисал красный флаг. Несколько солдат прищипорили коней и поспешили в разные стороны; вскоре двое из них вернулись, подталкивая полуодетого, с непокрытой головой человека средних лет. Офицер соскочил с коня, швырнул Амырыну повод и что-то коротко и властно спросил у человека без шапки. Тот, не отводя глаз от беляка, что-то ответил, ухмыльнувшись. Офицер закричал на него и замахнулся саблей. Скоро привели еще несколько человек со связанными руками. Они стояли, сбившись тесной кучкой, посреди отряда, но дер-

жалнсь как-то независимо, всем своим видом показывая, что никого не боятся.

Солдаты разбежались по домам и стали сгонять всех на площадь перед домом с флагом. Над деревней повис многоголосый бабий плач.

Потом Амырын перестал понимать, что происходит. Солдаты на глазах у окруженной ими толпы повесили человека с красной звездочкой на фуражке.

Тувинцы специально нанимают человека, платят ему, когда нужно повесить состарившуюся собаку. А когда она умирает, вкладывают ей в пасть кусок сала. А тут — чистое зверство. Ведь все русские. Своих убивают, хуже, чем собак.

«Да, я угодил в руки настоящих разбойников», — с горечью думал Амырын, не смея поднять глаза на висящего на столбе человека. Какая-то женщина, верно, жена, без движения лежала на земле. Плакали дети. Вдруг из толпы вышел старик, сутулый, с широкой, как сундук, грудью и с большой окладистой бородой. На нем была шапка, похожая на те, что носят тувинцы, но только с ушами. Глядя исподлобья на офицера, он подошел к нему, что-то сказал и топнул ногой в широченном, что твоя лыжа, сапоге. Сабля мелькнула в воздухе, старик без стопа повалился на землю.

Затем повесили еще двоих. Несколько мужчин выстроили в ряд и, повернув лицом к стене дома, расстреляли. Дом с красным флагом на крыше запылал. По деревне низко пополз едкий дым, перемешиваясь с бабьим воем и детским плачем. Наконец, деревня примолкла и даже собаки, с утра лаявшие на непрошенных гостей, с испугу перестали подавать голос.

Вечером, навьючив на лошадей награбленную провизию, отряд снова ушел в лес. В ту ночь и началась погоня: внезапно из засады раздались выстрелы, несколько человек свалились с лошадей замертво. Оторваться удалось с трудом. В отряде оставалось теперь тридцать человек. Шли весь день, и только на другую ночь, не разводя костра, сделали привал.

Амырын был в полной растерянности. Даже подумать толком некогда стало. Как избавиться от общества этих двуногих волков, пьющих человеческую кровь? На второй день преследования офицер, заметив, очевидно, его волнение, подозвал Амырына и долго внушительно что-то объяснял. Потом показал рукой назад и сделал жест, будто целится из винтовки. Затем махнул рукой вперед и задрал вверх большой палец руки. Он рисовал пальцем на лбу Амырына звезду, приставлял к груди Амырына — напротив сердца — конец своей острой сабли, снова

показывал рукой вперед, поднимал палец и скалил крупные желтые зубы, хлопая Амырына по плечу.

Нетрудно было понять, что он пытается втолковать. «Мерзавец! Жрет заживо свой народ и еще надеется вернуться обратно. Не выйдет!»— пробормотал Амырын.

— Эй, сойот!— крикнул долговязый солдат. Офицер строго поглядел на него и что-то сказал. Тот кивнул головой и сразу потерял интерес к Амырыну.

Между тем посланный в разведку вернулся. Среди солдат началась паника. Как попало оседлав лошадей и захватив самое необходимое, воинство снялось с места.

До реки доскакали без приключений, но стоило лишь выехать на берег, в безлесное открытое пространство, как грянули выстрелы. Под градом пуль передовая группа быстро рассеялась, люди валялись на землю, как подкошенные. Офицер подлетел к Амырыну, пытаясь что-то ему объяснить и суетливо жестикулируя. Пули высекали искры из окрестных скал и превращали камни в порошок. Эзир-Кара перестал слушаться повода и понес. Амырын помчался за ним вдогонку...

...В палате еще спали. Парень, ровесник Амырына, лежал с открытым ртом, несколько раз он глубоко вздохнул во сне и улыбнулся. «Родина снится ему, видно, как и мне»,— подумал Амырын, возвращаясь мыслями в родные места. Но тут скрипнула дверь, и вошедшая в палату медсестра стала будить Сергея. После вчерашнего разговора с врачом он помрачнел, замкнулся в себе и весь день крошки в рот не брал. А вот теперь его переложили на тележку и куда-то увезли. От шума проснулся Андрей. Он печально посмотрел на тележку с другом. Амырын улегся в постель, накрылся, как Сергей, с головой одеялом и смежил веки. Ему стало очень грустно оттого, что приходившие воспоминания не хотят повторяться. Он решил не открывать глаз, пока не уснет.

Пробудился он от скрипа двери. Усатый Сергей лежал уже на своей кровати без сознания, бредил. Приглядевшись, Амырын понял, что руки, которая у того была в гипсе, больше нет — как ножом обрезана выше локтя. Поверх бинта просачивалась кровь.

«Бедняга! Вот почему он так сразу помрачнел, знал, чем кончится операция»,— Амырын уже понимал это слово.

— Друг, да ты теперь прилично говоришь по-русски! Неужели минуло пять лет?

— Куда там прилично!.. Другой бы на моем месте...

— Не прибедняйся. Грамотно говоришь.

— Где уж грамотно... Быстро заговорю, все переспрашивают, не понимают. Особенно незнакомые.

— Ерунда все это. Помнишь, когда ты появился у нас,— только и умел, что головой мотать! А теперь? У-у! Совсем русским стал. А ведь я тебя долго разыскивал.— Человек лет пятидесяти с лихо закрученными усами достал из кармана коробок, зажав его в коленях, выковырял спичку и зажег.— Трудно без руки. Вот, прикурить — и то проблема. Пять минут в кармане рылся, пока достал,— Сергей Харитонович Ножкин покосился на заправленный за пояс рукав.

— Я еще в прошлом году узнал от Андрея, что вы приедете. Сам бы давно приехал, да не знал, куда. Что, правда, будто на новом месте город начали строить?— поинтересовался Амырын.

Дымя свернутой из газеты самокруткой толщиной в палец, Ножкин улыбнулся и подмигнул Амырыну.

— Вначале — речь о тебе. Тем более, что я первый спросил. Как живешь, где трудишься? Давай, рассказывай.

— Длинная это история, Сергей Харитонович. Год в больнице пролежал. Потом там же, при больнице работал. Ну, а теперь здесь работаю, на стройке.

— На родину тянет?

Амырын вздохнул. Замолчал и Ножкин. Амырын пососал потухшую трубку, выбил пепел:

— Я тут живу пять лет. В Москву, в тувинское посольство письмо отправил. Говорят, пока ответа нет. Теперь, когда знаю язык, хочу с вами толком поговорить. Из тех людей, с кем я был тогда, в живых кто-нибудь остался?

— Нет. Раненых не довезли до госпиталя, скончались в пути. Ну, а пока гонялись за теми, остальными, время на месте не стояло.

— И многие уцелели?

— Нет.

— Вернулись обратно?

— Границу закрыли тогда же, сразу. Те, кто не был ранен, побросали оружие в воду и давай разбегаться в разные стороны. Кое-кто из них и теперь живет среди нас.

— И нельзя их поймать?

— Россия велика. Да и осталось их человек пять-шесть. Впрочем, хватит об этом. Как твои дела, в смысле — семейные?

— Хоть вы и доказали мою невиновность, но все-таки я был у белых,— вот и не хотят сразу отпускать. Какие уж тут дела...

— Я тоже справлялся, где надо. И понял так: пока из твоей страны не придут необходимые документы, тебя не выпустят. Революционная бдительность есть революционная бдительность. Но коли ты невиновен, никто не лишает тебя всех прав гражданина нашей страны. Скоро все выяснится, и тогда поедешь домой.— Ножкин устало потер лоб рукой.

— Белогвардейцы, к которым я угодил тогда, расстреляли всех мужчин в том селе...

— Да, это так. Но ведь ты-то в этом не виноват... Да и оставшиеся в живых крестьяне показывают в твою пользу. Но довольно об этом. После еще поговорим. Однако, приехал я за тобой. Андрей передал мне твои слова — вот я и приехал. Собирайся,— и Сергей Харитонович похлопал его по плечу.

— А разве мне можно так просто — взять и уехать?

— Разумеется. В России, во всяком случае, ты можешь жить, где пожелаешь.

— То, что вы строите, говорят, называется комун?

— Коммуна. Объединение крестьян. Этому учил нас Ленин. Это его завет. Только выполнить его — не легкое это дело. Не хватает сил, каждый человек на счету.

...Как и подозревал Амырын, их встреча, конечно же, не была простой случайностью. Теперь-то ясно, что имел в виду Сергей Харитонович Ножкин, когда выписывался из госпиталя.

— Выздоровлявай. Будем вместе строить новую жизнь,— сказал он тогда.

И Андрей Селиванов при каждой встрече рассказывал Амырыну о коммуне, объяснял, что Сергей Харитонович называет **новой жизнью**. Ведь Ножкин несколько раз передавал ему через Андрея приветы, звал к себе. А теперь, приехав самолично, что называется, «агитировал» — понял Амырын.

— Я только и умею, что пасти скот и ухаживать за конями,— Амырын простодушно улыбнулся. А в этой коммуне — как все будет? Чем люди там будут заниматься? А то ведь я при стали вырос...

— Вот и хорошо. И скот там надо пасти, и землю пахать.

— Овец, коров, коз, лошадей — как и у нас?

— А как же? Без этого не проживешь. А землю будем железным плугом пахать, не как раньше.

— Хорошо. Значит, это мы с вами, Сергей Харитонович, и будем строить новую жизнь?

— Правильно рассуждаешь. Свободную жизнь. Сытую и богатую. За нее большевики не только руки отдавали,— он кивнул на свой пустой рукав,— но и жизни.

Лицо Сергея Харитоновича посуровело:

— Мы обязательно построим новую жизнь, мы, большевики. Сил пока маловато у нас... Ничего, Амырын, мы осуществим ленинские мечты. Да и в твоей стране, я слышал, люди тоже начинают новую жизнь строить...

...И вот он вернулся в родные места. Стоит недалеко от старых стоянок, смотрит в степь. Что изменилось в ней за эти десять лет, что осталось прежним?

Рядом — Чимит-оол, молодой парень, дальняя родня по жене. Ревсомолец — теперь и здесь есть такие, как там, в стране русских, комсомол. Говорит без умолку, торопится высказать свое:

— Я счастлив, акый, что встретился с Вами. Ведь Вы жили в стране Ленина. Мы здесь тоже... Я узнал много новых слов: «большевик», «чекист», «коммуна». Вы счастливый человек. Вы уже сами строили коммуны... Как Ленин завещал. И мы тоже... Уже год, как изучаем тувинскую письменность. Я грамотным стал, акый, я читать и писать научился, скоро буду Ленина читать!

— Молодец! Ты пойдешь дальше. Ну, а я... я мечтаю жизнь в родных местах превратить в такую же, как в стране Ленина.— Амырын оглядел широкую степь над рекой у подножья горы Болчаглыг, задумался...

— Значит, Вы привезли из страны Ленина новую жизнь, акый?— прервал ход его мыслей Чимит-оол.

— Не я привез, конечно... Если есть у нас здесь такие парни, как ты, мы обязательно ее построим,— Амырын широко повел перед собой рукой с зажатой в ней камчой,— вот здесь.

ТАЙНИК

Рассказ

Федор Иванович ЛОБАНОВ — следователь. Много лет он работал в Туве. Теперь живет и трудится в Усть-Илимске Иркутской области. Но связи с нашей республикой не теряет. На основе воспоминаний о делах, расследованных здесь в разные годы, пишет рассказы и повести.

На буланом коне по кличке Мирный, прозванном так за смиренный нрав, в казацком седле, по летней тропе, хотя ноябрьская стужа сковала речки и ручьи, покрыла снегом равнины, через болота и скалистые перевалы, на прииск Харал, стоящий на речке с таким же названием, на свой участок обслуживания уже в который раз ехал лейтенант милиции Федоров, недавний выпускник Московской специальной школы, направленный по распределению в Туву.

Ему, как человеку подготовленному, каких в те времена здесь было еще мало, поручили ответственный и сложный участок работы — прииски, на которых нередко совершались тяжкие, а иногда и жестокие преступления.

Работа требовала умения оценивать обстановку и самому принимать решения, а посоветоваться — за сотни километров даже от райцентра, в тайге — было не с кем. Опыта лейтенант набирался самостоятельно, на собственных ошибках и удачах.

Мирный, за несколько месяцев постоянного общения, стал Виктору Федоровичу надежным и верным другом. По болотам он проносил своего седока, как «водомер», бегающий на длинных ногах по воде, — то приседая вместе с покровом трясины, то резко вздымаясь на кочки. По скалам шел не менее осторожно, опустив голову до самой земли, словно вынюхивал твердое, надежное место, куда ступить. А когда тропа выводила их на равнину, Мирный в скорости мог бы не уступить чистокровному рысаку.

Мысли молодого уполномоченного уголовного розыска были заняты невероятно трудной дорогой, на которой в любую минуту гибель могла грозить ему самому и коню. Как на болоте, так и на крутых перевалах. Да и вообще Виктор, не будучи человеком самонадеянным, не привык строить в воображении предстоящее, ибо такие предположения почти всегда оказывались ошибочными. Лучше оценивать сами события, считал он.

Поездка лейтенанта на этот раз была плановой, профилактической, да еще намеревался он поработать по некоему Темкину, который якобы подозревался в хищении золота. Спешил не очень. К вечеру пошел полянку, где мог бы понастись Мирный, развел костер, нагрел воды, устроил ложе из словых лап, поужинал сухим пайком и улегся. Но какой там сон — на морозе! Виктор то грел спину, то подставлял костру живот. Едва забрезжил рассвет, лейтенант отправился в путь, а пригрело солнце — захотелось спать: голова клонилась то на один, то на другой бок.

Второй день пути подходил к концу. Запахло дымом, залаяли собаки, и показались первые избы старателей.

Услышав за дверью знакомый голос — «Войдите!» — Виктор переступил порог и представился:

— Лейтенант Федоров!

— Знаем, знаем, — отозвался директор прииска Семен Иванович Семерня. Говорил добродушно, с улыбкой, но в голосе его слышалась тревога.

— Случилось что? — спросил лейтенант, отряхивая с воротника и шапки хлопья снега.

— Да нет, нет, раздевайся, выпей чаю с дороги, продрог наверное, в седле? — директор уже наливал душистый напиток в металлическую кружку.

Быстро освободившись от портупеи и настывшего полушубка, Виктор снова надел ремень, расправил складки на гимнастерке и прошел к столу.

— От нас два дня назад на санях по зимнику выехал бригадир старателей Темкин, — проговорил как бы между прочим сидевший здесь же, в конторе, председатель поселкового Совета Иванюшко.

Федоров в это время держал кружку обеими руками, отогревая ладони. Услышав сказанное, осторожно поставил чай на стол, не сделав ни глотка.

— Как выехал? Так спешно? Почему не сообщили? Вы же его подозревали в хищении золота? — почти резко, глядя прямо в глаза директору, закидал его вопросами оперуполномоченный.

Тот, словно провинившийся школьник, опустил голову.

— Мы думаем, что и золотишко взял, поэтому так спешно и уехал, — выручая директора, сказал председатель. — Дурачил всю артель и обирал мужиков, как мог, почти три года сбивал себе капитал, а мы все ходили и думали, а вдруг оговаривают

по пьяной лавочке... Но подозрения все же были,— продолжал Иванюшко после короткой паузы.

— А сейчас чем-нибудь подтверждается подозрение?— спросил настороженно Федоров.

— Вот сейчас, после его отъезда, мужики говорят кто что. Побеседовали бы с ними сами, глядишь, может, и толк был бы. Вот, к примеру, Перфилий Данилович сказывал, что Темкин этот каждую декадную сдачу золота поил их спиртом и приговаривал: работайте, мол, лучше, и угощение соответственно лучше будет. А на какие шиши поил, если бы «навара» не было? И мужики пили да хвалили этого плута, не догадывались, что на свои пьют,— разговорился председатель поссовета.

— Ну и что? Просил работать лучше — что тут дурного? Хотел людям большего заработка, вот и все,— возразил Федоров.— А угощать — это как-то ну, принято, что ли, у старателей. Нам бы факты да свидетелей — тогда другое дело!

— А вот,— спохватившись, оживился директор и стал рассказывать,— вчера в контору пришел рабочий Спиридонов. Он с семьей въехал в домишко Темкина и стал-де забивать штырь в матку, чтобы подвесить зыбку для ребенка. Ударил раз, другой, в третий раз посильнее — и сбоку от матки отвалилась дощечка. Глянул, говорит, а там,— выражаясь языком Спиридонова,— «пустота квадратной формы». И он решил, что это тайник какой-то.

— Вы ходили туда? Видели тот тайник?— спросил лейтенант.

— Нет еще, только собирались,— за обоих ответил председатель.

— Так идемте же,— нетерпеливо сказал Федоров, вставая.

В круглой потолочной балке сбоку было вырезано углубление — не квадратное, а прямоугольное, длиной сорок два, шириной восемь и высотой шесть сантиметров. Присмотревшись, увидели: нишу эту увеличивали трижды, на ее стенках были видны следы вырубки стамеской. Крышка сделана тщательно, плотно прикрывала углубление. Всякий раз после того, как тайник открывали и закрывали, швы забеливались известью.

— Сколько сюда могло веститься золота?— спросил Федоров директора.

— Веститься? Восемь, а то и десять килограммов, смотря, во что упаковано.

— Ну это уж слишком много, столько он не мог накопить за это время,— не согласился председатель.

— Я не утверждаю: просто отвечаю на вопрос лейтенанта,— уточнил Семерня.

Тайник тщательно осмотрели, но золотых песчинок или пылинок не нашли.

— Во что-то плотное заворачивал. Возможно, в такие же мешочки, в каких транспортируем золото отсюда,— сделал вывод директор прииска.

Федоров быстро составил протокол осмотра дома и этой ниши, тут же допросил нового жильца и — в контору. Там связались по радию с Сарыг-Сепом, и оперуполномоченный доложил о своих подозрениях в хищении золота Темкиным, изложил доводы, казавшиеся ему весьма убедительными. Сообщил также, что подозреваемый должен сегодня, на санях, приехать в райцентр: нужно-де задержать его и произвести обыск. Но, видно, холодные головы были у работников районной милиции: лейтенанту спокойно ответили, что нужны не его предположения, а неоспоримые доказательства.

Мирный, настоявшись, похрустывал душистым сеном. Увидев своего хозяина, повернул к нему голову, тихонько заржал и тут же склонил морду за новой порцией. Зато хозяину было не до отдыха. Ведь Темкин из Сарыг-Сева мог в любое время уехать в Кызыл, а там — в Абакан и — ищи ветра в поле!.. Нужно было дорожить каждой минутой. Искать и найти доказательства. Не упустить!

Время было уже за полночь, когда оперуполномоченный, на два круга обойдя всех жителей поселка, нашел-таки двух дружков Темкина, обманутых им и обиженных. Они-то и рассказали, что, действительно, тот копил золото и вывез с собой. От них же стало известно, как он создавал излишки: греб себе, как курица, по зернышку. Способ оказался прост. К чашечке весов, на которую ставились гири, снизу прикреплял магнитик определенного веса и уже заранее знал, сколько граммов имеет от каждого взвешивания. Магнитики у него были разные. Глядит, у мужика много добыто золота,— Темкин и груз побольше цепляет. А потом, закончив всю приемку, подсчитывает общий вес, на который обманул мужиков, отвешивает себе — и в карман. Свое золото, что сам добывал, тоже не все сдавал, часть припрятывал.

Эти двое помогали Темкину в краже золота, они состояли в комиссии по приемке и подписывали составляемый каждый раз акт, согласно которому бригадир сдавал золото уже приемщику прииска. После каждой приемки сообщники предлагали

сразу делить на троих, «по прежнему уговору», но Темкин всякий раз отговаривался:

— Что тут делить? Крохи! Вот накопим килограммы, тогда и разделим...

Мужики эти тоже совершили преступление паравне с Темкиным, только золотом не воспользовались, но сейчас они думали об этом меньше всего, а оба жаждали «утопить» обманщика-злодея. Поэтому дали подробные показания и подписали протокол.

Нашелся еще один косвенный свидетель обогащения Темкина — старатель Иван Устюжин. Он рассказал лейтенанту, что как-то был дома у «бугра», так тот, в доверительной пьяной беседе, ляпнул, что-де артельцы скоро сделают его «Прошкой», и ехидно засмеялся, подливая в кружку спирт.

«Прошка-Прошка... Ишь, капиталист объявился, в наше-то время нашел себе «Угрюм-реку»! — сверлит мозг лейтенанту назойливая мысль. И он спешит в контору, к рации, уже твердо уверенный: нельзя упустить матерого преступника.

Опять звучит морзянка. Федоров настоятельно, еще раз, просит сотрудников районного отдела милиции задержать Темкина и произвести обыск: доказательства-де есть, везет их с собой. Получив положительный ответ, лейтенант, измученный трудной дорогой и бессонными ночами, склонил голову на рацию и тут же уснул.

Подходил к концу тысяча девятьсот сорок седьмой год. Трудно было всей стране, трудно и молодой Тувинской автономной области. В тяжелых условиях приходилось работать милиции. Слабые не выдерживали и после первого же серьезного испытания уходили. Сильные оставались и отдавали себя службе.

Шесть утра. Телеграмма Федорову: **ТЕМКИН ЗАДЕРЖАН ОБЫСК ПРОИЗВЕДЕН ЗЛОТА НЕ НАЙДЕНО БУДЕТЕ СТРОГО НАКАЗАНЫ!**

Не до сна. Наспех оделся, умылся и — в конюшню. Мирный отдохнул, набрался сил, довезет.

«Самому нужно искать, — мысленно решил оперуполномоченный. — Ведь увез же он отсюда золото, не оставил его где-нибудь на зимовье. «Прошка»... От такого всего можно ожидать. Нет, просто он здорово запрятал, потому и не нашли, а золото с ним непременно!»

Буланый, как и прежде, то приседая, то вздымаясь на кочки, несет своего седока в обратный путь.

Без отдыха к полудню второго дня добрались до Сарыг-Сепа.

Обоих, коня и всадника, шатало, как пьяных. Но желание довести дело до конца было сильнее усталости: Виктор поставил Мирного в конюшню и сразу пошел к прокурору, доказал-таки и взял ордер на повторный обыск.

Еле переставляя ноги от усталости, Федоров подошел к калитке, приподнял щеколду и ступил на обширный двор. Следом за ним зашли два милиционера и понятые.

Под навесом лежал уже приведенный в порядок после первого обыска багаж Темкина, ожидавшего попутного транспорта, чтобы уехать в Кызыл или сразу в Абакан, на железную дорогу: машины в те годы до Сарыг-Сева ходили редко...

— Ознакомьтесь, вот ордер на обыск,— сказал лейтенант, подавая документ с размашистой подписью и гербовой печатью в правом углу.

— У меня уже был обыск. Будете отвечать!— зарычал «Прощка».

— Это ордер на повторный обыск,— твердо промолвил Федоров.

— Ищите. Все равно ничего не найдете. Нет у меня никакого золота,— скрипя зубами, выговорил Темкин, поняв, что сопротивляться бессмысленно.

«Атаку выдержал. А вдруг в самом деле не найду?»— подумал оперуполномоченный, и руки стали наливаться свинцом.

Втроем перебрали все до ниточки, до последнего перышка в подушках, но золота не было. Голова у Виктора закружилась, красные и зеленые огоньки замелькали в глазах.

«Что будет теперь? Второй обыск, и опять пусто?»— подумал он и слегка зашатался. Чтобы не упасть, лейтенант опустился на чурку, взял в ладонь чистого снега, обтер им лицо — и голова постепенно «остановилась».

«Нужно осмотреть сбрую. Ведь в хомут можно спрятать пуд золота, что же я раньше не додумался до этого?»— мысленно упрекнул себя Федоров и велел милиционеру принести сбрую.

Тщательно осмотрели, кое-где даже вспороли швы на хомуте, но, увы, золота и тут не было.

Сидя все на той же чурке, лейтенант опустил голову — не мог людям смотреть в глаза. Измучился сам, других измучил, и все без толку! Руки дрожали. Он, как мог спокойнее, достал из кармана пачку «Беломора», закурил и мысленно обратился к своему буланому:

«Скажи, друг, как ты находишь в большом болоте единственный правильный путь?»

И, как бы получив ответ, плавно выпустил клуб дыма, мел-

ленно поднялся и пошел в огород, где стояли сани с поднятыми вверх и перевязанными перетягой оглоблями. Сани были там одни, сомнений не оставалось, что именно на них приехал сюда, к знакомым, Темкин.

«Это единственное, что я еще не осмотрел, это последняя надежда. Да какая надежда? Где тут, в санях, можно спрятать?»— сам себе возразил Федоров, но все же решился осмотреть сани.

Твердым через силу шагом подошел к ним. Обошел кругом, пристально вглядываясь в каждую их деталь. Потом подошел ближе, но никаких изъянов или лишних соединений не увидел. Ощупал каждый вершок полозьев и отводов, но все было тщетно. Копылки пощупал — и они были натуральными, деревянными, березовыми. Душа ушла в пятки от мысли: «не нашел», — и, потеряв всякую надежду, лейтенант ногой опрокинул сани набок. Перетяга развязалась, и оглобли раскинулись, как ноги у спящего пьяного мужика.

«А вдруг?»— подумал Виктор и стал осматривать, ощупывать руками теперь каждый сантиметр. Но оглобли были гладко выструганы и покрыты олифой — ни швов, ни зарубин.

Работники милиции, помогавшие оперуполномоченному, понятые и сам хозяин саней спокойно стояли на снегу. Темкин даже легонько постукивал валенком о валенок. Все молчали.

Отрешенно, механически, сам не зная, для чего, Виктор подошел к оглоблям с торцов, постоял молча и решил привести их в прежнее положение, связать перетягой, как были. Правой рукой взял одну, потом, сделав шаг влево и присев, вытянул левую руку, взял вторую оглоблю и стал медленно поднимать обе, сводя руки. Когда обе оглобли оторвались от земли, Федоров оцепенел и присел еще ниже. Хозяин саней забеспокоился, стал озираться по сторонам. Милиционеры без команды подошли к нему поближе.

Виктор, не веря себе и своему ощущению разницы в весе оглобель, стал поочередно поднимать и опускать их, как бы делая упражнение. И вдруг его красные от усталости глаза просияли и он севшим от волнения голосом, но твердо, сказал:

— Принесите ножовку!

Пилу принесли, и лейтенант, вручая ее одному из понятых, приказал:

— Пилите здесь!

И из-под зубьев ножовки посыпались, сверкая в косых лучах заходящего солнца, на белый снег золотые опилки.

ПЕСНЯ МОЛОТА И НАКОВАЛЬНИ

Записки сельского кузнеца

Выпускные экзамены все сданы на отлично, но до медали не дотянул — помешала «четверка» по машиноведению. Класс у нас был маленький, всего девять человек — и тувинцы, и русские. Родители мои ждут и волнуются: смогу ли я сдать вступительные экзамены в вуз. В школе у нас был кумир — Морис Федорович, наш классный руководитель, вел он русский язык и литературу. Учил увлеченно, живо, с огоньком, и хотя наш учитель был скуп на хорошие отметки, неуспевающих по его предмету не было. Он многое сделал, чтобы, начиная с седьмого класса, привить нам любовь к литературе, и это ему вполне удалось: многие выбрали вузы с гуманитарным уклоном. Было и у меня желание поступить в университет, на журналистику.

Но сомнения, сомнения: зачем мне спешить, не лучше ли узнать жизнь, поработать, послужить в армии, а потом уже учиться? Второе победило: я решил подать заявление на работу в МТС, учеником кузнеца. Почему в кузнецы? Видно, тут сказалось влияние моего соседа, старика Ажи. Лицо в оспинках, крючковатый нос, и, сколько я помню, он все время покашливал. У него в кладовке была маленькая кузница, я много раз помогал ему, качая мех горна. С ним мы были друзья, играли в шахматы, и проигрыш он всегда по-детски тяжело переживал, вели увлеченные разговоры о житье-бытье.

Решившись, я принес заявление директору Чаа-Хольской МТС. Он прочитал и критически оглядел меня с ног до головы: сморчок, худой, нескладный.

— Почему в кузнецы? Ты парень грамотный, иди в токарный или в электрики!

Я упорно отмалчивался, качая отрицательно головой, и тогда директор вдруг засмеялся, махнул рукой:

— Пойдем!

Зашли в мастерскую. В нос резко ударил непривычный запах керосина и солярки, поверху движется подъемный кран, а внизу, на специальных тележках, — разобранные трактора. Подошли к дверям, где было написано «Кузнечный цех». Переступили порог — и сразу уши резанул сильный шум. Горит огонь, на наковальне раскаленное добела железо, один бьет кувалдой, другой поворачивает клещами, а потом первый взял

поковку и сунул под молот. Затряслась земля под ритмичными ударами, а кузнец преспокойно поворачивает заготовку — было бесформенное железо, а тут, гляди, вырисовывается какая-то деталь. Шум такой, что барабанные перепонки не выдерживают, а кузнецы, как ни в чем не бывало, переговариваются друг с другом: слов не слышать, только губы шевелятся, но видно, что друг друга понимают.

Дождавшись, когда кузнец снова положил поковку в горн, стоявший со мной рядом директор подал знак.

Тот, что помоложе, в фартуке, нажал на какие-то кнопки, и постепенно установилась тишина.

— Прошу любить и жаловать — ваш ученик, к вам напросился, в кузнецы хочет, — и начальник легонько подтолкнул меня вперед.

Синеглазый, с заметным брюшком парень приветливо улыбнулся, открыв шербатый рот.

— Что ж, будем знакомы, зовут меня Илья Новоселов, — и с чувством, как тисками, пожал мне руку. Я заметно сробел и, заикаясь, назвал себя.

— Новоселов, Леонид, — коротко назвал себя второй, и я по заметному сходству между ними понял — братья.

И первый рабочий день — учеником. Мой наставник особо меня не утруждал — присматривайся, замечай, привыкай. Три дня я осваивал кувалду: бил по чурке в углу, овладел стойкой молотобойца. Еще несколько дней допускали к поковке, поучая, как надо бить по зубилу, по железу, а когда я и этому научился, начался настоящий кошмар, уже в роли бесменного молотобойца. Бью по железу, ноги подкашиваются, кувалда выскользает из рук, сердце вот-вот выпрыгнет из груди, не выдержу, упаду, но молоточек кузнеца неумолимо вызванивает: давай еще, бей — и я стараюсь из последних сил. И так с короткими передышками до обеда.

Приду домой, прилягу и сразу куда-то проваливаюсь, а меня уже трясет мать:

— Вставай же!

Бегу на работу, где меня ждет беспощадная кувалда.

Два месяца прошли как в тумане — работа, сон. И постепенно я начинаю чувствовать, что не так уж устаю, уже не пляшет в моих руках кувалда, подчиняется, да и с ребятами вечерами уже способен погонять мяч, сходить в кино.

Как-то я схватился со своим закадычным дружкой Санчым Дагба, первым спортсменом класса, а теперь учащимся

музыкального училища в Кызыле. Побороть не поборол, но ему со мной пришлось туго. Он с удивлением рассматривал мои ладони, покачивая головой:

— Да они у тебя, как подошвы!

И, наконец-то, мой строгий учитель Илья Повоселов говорит:

— Ну, теперь ты уже настоящий молотобоец. Видел, трудно тебе, но виду не показывал. Тебе-то полегче, а ведь я сам в тринадцать лет стал за наковальню — война, брат, надо было помогать победу ковать. Как генерал начинается с солдата, так и кузнец — с молотобойца. Не вешай носа, главное впереди — будешь учиться ковать, кузнец — всему голова, не дрейфь. Бить кувалдой ты уже научился.

Учиться ковать оказалось тоже нелегким делом. Нестерпимым жаром пышет от горна, а надо следить, чтоб поковки хорошо, равномерно грелись, а потом схватить крепко клещами и ковать. Руки немеют от клещей, много было промахов молотком и даже был брак, который исправляли то Илья, то Леонид. Начали с простейших болтов, гаек, а потом перешли к инструментам, зубилам, бородкам. Особое внимание мои учителя-наставники обращали на термическую обработку металла. У меня голова ходила кругом, когда они поясняли, какую сталь и как закалять — температура, закалочная среда и цвет побежалости металла. Мне казалось, что этого мне никогда не осилить. Но прошло не так уж много лет, и я встал за наковальню уже самостоятельным кузнецом.

Помню, мы с молотобойцем Георгием Ряполовым, волнуясь, ждали первого заказа. На душе кошки скребли. До сих пор не забыл, что первым к нам подошел Бюрбю Монгуш. Приносит он образец — тракторную серьгу, и по ней мы должны сковать точно такую же. Я множество раз помогал своим учителям в изготовлении этих самых серег, но самостоятельно что-то не получается — то перекося, устранишь это — отверстия не сходятся. Но, наконец, вроде бы и вышло. Заказчик взял и ушел.

Георгий Ряполов, коренастый, краснощекий, за что получил от тувинцев имя Кызыл-оол — Красный мальчик, первый остро слов в селе, был немного старше меня, и его поддержка, особенно моральная, помогла мне в быстром становлении как кузнеца. Он не упрекал меня, если что-либо не получалось, а наоборот, вдохновлял советом и делом, надо было — доделывали заказы после работы. Я с ним проработал до призыва в армию.

И до сих пор Георгий верен своему селу, своему Чаа-Холю, прекрасно говорит по-тувински.

Первая получка. Когда я отдал ее матери, она в изумлении воскликнула: «Сынок, да ты получил в три раза больше отца!»

Я почувствовал себя своим человеком в коллективе: даже пожилые рабочие почтительно здоровались со мной.

Осенью, когда я уже два года проработал кузнецом, меня призвали в армию. Когда я рассказываю об этих годах, мой сын удивляется:

— Ты в армии доил коров, пас свиней, кузнечил и за три года ни разу не стоял в карауле?

Все это так. Моя смуглая физиономия чем-то расположила начальника тыла полка, и он меня отправил в тайгу, на место нашей будущей дислокации. Жил я один в избушке и три раза в день доил двадцать две коровы, кузнечил, пас свиней. Кругом комары, пауты, слепни. Вставал в четыре утра и ложился в полночь, надоенное мною молоко давали заправщикам ракет.

Еще неизвестно, кому было труднее — мне или моему сослуживцу, стоящему в карауле!

Служба в хоззвезде столкнула меня с удивительно талантливым человеком — рядовым Виктором Агеевым, токарем. Мой одногодок, он до призыва в армию работал на крупном заводе и стал асом в своем деле.

В свободное время мы под его окном занимались разными полезными поделками, нужными в солдатской службе. То торшер старшине он выдумывает, то собственной конструкции полотер, то картофелечистку. Командир хоззвезда не мог нами нахвалиться.

Годы службы в армии... В эти годы я по-настоящему увлекся спортом, как и большинство солдат. Пробовал разные виды спорта и даже штангу. Когда я впервые выжал штангу, то капитан Кантышев воскликнул:

— Слушай, малыш, да ты хорошо развит: выжимать на десять килограммов больше собственного веса — это что-то значит!

Но настоящим моим увлечением стали лыжи. Два года работы в кузнице сказались — были парни и поздоровше, и половчее, но по выносливости я редко кому уступал. И, самый низкорослый и щуплый, я стал членом сборной команды полка. На моей груди засверкал алый значок с цифрой I и серебряным лыжником. Я чрезвычайно гордился прозвищем «Мустанг», данным мне ребятами.

В самый разгар уборки, золотой осенью, вернулся я, и меня сразу отправляют с Николаем Чажалом, тоже бывшим солдатом, на дальний полевой стан кузнецом-медником. Нам, служивым, не привыкать к трудностям, и мы наравне с комбайнерами трудимся до поздней осени, до конца уборки. А урожай в тот год выдался неплохой, все мы поработали на славу.

А потом — снова в кузнице. Наш главный инженер Иван Иванович, человек недожизненных знаний и опыта, предложил мне должность старшего кузнеца. Я отказывался, ссылаясь на свою малую практику, но он только посмеялся:

— И Москва, брат, не сразу строилась!

Надо сказать, что МТМ были построены, когда у нас был самостоятельный район, и предназначались для полного ремонта техники всех хозяйств. Светлое двухэтажное здание со множеством цехов, со всеми станками, необходимыми для работы. Особенно я любил зиму, когда в разгаре кипучая работа и все механизаторы в сборе. Деловитые разговоры, шум, гомон, веселые возгласы, брызгают голубые лучи электросварки, глухо ухаёт молот, гремят ключами рабочие, слышны удары молотков, гул станков, и все это до позднего вечера, и в конце рабочего дня два готовых трактора на своем ходу выходят из ворот.

...Кузница была сердцем мастерской. Работы — невпроворот, и мы, два кузнеца с молотобойцами, трудились до десятого пота. В короткие перерывы рабочие собирались в кузнице, кто покурить, кто передохнуть, а кто просто поглазеть на нашу работу — все-таки красива и привлекательна наша профессия.

В огне есть что-то магическое, зачаровывающее, захватывающее, недаром люди в древности поклонялись ему, создавали красивые легенды и мифы.

Кузнец, если хороший, обязательно должен обладать другими навыками и умениями. Прежде всего он должен иметь определенное представление о медницком деле. Уметь паять «на горячую» он обязан, ведь иначе не откуешь токарные резцы. А владеть паяльником ему сам бог велел. Ему много придется гнуть, перегибать, наращивать, сшивать железо, а это уже предпосылки к другой специальности, кузнец в какой-то мере жестянщик, он должен уметь делать хотя бы простые вещи из жести. И еще одна работа близка ему — электродуговая сварка металла. В старину железо приходилось сваривать в горне так называемой кузнечной сваркой. Раньше кузнецы в совершенстве умели сваривать металл этим способом, и меня этому учили, но потом электросварка полностью вытеснила этот вид кузнечного дела: зачем кузнецу, к примеру, сваривать два

куска металла в горне, тратить много времени и усилий, когда за минуту можно сделать это электросваркой, и качеством выше.

И эталоном такого кузнеца — виртуоза, универсала, мастера на все руки был Петр Шалимов. Чернявый, с хищным носом, весь обросший шерстью, он любил работать голым до пояса, надев только фартук. И такие инструменты кует, просто залобуешься, только заводского клейма не хватает. Я любил бить ему кувалдой. В душе музыкант — прекрасно играл на баяне — он такой, бывало, перезвон молотка и кувалды на наковальне устроит, только успевай приплясывать. Шалимов учил меня подковывать коней на станке, а это — настоящее искусство, множество инструментов и приспособлений и даже приемы вязки каждого копыта разные. Но жалею сейчас, что недолго мне пришлось учиться подковывать лошадей — конюшню совхозную расформировали, а станок в одну из холодных зим распилили на дрова.

И еще один человек стал моим учителем, сам, может быть, не подозревая об этом. Как-то появился в МТМ щуплый старичок. Сат Олчей, так звали его. Я слышал, что другие почтительно называли его Олчей-дарган, Олчей-кузнец. Я недоверчиво, даже пренебрежительно относился к нему: «Ну, какой ты кузнец, куешь какие-то подковы, ножи,— разве этого достаточно, чтоб тебя так именовали?»

Смотрим с улыбочкой, как он оглядывает нашу работу, а ковали мы в то время прицепы для тракторных саней, труд адский, проливали тут семь потов.

Раздул новый кузнец огонь небольшой, вытащил из сумочки какие-то молоточки, бородочки и что-то кует. «Ага,— я думаю,— клещи. Но почему они такие маленькие? Для чего они?» Отковал. «Что ж, неплохо,— отмечаю я ревниво.— Что еще он умеет?»

Подошел ко мне и говорит: «Научи меня работать на этой штуке, и я обеспечу совхоз подковами, ведь вы не успеваете». Я охотно включил пневматический молот и показываю на ножную педаль.

— Самое главное — научиться нажимать на нее, манипулировать ею: чем сильнее нажимаешь, тем сильнее удар.

Олчей попробовал и, само собой, у него не вышло.

— Ладно,— махнул он рукой,— постепенно научусь.

И начал ковать подковы. Подсек, где надо, я ему помог вытянуть под молотком. И тут я начинаю замечать, что приемы работы у него совершенно иные. Много нагревов, но в горне много подков, вытащит, покует, остудит, возьмет другую, и что

удивительно — обходится один, без помощника. И шипы загнул. А дальше пошло совсем удивительное — пробивает новый кузнец отверстие простым бородком, без ручки, недобивает и бросает оземь. Работаю и наблюдаю за ним. Отковал он несколько штук. Вижу, что устал, запыхался, пот льет по его лицу, по тонкой шее за воротник. Покурил, и снова за работу. Добивает отверстия подков вхолдную, и я сразу заметил удобство этого метода.

Олчей-дарган кончил работу. Я вел, как бы сказать, скрытый хронометраж, и заметил, что он отковал больше подков, чем мы вдвоем с молотобойцем Садыем могли бы за это время.

Я подошел к нему и говорю:

— Очень интересно, дядя, ты работаешь!

— Где уж мне,— с улыбкой махнул он рукой, открыв прокуренные зубы.— Вот вы какие махины куете. Вы ребята молодые, здоровые, вам это под силу. Давайте договоримся: что помельче — мне, что потруднее — вы, лады?— вздохнул он.— А ведь я действительно твой дядя. По материнской линии.

Так началась наша дружба с Олчей-дарганом. Работником он оказался умелым в своей области, хотя не приученным к дисциплине: придет, когда захочет, уйдет раньше, да и инструменты разбросает по полу. Один, без молотобойца, он творил непостижимое: научился работать на молоте и за день отковывал подков на десять коней.

И сейчас — сколько времени прошло после его смерти — такого я не могу достичь.

Много я у него перенял, особенно в изготовлении предметов домашнего обихода — удил, таганков, охотничьих подков, клещей для огня и другого.

Особенно меня удивило то, как он калил ножи. Тува наша таежная, горная, охотничья страна, и спрос на ножи велик. Возьмет Олчей-дарган откованный нож из рессорной стали, нагреет — и бултых в воду. Я первое время просто обалдевал. Вытащит нож, а он белого цвета, чуть стукни плашмя, — разломится на несколько частей. И дальше пошло досель не виданное мною. Кузнец чуть нагреет нож снова и высыпает из мешочка порох. Огонь и порох? Непримиимые стихии. Смотрю дальше с интересом. Он осыпал нож порохом, нет, порох не всыпхнул, не сгорел — температура мала. Другим горячим железом водит по лезвию — нормализует, значит.

Олчей-дарган умел многое, и даже говаривали, что он делает охотничьи ружья, старинные карамультуки. Этого феномена я не мог постичь.

Я любил работать с молодыми помощниками, у них силы и задора больше, душа мягче. Они всю тяжесть работы брали на себя, а мне, с больной ногой, оставалось только указывать. Сам молодой, я прекрасно ладил с молодежью, и поэтому кузница стала местом сбора молодых механизаторов. Станут в очередь, чтобы побить кувалдой, а потом начинается молодецкая забава: кто больше выжмет десятикилограммовую кувалду, гирию или кто чисто «поцелует» кувалду — это чисто кузнечное упражнение, тут уж будь поосторожнее, не оплошай, иначе останешься без зубов. А то возьмутся за самодельную штангу в углу или за перекладину, прибитую к дверям.

Не надо думать, что вся наша работа шла гладко, без сучка и задоринки. Припоминается мне такой случай. Виктор Кривоножкин, молотобоец, недолюбливал Степана Жильцова, бывшего вторым кузнецом. Да, причины для этого были. Прижимистый мужик, любитель денег, Степан себя не щадил, чтоб что-нибудь да выкроить: устроит выгоду для себя, возьмется за работу подороже, потруднее сплавит нам. Привезут, скажем, на ремонт бороны, а Жильцов ночью те, что поновей, перетаскает к себе. Виктор частенько говаривал мне:

— Мы, шеф, побольше его работаем, да и разряд у тебя повыше, а по наряду заработка у него больше. Почему так?

Запомнился мне один эпизод. Принесли нам очень крупный и очень редкий заказ — изготовить большие кольца и сварить их кузнечной сваркой, да так, чтобы ни одной трещины не было: предстояло еще протачивать их на токарном станке. В уме прикидываю план работы, хожу в поисках материала. Наткнулся на квадратные валы. Подходит Степан: «Бери, готовый материал, их только загнуть». Послушался доброго совета. Нагрели, загнули по чертежу, и взялся я сваривать. И жар хорош, и почитил стык сварочного места как следует, и посыпал песком — ничего не получается. И как флюс использовал даже буру, — искрит хорошо, но никак! А Степан кует из круглой заготовки, и все у него получается, и вроде бы ухмыляется. Я в то время на его гримасы не обратил внимания. Так и не могли мы с Виктором выполнить заказ, а поковки Степана прошли на «отлично». Это меня очень огорчило, и только через годы внезапно резануло — эх, ты, недотепа, да валы были из высоколегированной стали, вот Степан тебя и провел! Мало ли тебя учил Илья Новоселов, не один раз повторял, что кузнечной сварке поддаются только малоуглеродистые стали.

Вспомнилось предание о том, как в старой Туве из-за недостатка железа кузнецы изготавливали ножи. Для лезвия бра-

лась вырубка из литовки или серпа, а спинка из какого-нибудь куска простой стали, и все это сваривалось кузнечной сваркой. Представляю, какого это требовало умения.

Говорят, что в старину за один нагрев ковали подкову. Сознаюсь, не пробовал, но если хорошо подготовиться, потренироваться, отковать весь необходимый инструмент — а почему бы и нет? Не вижу ничего невозможного.

Подумаешь, какая штука подкова, сколько перековал, вроде бы все о ней известно, что нового можно придумать? Так нет, как-то мне говорит Маадыр-оол Касыга: «Ты наклоняй бородок вовнутрь, когда пробиваешь отверстие. Тогда и гвоздь не будет пиваться вглубь, а сразу выйдет наружу копыта, где тебе надо». И верно же — век живи, век учишься!

Что за штука подкова, куй себе, ан нет, они подразделяются, по словам знатоков, на летние и зимние, для верховой езды и тягловой лошади, на равнинное место и на гористое, каменистое. И к каждой особенные требования. Сколько ни стараюсь угодить ветеринарному врачу Валерию Межекею, тонкому знатоку лошадей, а он всегда найдет изъян в моей работе: то шипы не так, то отверстия не те — навидался у стариков-кузнецов на правом берегу Улуг-Хема.

Сельский кузнец поставлен в особые условия. На предприятиях Кызыла, куда я частенько заглядываю, интересуюсь, есть кузнечные цехи. Видел там множество разнообразных станков: режут, гнут, штампуют. А в сельской кузнице, даже такой технически оснащенной, как наша МТМ, только один пневматический молот, маленький и трудолюбивый.

Раньше у нас стоял старый молот, так мы мучились, работая с ним: куешь, а он закапризничает, нажимаешь педаль, а он возьми и дай серию непредвиденных ударов. Так мой молотобоец Март-оол Тун-оол подшучивал надо мной: «И так ты заикаешься, так он тебя вообще зайкой делает». Старый демонтировали, привезли новый молот, так мы на нем делали чудеса, то, что считается высшим классом управления молотом у всех кузнецов — закрыть раскрытую спичечную коробку, не повредив ее, одним ударом.

Свободнаяковка не чета ковке под штампом, тут больше простора, инициативы, творчества, как говорится — «твори, выдумывай, пробуй».

Есть одна особенность в работе кузнеца, о которой редко кто подозревает и знает. Сварщик, будь он хоть семи пядей во лбу, не может варить сразу двумя электродами, так же и токарь в патроне не может зажать две разные детали и точить их, а у

кузнеца такая возможность есть. Он может заложить в горн не одну, не две, а даже десять разных поковок и поочередно, по мере нагрева, ковать их. На нагрев каждой отдельной детали отпускаяется время, и тут очевиден выигрыш в быстротековки и, в результате, — перевыполнение плана и высокий заработок.

Я абсолютно убежден, что каждая профессия накладывает отпечаток на человека. Идешь, увидишь какую-то железку — и сразу прикидываешь, на что она годна, где может пригодиться. Попадешь в город, увидишь что-то кованое, гнущее из металла и стараешься понять, как это сделано, а если что-то интересное, то запомнить — может, пригодится.

Мне как-то пришлось заглянуть в сельхозтехнику районного центра Самагалтая, и, как говорится, рыбак рыбака видит издалека, разговорился, само собой, с кузнецом. Удивило меня то, что он один, без молотобойца и, более того, он как бог триединый: и кузнец, и медник, и сварщик. Такое сочетание нередко, но он совмещал все эти функции, то есть один на трех должностях.

Как он успевает? У нас только совхоз, и то едва справляемся со своей работой кузнеца.

А работать без молотобойца — да, возможно, на то и даны всякие приспособления, разные секачи, прижимки инструментов и другие. Но никакие инструменты не могут заменить живую человеческую душу, руки товарища. С помощником работать легче: и результат продуктивнее, и качество выше.

Но, если говорить откровенно, в селе идет процесс упрощения работы кузнеца, все грубее и проще, и неинтереснее становится его труд. Это процесс закономерный, неотвратимый. Пришла новая техника, более совершенная и производительная. Все прочнее становятся детали машин, больше запчастей к ним.

А все же профессия кузнеца — древнейшая, она появилась с тех пор, как люди познали металл. Недаром кузнец был одним из почитаемых людей в селе.

Я решительно не согласен с тем, кто, описывая труд кузнеца, явный упор делает на внешнюю, показную его сторону. Тут и чуть ли не двухметровый рост, и громадные бицепсы, и адская жара, и ослепительные брызги искр, и шум, и гром...

Давайте рассмотрим это подробнее, с точки зрения профессионала. Соглашусь, что среди нас есть люди высокого роста, крепкого телосложения. Но ведь свет выкроен не из одних Геркулесов, тем более, кузнецов тысячи. Конечно, чем сильнее, тем

тебе легче управляться с металлом. Но как быть тому, кто и роста низкого, и послабее, но, тем не менее, работает в кузнице?

Я считаю, что большая физическая сила уже не нужна кузнецу, ведь есть механизмы, облегчающие его труд. Это только в старину кузнец работал сразу с двумя-тремя молотобойцами.

Про меня в пору расцвета моих сил не сказать было, что я слабак, но тем не менее не мог согнуть или разогнуть подкову — классическое упражнение кузнецов. Знал я и Анатолия Саргова, человека недюжинной силы, играючи поднимающего сто килограммов и поболее; еще сильнее были его ученики Сергей Молин и Григорий Мохов, но и они не могли делать этого. Большая физическая сила не обязательно желательна. Другое дело — выносливость, вырабатываемая в процессе работы. Говорят — «куй железо, пока горячо», и поэтому, чтобы не дать остыть металлу, наносят по раскаленной поковке частые удары кувалдой, тут уж поспевай, поэтому сноровка, навык и быстрота реакции нужны и кузнецу, и молотобойцу.

А шуми гром — и вовсе нежелательные издержки нашего производства. Чем больше шум, тем более он нервирует, недаром люди, проработавшие долгие годы в таких условиях, недослышат. «Глухари» — так ведь называли в старое время кузнецов.

Раньше у нас в кузнице стояли вентиляторы на бронзовых втулках, а не шарикоподшипниках, они старели, изнашивались, и при работе был такой шум, что мы переговариваться сами кое-как могли. Так мы подумали со Степаном Жильцовым, вторым кузнецом, и решили реконструировать кузницу. Я взялся за поддув, пробил стену и установил на улице на фундаменте новейший вентилятор, провел воздухопроводы, а Степан поставил на крыше вытяжной вентилятор, тоже снаружи, и результату своих трудов сначала не поверили — такая благодать, такая тишина, хоть на скрипке играй, а раньше глохли, чуть передышка в работе — скорее в палисадник, на свежий воздух.

Теперь о снопах искр, разлетающихся при ковке. При нагревании на металле появляется окалина, при ковке она брызжет во все стороны и даже может прилипнуть к одежде, к открытым частям тела и вызвать болезненные ожоги, и поэтому перед ковкой она сбивается молотком или специальным ежиком. Конечно, что может быть красивее перезвона в унисон молотка и в такт ему — биения кувалды. Красиво, когда ты выпускаешь шум и гром, сотрясается земля, в утреннем или вечернем полумраке рассыпаются снопы искр во все стороны. Очень красиво,

но лучше, если бы этих псевдокрасивостей не было — так легче работается и не получишь травмы.

Появление искры металла при нагревании — грозное предупреждение, что железо перегревается, тут может выйти непоправимый брак — пережог. Искры желательны только при одном виде работы — кузнечной сварке, тут они сигнал — поскорее вытаскивай и, наложив друг на друга горящие концы, нанеси частые удары, сваривай.

Увидишь у кого-нибудь старинную поделку, нож ли, огаиво ли,— и диву даешься, как она выдержала испытание временем. Умельца уже нет, он давно умер, вещь старше даже своего нынешнего хозяина, к которому она перешла по наследству от отца ли, от деда ли, даже имя мастера не сохранилось в памяти — а ведь жива, верно служит хозяину, не потеряла ни блеска, ни изящества и красоты. Увидишь и думаешь: «Нет, я так бы не смог». И даже не верится, что она сделана руками человека,— не заводская ли она?— ну, совершенно ни одного изъяна, к которому можно прикопаться, даже цепь, и та без швов, и так лихо закручена, что непостижимо уму.

А ведь были мне лично известны кудесники, старики-кузнецы. Славились в нашем селе ножи старика Апа. И в Урбюне, в трех километрах от нас, жил один кузнец, про которого говорили, что он с помощью коры и простой глины делал формы диковинных зверей, а потом отливал. Знал их в лицо, был знаком с ними, и стоило бы поинтересоваться, поучиться у них. Да нет, все некогда, все недосуг, текучка заедала. А кузнецы-самородки состарились, поумирали и унесли секреты с собой.

Как-то обстоятельства столкнули меня с ученым, кандидатом наук Иргитом Самбу. Жена его, которую я знал по институту, представила меня как чудо-мастера. Ученый рассказывал о раскопках в Чинге, что неподалеку от нас, и заинтересовался: как делают сплавы золота с серебром, как покрывается оружие позолотой и серебром,— такие именно вещи он находил при раскопках. «Стало быть,— подытожил ученый,— наши предки умели это делать?..» Я покраснел и ничего определенного не мог сказать в ответ, потому что не знал.

Сталь закаляется при сильном нагревании и быстром охлаждении — это аксиома, не требующая доказательств. Но ведь известен так называемый самонакал, применяемый при расточке на токарном станке. Привезут сырец такой, его можно рубить, протачивать на станке, а вот нагрей, и он закалится сам — как недотрога, тут уж его не трогай, он сам режет. Парадокс? Нет,

достижение человеческого разума. Есть стали, вообще не воспринимающие закалки, так называемые — спецназначения.

Вот ты сколько лет куешь железо, а не кажется ли тебе, что и оно тебя кует? Притягивает, как магнит.

Вот тебе и за сорок, возраст приличный. Помнится, семнадцатилетним пареньком впервые переступил этот порог. Что же ты сделал такого значительного, памятного, чтобы люди об этом вспоминали? Кажется, ничего. Работал беспрерывно. Дни текли за днями, годы за годами. И незаметно столько времени прошло!.. Был ты молод и энергичен, горел, как говорится, огнем...

Другие совершают полеты в космос, строят БАМ, пишут книги...

А что у тебя? Что ты оставишь на память людям? Твои кованые запчасти давно поржавели, где-то валяются или сданы в металлолом, изготовленные тобой подковы иступились. Что ты сделал хотя бы такого, чтобы была довольна душа, довольны тобой товарищи? Сколько сменил наковален, кувалд, даже железу приходит конец, а твоей работе конца и края нет. Было вчера так, сегодня так же и в будущем ты все так же будешь извлекать звон из металла. Ну ладно, ты не отлил Царь-пушки и никогда не подкуешь блоху, но ведь твой труд «вливается в труд твоей республики»...

Таких, как мы, мастеровых людей, исправно делающих свое дело, стоящих на своем посту,— миллионы. И ими сильна наша страна.

П о э з и я

Олег Сувакнит

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

В сомоне Оргон Восточно-Гобийского аймака МНР есть колодец, называемый колодцем Пржевальского.

Край света, далее даль, земля пустыни!
И в ней, обложен камнем, на бугре
колодец есть с водой, прозрачно-синей,
колышущейся в кожаном ведре.

Кто ни пройдет — геолог ли, чабан ли —
здесь отдохни и жажду утоли.
Откуда ты взялась в степи песчаной,
вода, отрада жаждущей земли?

Сама природа здесь создать не в силах
ни бурных рек, ни чистых ручейков,
ни родника, чтоб землю оросил он...

Однако здесь, на стыке двух веков,
сто лет назад — свершилось же такое! —
чтоб жить земле и зеленеть траве,
пустыне воду твердою рукою
дал чужестранец — русский человек!

Да, русский человек, землепроходец
и первооткрыватель тайн земных.
Следы его повсюду — что колодец! —
он новостройки, фабрики, заводы
в пустынных до тех пор местах возводит
и города, чтоб люди жили в них.

Он к звездам, в дали космоса, восходит,
и звезды улыбаются ему.
В работу он влюблен, готов на подвиг —
пустыню обновит, рассеет тьму...

Кто с человеком русским повстречался,
тот станет дружбой, мудростью богат.
Кто с человеком русским побратался,
тот миру в целом мире друг и брат!

Я на краю земли стою, в пустыне.
Вот-вот сомкнется с новым веком век.
Кроплю песок водой, прохладно синей:
пусть будет счастлив русский человек.

САМАНТА

Как будто совсем опустел твой город.
Как будто нигде не играют дети.
И небо померкло, солнце не светит —
убил все цветы нахлынувший холод.
Улыбке Саманты здесь не светиться —
не встанет, не глянет, утро встречая,
не будет с подругами веселиться...

Зачем эта смерть? Слепая случайность?
А может, обдуманная жестокость,
преступной политики людоедская мера?

Ты — с Запада радужный мостик к Востоку,
посланница детства, посланница мира.
Ты — Бэки из старой чудесной книжки.
В ребячьем кругу, с артековской песней
ты быть не могла ни чужой, ни лишней,
о мире мечтала с друзьями вместе...
Как солнышко, ты умела светиться,
к себе притягивала подружек —
и волосы были, как сноп пшеницы,
и золотились зерна веснушек...

Как будто совсем опустел твой город.
Как будто нигде не играют дети.
И небо черно, и солнце не светит,
и гулками взрывами мир расколот...

Нет, нет! Не поверила и сама ты,
к отцу прижимаясь в последнем крике.
Неправда!

Есть в каждой стране Саманты,
вражде вопреки и бесчинствам диким.

Цветы оживут в весеннем рассвете,
и не оборвутся песни в Артеке,
и дружба, и мир на нашей планете
войну победят и пребудут вовеки!

Монгуш Кенин-Лопсан

В ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ...

* * *

Тепло весны угнало далеко
шугу, на волнах покачав легко.
Вернулась трясогузка и по гальке
разгуливает с гордостью хозяйки.

* * *

В тиши ночной собака вдруг залает —
в сердцах людей тревогу пробуждает
Звезда во тьме небесной засверкает —
она сердца людские обжигает.

* * *

Коль пара птиц навеки разлучится,
живая друга больше не найдет.
Коль человек с подругой распротится —
легко себе дружую подберет...

* * *

Нет! Друга позабудет человек —
и счастья не видать ему вовек.
Расстанется с любимым скакуном —
так говорят: ходить ему пешком.

* * *

Боль горьких слов твоих ожгла меня,
как будто вдруг ужалила оса.

Так кнут терзает голову коня.
Так помнит сын удар руки отца.

* * *

Мысль мудрого, как солнца луч, светла:
восходит солнце — исчезает мгла!
Бег к цели устремленного коня
свободен, легок, как полет орла.

Екатерина Танова

ОСЕДЛАВ ЛИХОГО СКАКУНА

Главы из поэмы

ПРОЛОГ

Под облачным небом,
созданным богом,
по черной земле,
выжженной солнцем,
идет-бредет бедняк-арат,
богатому подданный,
богу раб.
Тяжелую еле тащит суму:
горе с печалью — ноша ему.
Красны глаза его, воспалены —
господа в небе ищут они.
Костлявы руки его, черны —
тянутся в выси небес они.
Хрипит его горло:
— Великий бурхан,
глянь хоть глазком
на меня, бедняка!
Светом очей своих озари,
крохою счастья меня одари!
О всемогущий, спаси бедняка:
солнцу вели разогнать облака!

А бог и не слышит его совсем:
дремлет с тех пор, как на трон воссел,
шелком обвили его облака...

Где же ему услыхать бедняка,
тихий и хриплый голос земной?..
Устал человек. Иссушил его зной,
мороз заковал, а пуще того
моления вконец изнурили его.
Вот поднял он руку в последний раз —
и наземь рухнул,
землей становясь,
но выдохнул слабо, судьбу кляня:
— За что ты, о боже, оставил меня?
За что к мольбам моим глух и нем?
Чем я виноват, о господи, чем?

Как мертвый, лежал он, простерт в пыли,
как вдруг услыхал он голос Земли:
— От бога и хана не жди добра.
Матерь одна к своим детям добра.
Держись за меня — это я, Земля,
опора твоя и надежда твоя,
а бог всеильный — внутри тебя:
богов сильнее воля твоя.

Что это? Сон? А может, не сон?
Смотрит арат вокруг, изумлен:
медленно поднимается,
с робостью озирается.
Что за поляна? Цветов полна,
радугую сияет она —
как он их раньше не замечал?
Видно, глаза застилала печаль?
Вон Кара-Даг, как на троне хан,
Хемчик — стремительная река,
волны исходят из сердца гор,
льются, чтоб смыть страданья и скорбь.

И пробудился арат, восстал,
выпрямил спину — высоким стал,
взмахнул руками — как два крыла,
готовы нести его к высям орла.
Землю родную вмиг оглядел —
радостным кликом мир загудел:

— Э-эй, Кара-Даг, мой единственный хан!
Э-эй, Хемчик, матерь моя река!

Не вы ли — заступники бедняка?
Других не надо мне на века!

IV.

...Чангы к себе в юрту зовет удалых
парней молодых:
дружить с ними хочет. Совсем им под стать
сам молодцем стать!
— Эх, парни! Сидите по юртам своим —
не стыд молодым?
Да был бы я молод — да что мне мой чин!
До самых вершин
взлетел бы орлом на лихом скакуне —
завидуйте мне!
Вот так бы, как в песне старинной поют, —
подальше от юрт:
«Ускакать бы мне на быстроногом
на хребты высокой Қаргыраа!
Поглядеть бы вниз с ее отрога —
и увидеть все, чем степь щедра!
Эх, взлететь бы мне на легконогом
на хребты, до самой вышины.
И с вершин — пускай в степи так много! —
все пересчитать бы табуны!..»

И песня старинного удальца
зажгла хмельные сердца:
— А что? Мне бы доброго только коня —
да кто ж удержит меня?
— Кому из вас, парни, надо коня?
Коней не счесть у меня,
буланых, каурых и вороных,
игрневых и иных...
Берите! Каждый — по одному.
Я дорого не возьму:
пригоните мне — всего-то и дел —
монгольских косяк лошадей.

V.

Быстроноги, выносливы скакуны
в табуне у Семис-чангы:

сколько им ни скакать — вовек не устать.
И коням седины под стать.
Эй, гляди-погляди, Самба впереди!
Эй, не бойся, за ним иди!
Все вперед и вперед, глухою тайгой,
воровской старинной тропой...

VI.

...В дебрях кедровой горной тайги
охотник ждет у костра.
Летние ночи так коротки —
глаз не сомкнешь до утра:
выгонит утренняя заря
под выстрел уйму зверья!
Ждет он, не спит. И слух старика
тонок и обострен.
Табун несется издавека!—
вот что услышал он.

...Парни заметили свет костра,
усталых тянет к огню,
и подкрепиться бы им пора...
Вот добычу свою
старый охотник на всех разделил,
всех чайком напоил...
— ...Слушай, старик!— и они ему,
как близкому, своему,
все у костра рассказали, тут —
и восхищенья ждут.
Но не вступает он в разговор,
оставился на костер,
а обернулся — глядит на них,
словно бы на больных;
вот, наконец, помрачнев лицом,
молвит:
— Родись удальцом
в радость другим да прославь свой род —
гордиться будет народ.
Честь справедливому и хвала!
Если же ради зла
удаль да смелость употребить —
только себя сгубить.

Не поддавайтесь, дети мои,
посулам злого ума.
Не оскверняйте, дети мои,
честь родного угла.
Не для того вам, дети мои,
на плечи посажена голова!
Табун угнали! У батрака,
у жалкого старика!
И без того ваш чангы богат —
а чем старик виноват?..

Что возразишь тут? Правда сама.
Глаз не сомкнул Самба,
думая думу: как ему быть?
Как бы позор избыть?

Да и придумал: у черных юрт,
кем-то приведены,
встали невиданные скакуны:
только в песнях поют,
только мечтают здесь о таких —
радуйтесь, бедняки!

Долей своей и чангы наделен —
но недоволен он:

— Из-за проклятых этих воров —
стыда у них, видно, нет!—
мне, господину, держать ответ?
Да я их убить готов!
Свалят еще на меня вину —
тут-то и потону!
Все обернуться может и так:
снимут, из-за коней,
шапку с чинзе — чиновничий знак,
голову вместе с ней!..
Горе-кайгалы! И воровать
не научились, что ли?
Все, до копыта, обратно отдать!
Скрыть ничего не позволю!
Ну, а за каждого скакуна,
что был вам в дорогу дан,

тоже заплатите мне сполна —
по двести серебряных лан!
Скажете, денег вам негде взять?
Тогда прикажу пытать!
Чем расплатиться, найдешь, негодяй,
не то — а я ведь не лгу! —
не то засвистит по щекам шаагай,
пригнет вам шею донгу!¹

IX.

— ...Мы бедным роздали коней —
что может быть верней.
Светились счастьем их глаза —
как радость взять назад?

— Зато несметны табуны
у самого чангы,
ему все мало...

— Коли так,
возьмем один косяк!

X.

...И опять — словно волны в море степном,
пыль клубится за табуном,
и звенят говорливые стремена,
и далеко песня слышна:
«Нам не надо чужого добра,
но нечестному скажем одно,
пусть он знает: его Карала
уже нами обуздан давно.

С бедняком поделиться пора
тем, кто нажил нечестно добро.
Знай, богач: это твой Ояла
уже нами оседлан давно».

Вон монгольская степь, хребет Каргыраа
под завесою голубой...

¹ Шаагай, донгу — орудия пытки.

И глядят: сквозь туман — скажи им, гора,
что маячит точкой живой?
Поравнялись — плетется жалкий старик.
Как же им не узнать старика?
Деревянный на шее его воротник —
крепко врезалась в шею доска.
Вот что значит донгу! Ни сесть и ни встать,
и не снять — на досках печать...
Соскочили скорей наши парни с коней.
Что доска! Разделались с ней.
И бумага с печатью тонка, ломка.
И лежит на земле доска,
а годится она как раз для костра.
И привал устроить пора.

— Ты прости нас, отец, не суди, отец,
долгой муке твоей конец.
Ты на нас не сердись, мы стали людьми,
мы пригнали табун — прими!—
растирают избитые плечи ему,
набивают едой суму.

По обычаю трубку старик протянул,
дым из трубки Самба вдохнул:
— Добрый путь вам, сынки!— родными признал...
Сел верхом и табун погнал.

Но остался костер. Он еще горел,
он не всех еще обогрел,
и орудия пыток не все на нем
сожжены справедливым огнем.
Ветер пепел развеял в степной простор...
Но еще разожгут костер,
на котором сгорят все плахи дотла —
разлетится только зола!
Ты не гасни, костер, разгорайся, костер,
озари весь земной простор!

XIII.

Кара-Дага крепки скалы,
тверды скалы.
Наши молодцы приют там
отыскали.

Среди скал крутых засели,
песню пели:

«Впятером ли, вшестером ли —
полусотни мы сильнее.
Пятьдесят солдат пекинских
с нами драться не посмеют.
Вшестером ли, впятером ли —
пяти дюжин мы сильнее.
Шестьдесят вояк нойонских
одолеть нас не сумеют!»

XV.

Свистом шаагаев, стонами аратов
степь над Хемчиком полна.
Без вины страдают, тяжело народу —
беглецов ли в том вина?
Не молчат хошуны, громы шлют чызааны,
злобою воспалены:
тяжкие поборы, пытки, наказанья —
по вине и без вины.

Покарать повстанцев! И собрал дружину,
и повел Семис-чангы.
Вдоль по речке Аку скачут до вершины,
скачут в горы, в глубь тайги.
Ружья за спиною, на лице — надменность,
каждый важен и суров,
и уверен каждый: сдастся непременно
горстка жалких беглецов!

Едут преспокойно, созерцают скалы,
игры мирных горных коз...
Вдруг — огромный камень, злым сверкнув оскалом,
сбросил с кручи вниз утес.
Скакуны споткнулись, седоки привстали —
не вернуться ли назад?
Кони наземь пали, всадники попали
под прицельный камнепад.
Что же ты смешалась, храбрая дружина?
Кто там, на дороге, встал?

Дружные кремневки грянули с вершины,
из расщелин скал.
Для аратской пули стать недвижимой целью?
Нет! Бежать, скорей бежать!

Раненых, убитых подобрать успели.
Шапки на тропе лежат.
Синими камнями, красными камнями
солнечным играть лучам.
Светит величаво солнце над горами,
глядит скалы по плечам.

XVI.

Сколько же раз враги наседали,
лезло на кручи зверье?
Кони устали, люди устали —
силы победа дает.
Видите, люди? Слышите, люди?
Вот смельчаков следы:
были десятки — сотнями будет
впору считать их ряды.
Яркое пламя, смуглые лица,
отраженья огня...
Гордая песня в дали стремится,
горным эхом звеня:

«Чем же, чем мне не гордиться?
Хемчик мой течет-лучится,
а над Хемчиком лучистым
мой скакун летит, как птица.

Чем же, чем мне не гордиться?
Крепки горы, скалы чисты.
По вершинам гор скалистых
мой скакун летит, как птица».

Жаркое лето, видно, устало.
Осень настала.
На Кара-Даге чуют, на стане,
стужи дыханье.
Ветры костры взметают на взгорье,
с пламенем споря.

Иней на скалах, иней на стылых —
осень настала!
Крепость примолкла. Падают с неба
заячьи лапки снега...

...Всю ночь, как нарочно, шумели метели,
над степью летели,
и вымели дочиста баям амбары,
угнали отары,
в купецкую лавку заглянешь с рассветом —
изюминки нету!

Зато на далекой стоянке бедняцкой,
куда не добраться,
котлы, переполнены мясом, дымятся,
чай кипятятся,
девчонки в шелка дорогие рядятся
и не наглядятся...
Пирует народ и не может дознаться —
откуда богатства?

— Не бойтесь! Будь жизнь для вас полною чашей:
ведь все это ваше,
не вы ли в тайге соболей добывали,
за грош отдавали?
Что отняли бай, купцы обманули —
мы все вам вернули.

XVIII.

Дни проходили, сменялись ночами —
морозы уже не крепчали,
солнце за горы неспешно скрывалось —
подснежником любовалось.
Землю весна порадует вскоре...
Людам одно лишь горе:
что впереди удалых ожидает?
Кто угадает?
Кто вразумит их? Кто просветит?
Песня летит:

«Ухожу я, не сдаваясь,—
беглецом же называюсь!
Конь мой скачет, улетаю,—
путь лежит к земле Алтая.

Не беглец я, не спасаюсь —
ухожу я, не сдаваясь.
Тропы горные крутые
приведут к земле России».

Смотрит Самба друзьям своим в лица,
песне дивится:
может, и впрямь сквозь горы пробиться
вольною птицей?
Люди Алтая — тувинцам родные...
Люди России...
Может быть, кто из них нам ответит,
путь наш осветит?..

XX.

...В пыли купается Улясутай.
Повсюду шум, суета.
Бурээ и бюшкууры повсюду гремят,
умилостивить хотят
буддийских богов, жестоких богов,
людского счастья врагов.
И пляшут под масками палачи,
блестят кривые мечи,
и валятся, под ударами их,
головы удалых...
Висеть вдоль дороги им на шестах,
аратам внушая страх...

Но нет! Не смирился бедняк-арат!
Факелами горят
головы богатырей в горах —
всем палачам на страх.

ЭПИЛОГ

Под звездным небом,
темною ночью,

в самом сердце хребтов Самыны,
под скалой, где орлы клекочут,
где орлята их рождены,
стоит, молчит молодой арат,
долгую думу думать он рад...
Кто вразумит его?
Кто просветит,
чтобы не сбился арат с пути?

Слушай, арат: твой вопрос справедлив,
да времена еще не пришли,
не вырос еще молодой орел,
крылья сильные не обрел.
Вот он взрастет, крылами взмахнет —
Землю встряхнет,
смахнет с нее гнет!
Сила созреет, буря взлетит —
все человечество просветит.
Встанет сиянье над темнотой...
Жди и крепись, арат молодой,
время придет — седлай скакуна:
будет тогда дорога ясна.

Видишь? Следы ведут в вышину —
скакал Арбас-ой там, за Самыну.
Станет дорогой его тропа —
помчатся по ней, шурша и трубя,
небывалые скакуны —
из металла они рождены.
Не в стародавние времена
оставлены здесь следы скакуна —
в канун удивительных новых дней
в сердце земли, что многих древней,
полной красот,
полной щедрот,
где пробуждался уже народ.

Большим караваном года идут,
забвения тень за собой ведут.
Но пламя костров, зажженных во тьме,
памятью вечной живет на земле,
во мне живет и в тебе живет...
Богатырей не забыл народ.

СУТЬ ЖИЗНИ

Документальный рассказ в стихах

Ф. А. Родионовой, заведующей Успенской молочнотоварной фермой совхоза имени 50-летия СССР, депутату Верховного Совета СССР.

1.

— А кто такая Родионова?—
спросил я у секретаря.

— Кто Родионова? А вон она,
вторая слева, третий ряд.

Да нет, не крупная, не рослая,
а та, что рядом с ней сидит —
спокойная, русоволосая,
обыкновенная на вид.

Да, верно, женщина как женщина,
красавицей не назовешь,
ничем особым не отмечена,
неброской внешности — а все ж...

Попробуйте всмотреться пристальней
в лица обычные черты:
в них много есть, что выше искренней,
здоровой, яркой красоты.
В них величавое спокойствие
души, познавшей жизни суть,
в них много доброты, что свойственна
тем, кто прошел нелегкий путь
служенья людям бескорыстного,
тем, кто в работе и в беде
не отступил, не сдался, выстоял
и веру сохранил в людей.

Попробуйте с ней взглядом встретиться —
спокоен взгляд ее и строг,
в нем ровным, добрым светом светится
нелегких честных лет итог.

Давно это было. Должно быть, лет семь или восемь прошло с той поры, как я в эти места приезжал. С ветрами, с дождями стояла холодная осень. Летали снежинки, над стылой землею кружа.

И все сохранила мне память, и все мне вернула: здесь старый коровник стоял на ветрах и снегах, в нем лошадь привычно меж стойлами сани тянула, скользя, напрягаясь, но все же держась на ногах. Плескалась вода, разливалась холодной лужей, доярки ходили по ней, выгребали навоз, корма разносили. Казалось, что ветер и стужа и крепкие стены, и душу пронзают насквозь.

Но день был обычный на ферме, и труд был обычный, и спорилось дело, и даже казалось — легко. Доярки ласкали коров и шутили привычно, и звонкими струями билось о жесть молоко. Фаина Антоновна все это мне показала, и мы постояли недолго и молча одни: смотрели, как быстро за лесом заря угасала, как в окнах один за другим зажигались огни.

О многом хотел бы узнать в ее жизненном круге, но ладно ли, время ли в душу с расспросами лезть? Я молча смотрел на ее огрубевшие руки: в опухших суставах давно поселилась болезнь. Она проследила мой взгляд и сказала серьезно, бестактность немого вопроса поняв и простив: — От сырости в стужу на ферме нетрудно простыть. Бывают простуды. А это — от бруцеллеза.

Но не было в голосе жалобы или досады. Фаина Антоновна просто дала мне понять, что в этой беде ей состраданья не надо, не хочет она никому на болезни пенять.

Вечерняя дойка закончилась. Люди прошли. Она провожала их долгим задумчивым взглядом... Она оставалась еще. Я стоял с нею рядом — с надежной хозяйкой и дочерью этой земли.

3.

Притягивают люди все сильнее.
Не все, конечно, — далеко не каждый.
Но все же кто-то встретится однажды
и остается в памяти твоей.

И душу новой силой наполняет
не радость, не удача, не успех,
а тот, далекий, близкий — ближе всех! —
пусть рядом тысячи людей мелькают.
Пусть даже позабыл он о тебе,
тот человек с надежным, чистым взглядом,
но он теперь всегда с тобою рядом,
он навсегда теперь в твоей судьбе.

И странно: были, кажется, случайны
и встреча, и короткий разговор,
но он живет в душе твоей с тех пор,
тепло и свет все время излучая.

4.

Я снова на ферме, с Фаиной Антоновной снова
стою и ищу изменений и в ней, и вокруг.
Да, кое-что есть: вот, коровник построили новый,
есть техника. Легче теперь для души и для рук.

Сама она только что из Москвы возвратилась,
летала туда по своим депутатским делам:
почти что с неделю на сессии пробыла...
Теперь и на ферме порядочно дел накопилось.
Опять приезжал из района инспектор. Без толку
шумел, по коровнику бегал, людей распекал...
От этого не прибавится молока,
а вот настроенье дояркам испортил надолго.

Фаина Антоновна старше лицом и построже
от прожитых лет, от нелегких забот и трудов...
И странно: была для меня она очень похожа
на первых колхозниц далеких тридцатых годов.
Видна в ней такая же неистребимая вера
в могучую силу добра и труда на земле.

Я помню тех женщин. В те годы я был пионером, а мать коммунаркою первой была на селе. Ей, кажется, не было в тягость вставать спозаранку, чтоб печь истопить, чтобы все по хозяйству успеть, потом в сапоги, завернув поудобней портянки, обуться, собрать в узелочек нехитрую снедь, к конторе идти, где уже собирались бригады из женщин, таких же веселых и добрых, как мать, и шли на поля и на фермы, как маленькие отряды, на женских плечах и колхоз, и страну поднимать.

Я видел их в годы войны, непреклонных и стойких, в шинелках и ватниках, в валенках и кирзачах, в рабочих бригадах, в госпиталях и на стройках, с оружием видел на девичьих хрупких плечах.

Они защищали страну, одевали, кормили, им выпала тяжесть непоправимых потерь. И облик их, строгий и нежный, возвышенно милый — он с образом Матери-Родины слился теперь.

Фаина Антоновна молча смотрела в просторные дали: отсюда отца провожали навстречу войне. Его фотография в доме висит на стене, хранятся в коробке его ордена и медали. Здесь вся ее жизнь. Все вошло навсегда в ее сердце. Их восемь у матери было — своих и чужих. Далекое, трудное послевоенное детство...

С него началось возвышение ума и души к вершинам добра, справедливости и бескорыстия, стремления жить и работать для счастья людей.

Я думал об этом. О жизни ее и труде. Любуясь лицом ее — строгим, возвышенно чистым.

Он идет на последний гражданский экзамен.
Сонмы лавровенчаннных ему не чета.
Слово — пулей — трассирует в предрассветье,
а за ним проступают, в редяющей мгле,
темнокожие дети,
похожие дети,
все — как бронзовый юноша в Царском Селе.

Кто из них над идущим и будущим веком
мог подняться,
прорваться,
остаться,
не пасть?

В самом полном значении быть Человеком —
вот их подлинно африканская страсть.
Предрассветье. Мерцания. Тень Соуэто.
И Земля, темноликая мать, скорбит:
там, в обличье ребенка,
там, в сиянье поэта,
снова Пушкин убит.

КАЗАХСКАЯ ПЕСНЯ

Не одна дорога в чистом поле,
песня у народа не одна:
смелость славит, воспеваает волю,
горе хочет вычерпать до дна...

Что народной песни интересней?
Свой, особый лад — в любом краю...

Вы слышали о «казахской песне»?
Еду, мол, что вижу, то пою...
Дескать, логики в той песне нету,
смысла нет и цели...

Ну и ну...

Пой, казах.
Ты видишь взлет ракеты,
видишь космодром и целину.
Песню нам твою назвать бы честной —

строгая, не попусту звонка:
нет о том, чего не видел, песни
и не может быть у степняка.
Прошлое сквозь тьмы столетий видно,
будущего ширь в твоих глазах...

Кажется, и снобам стало стыдно.
Отступились от тебя, казах,
но не отступились от зазнайства:
вот уже — глядите вы, каков!—
говорит о том же: «Песнь нанайца!»—
юноша из рода степняков,
сын художника
(но не художник)...
Почувствовать бы ему слегка
зоркости охотников таежных,
мудрости степного пастуха!

Впрочем, логика ему известней...
Жаль, что одного постичь не смог:
если есть у человека песня,
значит, человек не одинок.
И еще: как в непроглядной, длинной,
беспробудной каторжной ночи
истинный художник Украины
рисовал казахского акына,
слушал, как напев его звучит.

А пренебрежительность слепая
много ль человечеству дала?

Но звенит над степью стих Абая,
и поет, тайгу одолевая,
песнь тысячелетий Узала.

Владимир Серен-оол

ЛАВИНА

Не бывает полога
на вершину дорога,
и стихия встает на дыбы:
подо мной содрогнулись,
ожили, покачнулись
горы, словно верблюжьи горбы!

Сотни лет простояла,
сотни лет не меняла
безмятежного права скала.
Но, рождая лавину,
устремилась в низину
и подлесок еловый смела.

И, как дикое стадо,
за громадой громада
камни сверглись, дробясь на куски;
и за горами груды
взгромоздились в запруды
по течению горной реки.

Горько ласточка плачет,
по развалинам скачет,
разоренное ищет гнездо.
Но призывные клики
сиротливы и дики,
и на них не ответит никто.

Как же это случилось,
если солнце лучилось
и скала безмятежно спала?
Значит, были причины
у нее для кручины —
и низвергнулась в пропасть скала!

Покачнулась над бездной,
с высоты поднебесной
взрывы атомные увидав,
и гольцы закачали
головами в печали,
словно старцы в преклонных годах.

На людское безумство
отозваться изустно
поднебесная твердь не смогла.
И, рождая лавину,
устремилась в низину
безмятежная —
с виду —
скала!

РАДУГА СТИХОВ

В душе моей сияет радуга стихов.
В ней слышен говор тысяч голосов,
в ней тысячи оттенков пламени горят,
в ней сотни ручейков серебряных звенят.

Поэзия — таинственный шаман —
кружит меня, влечет в седой туман,
чтоб буйной страстью яростных стихов
изгнать печаль и боль чужих грехов.

* * *

Плач ребенка, что лесное эхо,
отзывается в душе людей:
Кто обидел? Как случилось это?
и на помощь мы спешим скорей.

Всех богатств, что в жизни мы накопим,
дети выше и безмерно чище.
Мы растим, взросленье их торопим...
Но прекрасней детства дней не сыщем.

* * *

Ликует сердце, жизни гимн поет:
сто лет прожить ему — одно дыханье.
Служить родной земле, горам ее,
ее народу — вот мое призванье!

Монгуш Олчей-оол

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Я в город приеду — точь-в-точь овца,
дорвавшаяся до солонца,
туда поспеваю, сюда бегу —
никак равнодушным быть не могу.

Вот раз у киоска стоял. Глазел
на груды журналов, кипы газет.
Рабочий, простой подошел паренек.
К себе он вниманье мое привлек:
не я ли всех лучше поэзию знал?
Не мне ли купить и прочесть все это?
Но вот он берет за журналом журнал,
еженедельник, «Роман-газету»...

Я в книжный потом вхожу магазин —
и здесь он! Опять меня поразил:
от нетерпенья чуть не дрожа,
снял лучшие книжки со стеллажа!

Зашел я в художественный салон —
и там покупал репродукции он.
Увидели оба — цветы продают —
букет самый яркий выбрал он тут.

— Простите, кому вы берете цветы?
На свадьбу? На чей-нибудь юбилей?..
— Да как бы я мимо такой красоты
прошел — и не прикоснулся к ней!

Тут к зданию театра он побежал
и в длинную — к кассе — очередь встал.
Вошел он
в искусства солнечный дом
и радость оставил в сердце моем.

ЕДИНИЦА

Плохо знал я цену единице,
одинокой палочке простой:
до сих пор отметкой школьной снится,
тощая, невзрачная собой.

«В поле,— говорят,— **один** не воин»,
и, с досадой:— «Только-то **одна!**»
Но считают **первым**, кто достоин,
урожай — с **первого** зерна.

Первый класс — и мы уже в колоннах
тех, кому открыться совершать:
хоть и исчисляем в миллионах,
с единицы учимся считать.

До планет теперь рукой достали!
Как представишь — кругом голова...
Но не хватит лишь одной детали —
и машина сложная мертва.

Первый залп и первая тревога,
первые заводы, города.
Первый шаг — и звездная дорога,
и Гагарин — **первый** навсегда.

Первые! Они идут по свету,
людям отдают себя сполна.
Первые! Они хранят планету,
понимая: жизнь на ней — одна.

Николай Куулар

МЕЛОДИЯ

Боль души врачуешь только ты
флейтами земли,
высоким слогом неба.
Человек. Живет он
не единым хлебом,
но еще желаньем красоты.

Боль души врачуешь только ты —
вечная мелодия планеты.
И отчаянью не прорасти,
если где-то звук лучится светом.

Ты — защита от недобрых сил.
Ты — победы звучные фанфары.
Колокольчиковый звон росы
и багульников цветущих ярость.

Стать частицей твоего луча,
слогом неба выразить причастность,
флейтою подснежника звучать:
Родина моя, тобой я счастлив.

ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Камень брошен в реку —
утонул мгновенно.
В камне том — размолвка
и разлуки боль.
Ты — любви желанье.
Я твой верный пленник.
Ты — болезнь и лекарь,
нежность и любовь.

За речной излучкой —
остров Пониманья.
В лодке-берестянке
поплывем туда!
Там осталось эхо —
я тебя аукал,
там родник Согласья,
светлая вода.

Время не стареет —
это память вянет.
Поспешим, родная, —
там любовь жива.
Скоро будет поздно:
паводок нагрянет,
смоет наши травы,
наши деревья.

Антон Уержаа

ОВЕИТЕ ДЫМОМ АРТЫША

Я занедужил — это было в детстве —
горячечный озноб меня трепал.
У матери от страха ныло сердце:
— Не злой ли дух на нас беду наслал?

Над артышом — багульником таежным —
шептала мама древние слова.
На камне плоском костерочка стожик
зажгла в тот час, когда кричит сова.
И синий дым потек по кругу юрты...
Ты, мама, верила в целебность артыша.
И крошечные ветки, не дыша,
подкладывала в огонечек юркий.

И аромат глухих Алашских дебрей —
багульник с Алаша отец принес —
входил в меня... И я уже не бредил...
Я засыпал... И маминых не видел слез.

А утром — будто не было озноба:
болезнь сгорела, с дымом утекла.
А мама улыбалась... И мясного
бульона в пиале мне подала.

Не суеверье, вовсе нет, я знаю,
недуг прогнало из груди моей,
а материнская любовь
и сила та земная
сгоревших на огне ветвей.

И я прошу тебя:
— Родительница... Мама...
Зажги артыш... Овей весь шар земной.
Пусть протечет целебный дым над нами
и унесет недуг,
зовущийся войной.

Чооду Кара-Куске

ХАЙЫРАКАН-ГОРА

Солнце, лучи поднимая,
видит первым тебя,
плечи твои обнимая,
ласкает, словно дитя.
Дай мне, гора Хайыракан, ответ —
правда ли это, нет?

И что бедняки когда-то
жертвы тебе несли,
чтоб силы твои аратов
от бед и болезней спасли —
правда ли это, нет?
Дай мне, гора, ответ!

И что мое поколение
по твоему величью
равняет в труде свершенье —
насколько оно отлично!
Правда ли это, нет?
Дай, Хайыракан, ответ!

Солнце, лучи поднимая,
видит первым тебя.
Плечи твои обнимая,
ласкает, словно дитя.
Дай мне, гора Хайыракан, ответ —
правда ли это, нет?

НЕ СПРАШИВАЙТЕ...

Не спрашивайте, возраст узнавая,
у женщины:
— Вам сколько лет, сестрица?..
Она, ответа избегая,
от вас легко отговорится.

— Я так стара!
Мне скоро тридцать,
течет вода моих годов...—
вам скажет юная девица,
а у самой —
как пламень, кровь!

А если спросишь пожилую,
и эта глазом не моргнет:
— К чему года?
Но все ж скажу я:
мне девятнадцатый идет.

Не спрашивайте, возраст узнавая,
у женщины:
— Вам сколько лет, сестрица?
Она, ответа избегая,
от вас шутя отговорится.

Игорь Иргит

ПАРТИЯ

Если спросят, что такое партия,
я чуть-чуть с ответом погожу:
в тех словах, что изучал за партою,
нужного никак не нахожу.

Мудрое без громких фраз виднее,
ярче — без кудрявого словца...

За вспотевшую в работе шею
обниму усталого отца.
Корочки тугие партбилета
сквозь пиджак толкнутся в грудь тотчас...

Детство, ты приходишь в искрах света
вот уже который раз...

Я прижмусь к отцу горячим тельцем...
Пацану совсем не все равно,
что с отцовским сердцем заодно
бьется партбилет — второе сердце.

...Пули не охотятся за мною
и живу я в мирные года.
Видно, счастье выпало земное —
не глумилась надо мной нужда.

Только вспомню о прошедшем дне —
о нужде отцов своих и дедов —
не забыться бы в довольстве мне,
не забыть о тех далеких бедах!..

...Если спросят: что такое партия?—
отвечаем от души, сполна.
Кто-то скажет:— Это солнце яркое.
Кто-то — что бессонная луна.

Но обидны мне сравненья эти:
мрак и горе испытал арат,
и болезни, что ни есть на свете,
вихрь песчаный и секущий град.
От луны, от солнца — свет да тени.
Не пришли они в беде помочь...

Только партия и с нею — Ленин
разогнали над Тувою ночь.

...Мир большой тревогой вздыблен круто.
Трудно всем. А партии — вдвойне.
Значит, понапрасну ни минуты
ни тебе нельзя терять, ни мне.

«Партия» — и повторяю снова,
и сто лет подряд бы повторял:
мой отец простое это слово
ни в труде, ни в битвах не терял.

И сегодня свято принимаю
слово, закаленное в огне.
Партбилет — не книжечка простая:
правда он, завещанная мне.

★

Кара-оол Натпий-оол

Я СЧАСТЛИВ

За горными далекими дорогами
меня найдет знакомый ветерок.
Он будет пахнуть дальними кочевьями,
и мысль, как птица, полетит в Туву.

И вот моим глазам опять откроется
и запоем могучий Енисей.
И чудится: в тайге вдруг закачается,
тоскуя обо мне, кедровый ствол.

И образ родины — Тувы, как образ матери,
всегда, везде, в любом пути со мной.
И счастлив я, что сердцем своим маленьким
постиг ее, тоскуя вдалеке.

Галина Принцева

Из цикла «ЦВЕТЕНИЕ»

* * *

Неяркий свет,
нежаркий свет,
чуть розоватый свет —
ожил багульника букет,
январский наш букет.

Лютует стужа за окном,
туманным и седым,—
но дом согрет твоим теплом,
цветенья легкий дым!

В хрустальном льду
взрастил звезду
всем зимам вопреки
шалльной,
апрельский,
пряный дух
оттаявшей тайги.

* * *

Одуванчиковый луг,
золотистый, словно солнце,
безмятежный,
жаркий,
сонный,
идеально четкий круг.

Одуванчиковый луг —
светлый,
дымчатый,
летающий —
испаряется над чащей
леса, что молчит вокруг.

КОНТРАСТЫ

Мятежное дерево.
Черная туча.
Меж тучей и деревом —
ветер летучий.
Но яростный знак
беспощадной звезды
сверкает сквозь мрак
непроглядной беды.

На свете на этом —
то черном,
то белом —
мужает душа,
разрушается тело.
Горчила любовь —
но сладчайшую боль
на веки веков
привела за собой.

На свете на этом,
то белом, то черном,
и дети рождаются,
и майские пчелы
к земному цветенью
извечно спешат.

Беззвучен мой крик.
Безмятежен мой шаг.

И миг наступает,
и миг иссякает,
и осень на землю
свой жар осыпает,

и клонится жизнь —
чередой,
чередой —
под вечной,
высокой
и чистой звездой.

Эмма Цаллагова

ЗРЕЛОСТЬ

Какая жизнь была вначале,
какой неистовый размах!
Какие чистые печали
носили мы в своих глазах.

Годились птицы, лодки, кони,
чтоб с головою — в маяту,
чтоб влезть и сердцем, и строкою
в строку, в безумство, в суету.

А ныне годы, словно пути,
сковали легкий бег коней.
Упали птиц бескрылых трупы
в пустые лодки меж камней.

Но ведь еще в кипящем море
нас не настиг девятый вал,
еще печаль не стала горем,
разящим сразу — наповал.

И на земле, и над землею
еще бесчисленны пути.
Любовь — пусть зябкою, седою —
готова, падая, идти.

Не надо все валить на годы —
проклятья стоим только мы,
когда в лицо былой свободе
глядим отверженно из тьмы.

Нельзя покинуть нам друг друга,
друзья души, друзья судьбы,
пока до дна не выпит кубок
любви, надежды и беды.

Пусть зрелость нам сердца и лица
не закует, а закалит...

Несется конь. Взлетает птица.
И жизнь от смерти нас хранит.

*

Юрий Вотяков

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Лирические раздумья

1.

Так глухо в этом мире предосеннем...
Кровоточит душа...
И не находит слов.
И в белой юрте войлочные стены
не дарят больше разноцветных снов.
У осени в плену,
в плену разлада,
как маятник, качается судьба.
А прошлое —
как шорох листопада,
крадется через спелые хлеба.

2.

В светлой юрте земного простора —
люди, травы, деревья и горы.
В светлой юрте небесного свода —
знойный ветер и вешние воды.
Мы былинки на теле Земли,
мы — загадка и случай вселенские.
Мы на сушу шагнули из пены
в необъятной сознаньем дали.

В рощах папоротниковых, во мгле,
в той, предутренней и туманной,
нам хотелось тепла на великой Земле —
так желают земли в океане.

Рубим, жжем,
отравляем и давим.
Так откуда... Откуда наш холод души?
Этот мир, что Любовью и лаской нажит,
отдаем на потраву.

3.

В ясный полдень
по гребню кургана
шел и вдруг увидал с высоты:
вот сверкают у юрты ханской
цельнокованные щиты.
Цельнокованные драконы.
Цельнокованный солнца лик.
Чернокованные оковы
на запястьях легли.
На запястьях славянок браслеты,
шею властно сжимает аркан.
Бабьим плачем заходится лето,
плеть ременная жжет по щекам.
По щекам, по плечам, по спинам...
А тягучая песня сильней.
Сколько песен славянских стынет
посреди азиатских степей?
И над степью дрожит не марево —
голоса,
голоса,
голоса...

Белым-белый ковыль, как Марьяна
распустившаяся коса.

4.

Бьют копыта в степь, как в бубен.
Знойный ветер — злой шаман —
пляшет, в кровь кусает губы...
Режьте черного барана —
духам нужен к пиру хан.

Режьте белого верблюда...
Зноем дышит неба свод —
это вас, о танну-люди,
проклинает божество.
Каплю пьяного веселья
брызните в седую пыль.

Изменившие кочевью,
будет пищей вам ковыль.
Бросьте рубленные стены:
ваше место — под кошмой.
Зажигает стоги сена
небо огненной стрелой!

Отвечают танну-люди:
— Ты не злобствуй и не вой.
Мы давно уже забыли
голод, страх... И голос твой.
Мы давно уже посева
зною зря не отдаем,
и отары наши целы —
не пугай, шаман, огнем.
Что ты брызжешь серой пеной
и плюешься в танну-степь!
Глянь, шаман, — ты что, ослеп?
Мы давно уже не те...
Не разрушить наши стены
и народ не одолеть.

5.

Ночь померкнет, и светлые сумерки лягут
и на землю стекут по округлости юрт.
Чуткий пес мой,
не дай оцетиниться лаю.
Не встревожь
этот созданный небом уют.
Слышишь: овцы в отаре
размеренно дышат.
Под кустом караганы птенец пропищал.
Осторожно ступая,
к коновязи конь вышел.

Мирный запах всю степь,
до корней,
пропитал.

Этот час светлых сумерек перед восходом —
час, когда правит миром уют,
изначально завещан природой
человеку и псу,
птичке малой,
былинке и зверю...
Человек, осознай неразрывность с природой свою.

Чуткий пес мой, не дай оцетиниться лаю.
Я всмотрюсь в миротворчества час...
В светлых сумерках жены очаг разжигают,
в светлых сумерках матери в зыбках младенцев качают.
Даже вороны злые в этот час не кричат.

6.

Припади к своей мечте
сердцем,
как губами припадают к роднику.
Из-за Танну-Ола выплыл круг луны.
Белой юрты высветился круг.
В белой юрте с чаем пиала —
чай отставь и в лунной тишине
сердцем
припади к мечте,
как губами припадают к роднику.

Есть родство по крови на земле.
И дано родство по духу нам.
Припади к земле и ковылям,
и к полыни горькой припади.
Горький мед берет пчела в степи.
Сохнут травы в утренней росе.
Выйди в утро с пиалой в руке.
Части света чаем окропи.
Небо отразится в пиале —
припади губами к небесам.
Синь небес с зарею пополам
пригуби.

СОКРОВЕННОЕ

Возьми у прошлого, возьми
святую истину займы.

Ошибок истину святую,
где на дороге «голосую»,
где дождь идет, и солнце светит,
и ты на остановке ждешь.

Где ни к чему еще на свете
рукой не прикоснулась ложь.

* * *

Я в нашу осень захожу, как в дом.
И ощущаю времени теченье.
И в этом есть свое предназначенье,
когда мы в даль осеннюю идем.

Застеклены хрустальным светом дали.
И я прошу: меня не осуди,
что вижу я, как листья облетают,
и что не знаю, как тебя спасти.

Я захожу в простуженную осень.
За поворотом рыжим — тишина.
И тихо-тихо
 прошлое выносит
к моим ногам
 случайная волна.

* * *

Ты гостя полночного чаем напоишь.
Он чашку пустую подвинет на край.
И встанет в дверях, когда двери откроешь:
— Спасибо за чай.

В нетопленных комнатах прошлое воеет.
Ты жизнь, хоть с конца, хоть с начала листай...

Но все же в дверях ты столкнешься с судьбою:
— Спасибо за чай.

Оправлена осень в оконную раму.
— Спасибо, любимый, что спас невзначай.
Спасибо, что стал ты уже безымянной
коротенькой фразой:
— Спасибо за чай.

Опять и опять это все повторится.
— Прошу тебя, жизнь, ничего не меняй.
Пусть целую вечность, как листья, кружится
осенняя встреча:
— Спасибо за чай...

*

Валерий Тугатчиков

ТРЕВОГИ

Как этот мир велик!
И невесом он.
О, как тонка в нем жизненная нить,
что человек в мгновение способен
его в развалин груды превратить!

Но все ж наброски делает конструктор,
стремясь создать оружие мощней,
а хлеботор, ведущий в поле трактор,
вздымает зябь — для армии своей.
Еще течет энергия турбины
на освещение полковых казарм,
а пистолет игрушечный с витрины
еще мальчишке целится в глаза.
Еще народу всякому отрадно
кричать: «Ура!» ликующе в тот час,
когда, под звуки маршей, на парадах,
идет военной техники показ.
Еще Земля дымится от сражений,
ведут бои заставы-сторожа,
а я учусь
у карточных мишеней
круг, обводящий сердце, поражать.

Учусь поглубже в землю зарываться,
швырять гранаты, прыгать через ров...

Учусь всему, чтобы могла остаться
цела страна моя, а в ней — мой кров.

И потому гудят во мне тревоги
за отчий край, за зыбкость тишины.
Я не хочу, чтоб мирные дороги
вдруг обернулись тропами войны.

✱

Владимир Колпаков

ОСЕННИЙ МОТИВ

Цель, азимут, дальность,
квадраты, квадраты...
Работа и служба —
все вместе давно.
Сидят за экранами
наши солдаты:
им видеть над Родиной
небо дано.

Отметки от целей,
помехи и всплески,
и странно на лицах
играют лучи...
Идет над тайгою,
в серебряном блеске,
условный противник
в реальной ночи.

Слов громких не надо
и пышных не нужно,—
командует штурман
спокойно: «Форсаж!..»
И пара идет
на сближение дружно,
заложен над осенью
смелый вираж.

Цель, азимут, дальность,
квадраты, квадраты...
Последняя осень
для многих солдат.
А я остаюсь
под эмблемой крылатой:
в кармане — на службу
бессрочный мандат.

Бывает, жалею...
Бывают моменты,
что за сердце осень
тисками берет,
но выбросишь за борт
хандру-сантименты —
и снова шагаешь
по службе вперед.

Есть слово, простое
и емкое — «надо».
Вот думаешь: если б
с начала начать?..
...Был прав, когда выбрал
с нелегким укладом
профессию:
Родину защищать.

*

Анатолий Шкоркин

ЧУВСТВО ДОРОГИ

Вот опять по весне изначальное чувство дороги
возвращается песней упругих саянских ветров:
поднимаются выше и выше седые отроги,
растворяясьверху горьким дымом таежных костров.
А на кручах гранитных, что к солнцу и звездам поближе,
в зоревую купель окунаясь с утра с головой,
полыхает багульник; и воздух как будто недвижим,
и безмолвные сосны остались внизу подо мной.
Как солдаты, в бесменном застыли они карауле,
отрешась от земной суеты и отвергнув уют.

стреляли мы, как требует Устав,
а пули были те
такими маленькими.

Ровесникам, ушедшим навсегда
в чужую землю, — им поставят памятники.
Когда успели вы, ровесники, когда?
Ведь были вместе мы,
мы вместе были маленькими.

Татьяна Апеньшева

Татьяна Федоровна АПЕНЬШЕВА — инженер, работает в геолого-разведочной экспедиции. Живет в Сукпаке Кызылского района. Стихи пишет давно, еще со студенческих лет. В «Улуг-Хеле» печатается впервые.

КРАСНЫЙ КОНЬ

Убежал мой красный конь
далеко во поле.
Убежал мой красный конь,
вырвался на волю.

За уздечку не поймать —
мимо конь промчался.
На траве посеребренной
темный след остался.

Свое счастье удержать
силой я хотела.
Даже в клетку золотую
посадить сумела.

И сверкала алчным светом
клетка золотая,
в гриву красного коня
цепи заплетая.

...Запечалился мой конь
и глядит с укором.
Но понять его тоску
не смогла в ту пору...

Убежал мой красный конь
далеко во поле.

Убежал мой красный конь,
вырвался на волю.

И теперь иду за ним
темными следами.
Я ведь помню: плакал конь
алыми слезами.

*

Владимир Кан-оол

НА РАССВЕТЕ

Владимир Иванович КАН-ООЛ — инженер-строитель, работает в проектной организации. Пишет музыку и слова песен, стихи на русском языке, пробует работать над прозой. Член литературного объединения «Исток». В предыдущем выпуске «Улуг-Хема» был напечатан его рассказ, теперь предлагаем вниманию читателей стихи.

На рассвете в студёных горах,
пока прячется солнечный диск,
меркнут звезды, и видно сквозь мрак:
белый снег над вершинами чист.

Чует сердце: подъем очень крут.
Выше тянет, болит только грудь.
Веру древнюю в кремь и в трут
над вершинами искры зажгут.

Разнесут искры светлый огонь,
и раздвинется вширь горизонт.
Словно в нитях судьбы — только тронь —
дальних звонниц стоит перезвон.

Это Родины голос во мне,
от земли, словно песня да соль,
из глубинных пластов по весне
излучает то радость, то боль.

* * *

Под холодом наших небес,
когда замерзает олень,

птенцом обзаводится клест
и чуть прибавляется день.

Затянется красный закат,
да звонко стреляет мороз.
Земля, изобилня мать,
для летних готовится гроз.

В полях ее копится снег
для радуг и росных ночей...
Я вижу бескрайний разбег
весенних разливов по ней.

Александр Сапелкин

Александр Анатольевич САПЕЛКИН — водитель. Но опасностей и трудностей Саянских трасс ему кажется мало. Четыре года провел он на арктических зимовках за Полярным кругом. Теперь мечтает об Антарктике.

ТРАССОВИКИ

Быть постоянно в дороге,
сквозь километры мчаться,
в радости жить и в тревоге —
разве не в этом счастье?

Ветры, дожди, метели,
снега, солнцепеки, туман...
А на дорожку нам стелют —
где правду, а где обман.
И распускают люди
слухи о нашем «гусарстве»:
пьем, мол, и женщин голубим,
о семьях не помним на трассе..

К черту черные сплетни —
мало ли злых языков!
Судьей нам на белом свете —
совесть трассовиков.
И мы человечески рады
в домашнем уюте погреться,

но скуку рождает праздность —
и снова уходим в рейсы.

Ветры, дожди, метели,
снега, солнцепеки, туман...
Горная трасса стелется
по перевалам Саян.

В АРКТИКЕ

Полярная станция
в высоких широтах.
Сияние Севера
полыхает зловеще.
Ревет снегоход
в непосильных торосах —
выхода ищет
из плена трещин.

А море в безумстве
грохочет льдами,
и гряды хребтов
громоздит на пути...
Свет лунный дорожку
коварно мне дарит —
в ледовом плену
снегоход мой затих.

Евгений Ондар

Евгений Дожулдеевич ОНДАР — офицер милиции. Имеет высшее педагогическое образование. Пишет на русском языке.

ПОКЛОНИСЬ ОГНЮ

Из поэмы

Кремний-огниевая квази-жизнь
не в пророчествах родилась фантастов.
Ее сочинили
еще до Челлини.
Ныне
изобретают, поди уж, в Штатах!

Удобная мысль: заменить углерод на кремний
в крови у НЕКОТОРЫХ.
Можно выжить и в атомной бойне...
Выжить и победить!

Победить и по-ра-бо-тить!
Вот до чего дошел человеческий гений!..

Какой-нибудь Оппенгеймер,
походя игрушки детишкам ляпая,
заколачивает большущие деньги,
песочно-каменных солдатиков стряпая!
Казалось бы, блажь совершенно нелепая,
от нее отмахнуться, не брать во внимание...
Но в сердце стучатся Клаасовым пеплом
«дети доктора Менгеле»—
белые мышки,
морские свинки,
подопытные кролики
фашистской Германии...

Вернемся к солдатикам: ростом повыше нашего,
чуть медлительнее,
но спешить им незачем,
загоняют любого, чудом спасшегося,
в зону радиоактивного заражения.
Потом подготовят все для вторжения,
сдуют и с травинок пыль ядовитую.
Человек — живи!
Других сгубив...

Только я этим НЕКОТОРЫМ не завидую.
Пусть век их продлен с моим сравнительно,
пусть жар и холод им безразличны,
мне жизнь не в жизнь среди долгожителей,
в чьих жилах кровь песком обезжизнена!

Тяжелым рукам (в мозгах-то силициум!)
мам не обнять углеродистых,
как ни сился.
Только и придется лет двести отмеренных
слушать приказы господ породистых,
струнясь неуклюже перед ними на улицах...

А может быть, чувства (пусть самые грошевые)
в них сохранятся в пристрастии к женщинам?
Но Ев камнезадых с песочными бюстами
кто им сотворит? Ведь это недешево...

Оппенгеймеру что! Ему плевать
на чувства твари каменноликой.
Ему бы мороженую землянику,
собранную вчера
на юге Африки,
на стол сегодня,
пусть через Атлантику,
пусть в собственном лайнере,
но — сегодня и точно к завтраку...

О братья НЕКОТОРЫЕ!
Я знаю, вас много там,
господ породистых гораздо меньше.
Не позволяйте, братья, над кровью опыты,
не променяйте души
на чечевичную похлебку долголетия!
К чертям Мафусаилов кремнево-корундовых,
от взрывов чихающих, как от канупера!
Живите жизнью мотыльково короткою,
но жизнью в безъядерной атмосфере!

Четырехлетний Челлини запомнил в огне
веселую бестию — молнию смуглую.
И я не забуду, никогда и нигде,
волооких болгарок пляску на углях.
В их огненном танце я вижу знамение,
их ножки босые — тому подтверждение.
А мистеров бредни — песочные замки:
раздавят их пятки до выхода в дамки!

Саламандры Бенвенутинового детства!
Нестинарки солнцем залитой Болгарии!
Ваш зороастризм я приветствую!
Ваш огонь не породит пожарищ.
Не напрасно вас боятся геростраты —
вы прекрасны, как творения природы.
Зла химерам — сверхискусственным солдатам —
скажут: «Нет!» планеты всей народы.

*

Елизавета Ключевская

Елизавета Анатольевна КЛЮЧЕВСКАЯ (Емельянова) — студентка Литературного института имени А. М. Горького, занимается в семинаре Льва Ошанина. Стихи начала писать еще школьницей. В «Улуг-Хеме» № 20 (1984 г.) опубликовано ее стихотворение «Звенящая нежность».

ВОСЬМИСТИШИЯ

* * *

Холодно. А я тепла жалею.
Лбом зима упала на крыльцо.
Опрокинув за спину аллею,
не поднимет белое лицо.

Никогда не будем мы чужими.
Даже если холод и измена.
Валяются снега ее живые
на земли иззябшие колена.

* * *

Ополовинила печаль:
в разлуке баловала сына.
Мне больно по тебе скучать,
любимый мой, моя кручина.

Мы сведены в одну печаль,
в один колодец горькой муки.
Мне больно о тебе жалеть
в часы уныния разлуки.

* * *

Не волшебного леса брэнчание.
Нет, не гомон и не забытье.
А запуталось в ожидании
безупречное имя твое.

И за шатким окном сентябрило.
После писем, дорог и разлук,
после счастья в глазах зарябило.
Не роняй моих бережных рук.

Саяна Май-ооловна ОНДУР — студентка Кызылского государственного педагогического института, участница литературного объединения «Исток». Пишет стихи на русском языке, начинает заниматься переводами тувинской поэзии.

КУНГУРТУГ

Кунгуртуг! Малой речки таежный напев.
Кунгуртуг! Перезвоны далеких подков.
Это первого счастья слеза.
Это первого чувства слеза.
Кунгуртуг! Твоих чистых снегов белизна,
твоих гор неприступная гордость
и прозрачная синь над тайгой
не дают мне покоя нигде.
Хоть невесело мне вдали
и разлука с тобой нелегка,
вспоминая светлые дни,
улыбаюсь прошедшей весне.
Ты с зимой и весной не уйдешь,
вслед за птицами не улетишь.
Ты всегда будешь вместе со мной.
Ты — частица моей души.

Николай Моллеров

Николай Михайлович МОЛЛЕРОВ — младший научный сотрудник сектора истории Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Пишет стихи, работает над поэмой исторической тематики.

МОИ ТОПОЛЯ

Я с детства тополиный хор люблю.
Вдвойне люблю его в цветущем мае.
И, если по делам не тороплюсь,
ему с благоговением внимаю.

О как душевен он и величав!
В нем каждый тополь голос свой имеет.

И каждый, словно тонкая свеча,
зеленым светом жизни пламенеет.

Восходы все, закаты все мои
сопровождает гомон, мной любимый.
И в этой жизни рядом мы шумим:
— Шу-шу, шу-шу...— почти неразличимы.

* * *

На бугре, за поворотом,
проскакал игриво
золотисто-рыжий кто-то
с непомерной гривой.

Я тебя узнал, резвушка!
Как подрост, бродяга!
Как пропах пьянящим духом
буйных трав и ягод!

Я тебя еще зеленым
помню: смирным, тонким,
запахавшимся на склоне
слабым тополенком.

В тишине, на отдаленье,
смирный нрав утратив,
вон как рвешься в исступленье
напряженной стати!..

И несешься, силы тратя,
следом за машиной...

Осенью Усинским трактом
щепелявят шины...

*

Валерий Николаевич ЛЕСОВОЙ — учитель физики, работает в Чадане. Приехал в Туву из Азербайджана. Пишет стихи, переводит тувинскую поэзию.

ИСКРЫ

Не будь Тувы,
откуда бы мне знать,
что в декабре,
как в августе душистом,
расчерчивают,
будто бы тетрадь,
ночное небо
метеоров искры?

И разве может
серебристый след
падений их
оставить равнодушным?

Даруют людям свет
великодушно,
прощальный посылая нам привет...

* * *

Жизни все. Наши.
Большие и малые.
Век обогнавшие
и запоздалые.
Жизни, сравнимые
с легкой пылинкою,
прочным металлом,
забавной картинкою...

Редкие —
высшей гармонии полные.
Светлые —
памяти вечной достойные...
Будь откровенны они
иль таинственны —
все одинаковы.
Тем, что единственны.

*

Из литературного
наследия

Степан Сарыг-оол

ЛУННОЙ ДЕВУШКЕ

Как милую забыть, друзья?
Как? Разлюбить ее? Всерьез?
Скорей бы на Каа-Хеме я
мог заблудиться средь берез.

Сам не пойму, как я сумел
такую испытать любовь?
Ведь оглянуться не успел,
как забурлила в сердце кровь.

О нежная Луна — Ай-кыс!
Когда весенним светлым днем
со мною рядом ты стоишь —
во мне душа горит огнем...

На небе облако, как флаг,
трепещет. Ясен солнца лик.
И в роще, где Бурен-Бай-Хаак,
вдруг песней зазвенел сайлык.

Твой стройный стан и свежесть щек
меня пленили красотой,
я совладать с собой не смог,
я чувствую: навек я твой!

МОЛЬБА СИРОТЫ

Земля моя, не прогневись,
что «съел» я семьдесят пять лет...
Быть может, с неба «Семь Цариц»
приметили, как рос поэт.

Не сетуют, что в ледяной
ночи
я, не теряя сил
и сторожа табун чужой,
их не хвалил, а лишь молил:

— Отец мой — Небо! Мать-Земля!
Молю вас с молодых годов —
не дайте мне погибнуть зря
от бурь, от лютых холодов!

И сколько раз под стужей зорь
я мерз... Но вдаль текли года
и жил — судьбе наперекор —
и рос упрямо сирота!

Светила добрые, и впредь
пусть кровь мою не студит смерть!
Хочу я радоваться, петь,
на вас — глаза в глаза — смотреть...

Сайын-Хоо Намчылак

Сайын-Хоо (Людмила Окан-ооловна) НАМЧЫЛАК — певица. Учится в Москве, успешно участвовала осенью прошлого года во Всероссийском конкурсе исполнителей народных песен. Сказку написала для своей, живущей в Туве, дочери.

**СКАЗКА О ЧАЙ-СУУ,
ЗВОНКОГОЛОСОЙ ПЕВУНЬЕ**

Давно это было, очень давно... В той прекрасной стране, где Енисей раскинул свой атласный рукав, где над бескрайними просторами степей и тайги, в бездонной сверкающей вышине летают гордые орлы и поют звонкие жаворонки, жили-были старик и старуха. Жили они небогато: старик ходил на охоту, а старуха смотрела за скотом да работала по хозяйству. Их ветхая, закопченная юрта стояла на берегу озера, которое почему-то люди называли Детской Слезой. Может быть, потому, что было оно очень маленьким и летом, в зной, почти пересыхало, зато весной, наоборот, выходило из берегов. Или потому, что вода в нем была светлая, чистая, как слеза ребенка? Не знаю... всю жизнь старики прожили у этого озера, но так и не нажили богатства. Лишь одно у них сокровище было — их внучка, девочка Чай-Суу.

Когда Чай-Суу улыбалась, казалось, само солнце переселилось в ее сияющее личико. Луна подарила ей блеск волос и мечтательность, озеро — чистоту души и прозрачность глаз, а степные жаворонки — звонкий голос и неугомонный нрав. Едва Чай-Суу просыпалась, едва успевали дедушка с бабушкой приласкать ее, свое солнышко, как уже бежала девочка зеленым лугом к озеру умыться, и встречные цветы ее приветствовали, земляника на лесной полянке радостно кивала ей ягодками-головками: «Здравствуй, Чай-Суу, здравствуй, Летняя Вода!»

И вот уже зазвела песня, взлетела к ясному утру и за-сверкала радугой. Песня всегда была с Чай-Суу. С утра до вечера, где бы она ни была и что бы ни делала, пела девочка

песни: то шуточные, игривые, а то мечтательные, протяжные. Всюду можно было услышать голос Чай-Суу, далеко летели ее песни. И взрослые люди, услышав их, улыбались, и светлели их лица. А дети, и с ними ягнята, козлята, телята, резвые жеребята, прыгали и плясали под веселую песню, ластились к певунье — под печальную. Даже суровые старые горы, много видевшие на своем веку, не могли равнодушно слушать песни Чай-Суу — они эхом подхватывали ее чудные напевы. Все, что видела, что встречала девочка на своем пути, она превращала в песни. Простыми, незатейливыми были они, но удивительно: можно было услышать в них и шорох крыльев ветра, и звон весенней капли — целый мир, словно в зеркале, отражался в этих напевах. Бывало, люди из дальних сумонов приезжали послушать песни Чай-Суу и старались запомнить их, чтобы увезти в свои края. Приветлива и внимательна ко всем была певунья, всем находилось место в ее сердце, и для каждого старалась она придумать новую лучшую песню.

Но вот страшное бедствие постигло страну. Пришла Великая Зима в своем холодном белом безмолвии, а за ней, волоча по снегу лохмотья, ковыляли Голод и Чума. Старики говорили, что за все годы своей жизни не видели столь долгой и суровой зимы. Смерть гуляла между аалами и по ночам выла по-волчьи возле юрт, в ожидании добычи. Серые гранитные тучи заслонили от земли небо и солнце, скорбная тишина воцарилась в мире. Медленно и тягуче текло время, а весна все не наступала. Видно, заплутала на таежных тропах, не могла пробиться через большие снега?

Не слышно стало и песен Чай-Суу. Грустно и задумчиво было ее личико. День и ночь думала она, как помочь людям, как вернуть весну в родные края. И вот решила Чай-Суу сама отправиться в тайгу на поиски Весны и дала себе слово сделать все, чтобы вновь зацвела родная долина. Попрощалась она со стариками, взяла с собой верного пса Акала — Белоножку и отправилась в дальний путь.

Долго брели они по тайге — девочка и огромный черный пес с белыми, как снег, лапами. Ночами ложились под какой-нибудь сосной и, крепко прижавшись друг к другу, засыпали. В такую зиму даже волки в тайге не жили. От холода и голода они перебирались ближе к аалам, где в ту суровую пору для них было больше добычи. Когда Чай-Суу уставала идти, пес вез ее, обессилевшую и дрожавшую от холода, на своей широкой мохнатой спине.

Неизвестно, сколько так шли они, но сердце смелой девочки

подсказывало им путь. И вот, наконец, добрались они до перевала, поднялись на самую высокую гору, где, по рассказам стариков, на вершине жила Хозяйка тайги, и увидели большую белую юрту. Чай-Суу оставила Акала у входа, а сама, раздвинув полог, вошла. У весело потрескивавшего очага сидела красивая женщина в богатых одеяниях и тихо наигрывала на чадагане. Обернувшись, она приветливо улыбнулась девочке и сказала:

— Здравствуй, Чай-Суу. Входи, я тебе очень рада.

— Откуда Вы знаете мое имя?— спросила удивленная Чай-Суу.

— Я часто слушала твои чудесные песни и от людей узнала, что их поешь и сочиняешь ты. Садись, согрейся у очага, отведай моего угощения. Вы, наверное, сильно устали, ты и твой пес. А потом ты расскажешь, что привело вас сюда, и, надеюсь, споешь мне...

Подкрепившись и немного отдохнув, Чай-Суу рассказала о тех бедствиях, которые постигли людей ее аала, и попросила Хозяйку тайги помочь ей отыскать Весну. Низко опустила Хозяйка голову, выслушав рассказ девочки, задумалась. Долго она сидела так. А когда, наконец, подняла голову и посмотрела на Чай-Суу, девочка, к своему удивлению, увидела на гордом лице красавицы печаль, а в глазах — слезы.

— Да, помочь людям можно, но для этого...— голос Хозяйки тайги дрогнул, и она замолчала.

— Что, что нужно сделать для этого? Скажите мне, скажите скорее! Я вас очень прошу! Я все, что нужно, сделаю, лишь бы людям стало лучше! Ведь они ждут, там люди ждут Весну, им очень плохо, они гибнут!..— Чай-Суу сама еле сдерживала слезы.

— Я тебя хорошо понимаю, милая девочка. Но Весну спрятали злой волшебник в ледяную скалу, и я не в силах бороться с ним. Только живая река может размывать эту скалу и принести на своих водах людям Весну. Я смогу лишь обратить тебя в речку, а дальше ты уж сама знаешь, что делать. Но сможешь ли ты пойти на такую жертву? Ведь снова в девочку, Чай-Суу, ты уже не превратишься!

Девочка тут же, без колебаний, ответила:

— Да! Я согласна!

— Ну что же, тогда передай своим родным весточку через пса Акала, а мне скажи свое последнее желание.

Чай-Суу поцеловала верного друга на прощанье, повязала

свой кушачок ему на шею и отправила домой, а сама повернулась к Хозяйке и сказала:

— Добрая Хозяйка тайги, я хочу попросить тебя только об одном: сделай так, чтобы мои воды не замерзали и не затихали ни зимой, ни летом. Ведь я так люблю петь, и мне трудно будет молчать долгими зимами. Вот и все... Прощайте!

В тот же миг обернулась Чай-Суу рекой и хлынула с гор осваивать Весну.

Вернулся пес Акал в свой аал один, только кушачок Чай-Суу был повязан у него на шее. Дивились люди, говорили: пропала, мол, девочка в тайге, и следа не осталось. Долго искали ее в лесу лучшие охотники, да так и не нашли.

Немного минуло времени, и пришла в долину долгожданная Весна, принесла с собой людям радость и облегчение. Зажило, зацвело все вокруг! Радости не было предела.

Так не стало на свете звонкоголосой девочки по имени Чай-Суу. Но стоит и поныне озеро, которое люди называют Детской Слезой, и впадает в него звонкая живая речка Чай-Суу — Летняя Вода. Весело журча, несет она свои воды с горных вершин, то с громом срывается водопадом, то переходит на шепот мерного прибоя в долине. Ни зимой, ни летом не умолкают ее песни.

Давно это было, очень давно... Но жива сказка о девочке Чай-Суу, звучат в народе ее песни — то игривые, шуточные, то задумчивые, протяжные. На самых больших праздниках и в будни, за работой, поют их люди. И вот уже другие звонкие голоса подхватывают эхо старых гор, как бы вспоминая эти чудесные напевы.

Кечил-оол Экер-оол

ПОЧЕМУ ОН ОПОЗДАЛ?

Вышел в утренний рассвет
мальчик раньше всех:
на крыльце, на крышах снег —
всюду первый снег!

Семдерек, веселый пес,
самый лучший друг,
в снег, как в вату, сунул нос —
и опешил вдруг!

То-то радость велика,
что и не унять!
Скатерть снега два клубка
дружно стали мять.

Вот бегут, бегут... Ба-бах!..
Катятся — и вмиг
мчится с шапкою в зубах
песик напрямик.

А за ним малец вослед:
— Так не шутят, брат!
Никакого права нет
шапки отбирать!

Пес в сторонку отбежал,
шапку бросил в снег.
Так взглянул — как бы сказал
другу Семдерек:

— Ну, бери, бери скорей —
мне на что она?
Только мальчик руку к ней —
видно, псу нужна:
снова в зубы и понес...
Вот проказник пес!

— Мой хороший Семдерек,
не позорь меня:
снег на крышах, всюду снег —
а без шапки человек
среди бела дня!..

Нет понятия у пса —
все ему игра!
— Ну, довольно, ну, бросай,
в школу мне пора!

...Возле школы впопыхах
оглянулся вдруг —
с шапкой снежною в зубах
рядом верный друг.

Молит взглядом:— Ну, прости,
извини, возьми...
Сам себе я стал постыл
из-за той возни...

Взял мальчишка шапку зло:
— Ну, брат, быть грозе!
Мне все время не везло
из-за вас, друзей!

Нет уж, больше не прошу
я таких проказ:
даже в избу не пушу!—
вот тебе мой сказ!

В класс вошел и, одинок,
к двери как прирос...
Тут и строгий педагог
задает вопрос...
— Оpozдал я...
— Вижу, брат.
Ну, давай дневник...

Что ж, молчи, раз виноват,
бедный ученик.

А пришел потом домой —
ждет и час, и два:
где ж ты, где ты, песик мой,
горе-голова!
Неужели не придет?
Где же он теперь?

Кто-то лапою скребет
потихоньку дверь...

Мальчик к двери со всех ног,
он уже не зол...
Робко в избу пес вошел,
у порога лег,
знает он — за ералаш
будет грозный суд...

— Ну, замерз? Под печку — марш!
Так-то бегать, плут!

С чашкой, полной молока,
подошел к щенку...
Снова дружба их крепка,
прочь печаль-тоску!

Александр Шоюн

Александр Сан-оолович ШОЮН — журналист. Имеет специальное театральное образование, учится заочно в Литературном институте имени А. М. Горького, в семинаре Вячеслава Шугаева. В «Улуг-Хеме» на русском языке печатается впервые.

МАЛЕНЬКИЙ ЧАБАН

Рассказ

Во дворе резвились ягнята: бегали туда-сюда, толкали друг друга носишками, пофыркивали. Утренний прикорм они уже получили, была ранняя весна, на солнышке — ласковое тепло. К полудню и припекать начинало, хотя кое-где белыми клочками еще лежал снег.

Сакманщица тетушка Минчиваа закончила работу и пошла домой. Остались во дворе с ягнятами двое, мать и сын. Какие они? Сейчас расскажу. Мама молоденькая, розовощекая, статная. У мальчонки личико обветренное, черные глаза ярко блестя. Одет он в тувинскую шубку из мерлушек. Голосок его ни на минутку не умолкает, звенит и звенит серебряным колокольчиком.

Спросите, как зовут мальчугана? Аяс-оолом. Ему четыре года недавно исполнилось. Такой маленький, а уже родителям помогает: больше всего любит ягнят кормить по утрам и вечерам.

— Мам, а когда к нам дядя Амырбит на машине приедет? — спрашивает у матери Аяс-оол.

— Когда права получит, — отвечает она.

— А когда он их получит?

— Вот растает совсем снег, земля покроется травой, тогда учителя дадут Амырбиту бумагу — право водить машину.

Аяс-оол шумно вздохнул:

— У-у, как долго!.. Мама, а мы с тобой тогда, наверное, старенькие будем?— и он уставился на мать в ожидании ответа.

Мать засмеялась, услышав рассуждения малыша, и, нежно глядя его по голове, прижалась губами к обветренному личику.

— Всему свое время, родной. Не так уж долго осталось ждать твоему дяде. А ждать, мой мальчик, тоже надо научиться.

— Мам, а шофером быть хорошо? Смотри вперед, на дорогу, да крути себе баранку, вот и вся работа!..

И Аяс-оол лихо закрутил воображаемый руль, то урчал, то мычал, изображая машину, бегал взад-вперед... Ягнята, словно включившись в новую игру, окружили мальчика и с любопытством за ним следили.

— Аясик, ты тоже хочешь быть шофером, как твой дядя?— спросила мать.

— Нет, мама.

— А кем же ты будешь?

— Угадай сама.

— Врачом, конечно.

— А вот и нет! Не угадала!

— Тогда трактористом.

Аяс-оол замотал головой.

— Учителем?

— Не угадала, мамочка! Сказать? Я буду, буду...

— Не тяни, сынок, говори уж сразу.

— Я буду чабаном. Вот этих ягнят буду пасти, когда они вырастут большими-пребольшими. А наш Амырбит будет тогда на своей машине моим овечкам воду возить. А знаешь, мама...— и мальчик вдруг замолчал.

— Что ты хотел сказать мне, сынок?

— Я их всегда-превсегда буду водичкой поить.

— Ах ты, мой чабанчик!— умилилась мать.

А малыш заговорил совсем уже по-взрослому:

— Мама, а все-таки чабаном быть интересней, чем шофером. Я на лошадке овечек буду пасти. А лошадка-то живая. И пес будет рядом с лошадкой бегать, лохматый такой, Тан-нылом назову. И еще вот что. Вырасту, стану чабаном — всем своим овцам, как людям, дам имена. Кликну какую-нибудь по имени — она и прибежит. Здорово, правда? И еще я тебе, мама, скажу по секрету: у меня один ягненок, вот из этих, уже знает свое имя. Мама, а ты его знаешь? Постой!.. Где же мой хураганчик?

Маленький чабан обвел взглядом ягнят — искал среди безымянных того, которому дал имя.

— Где же ты, а? Ага-а, вот он лежит! Видишь, мама? Вон он, вон, пестренький. Знаешь, как его зовут?

— Нет, не знаю, сынок.

— Совсем-совсем нисколючко не знаешь?

— Нисколючко.

— Вот смотри, мама, я его только позову, и он прибежит ко мне. Э-эй, Азыранды! А-зы-ран-ды-ы! Красавчик мой, иди ко мне! А-зы-ран-ды-ы!

Но ягненок и ухом не повел. Он был сыт, только что из соски молока насосался. Полеживал себе, пожевывая жвачку. Маленький чабан с недоумением смотрел на него. И тут мать догадалась: сунула сыну в руки пустую соску.

— Э-эй, Азыранды, беги скорей, мой маленький, я тебе молочка дам! — позвал опять Аяс-оол.

Ягненок увидел соску, шустро соскочил с места и подбежал к мальчику.

— Мама, напои моего послушного ягнечка молоком, а я ему сейчас мягкого зеленого сена принесу...

Мальчик тотчас побежал в сеник и тут же вернулся: в обеих руках нес по клочку сена. Ягнята окружили Аяс-оола, и он кормил их из рук.

А мать внимательно смотрела на сына. Радовалась: ее Аяс-оол уже, как настоящий чабан, управляет с ягнятами! Поглаживает их, что-то приговаривает...

И вдруг мальчуган увидел приближающуюся машину-водозвуку. Запрыгал Аяс-оол, забил в ладоши, радостно закричал:

— Воду везут, воду везут! Сейчас напою ягнят! Они сена наелись — очень-очень пить хотят! Хорошо! Хорошо!

Размахивая руками, бежал Аяс-оол к машине с бочкой. Развевались полы его шубки, по всем правилам подхваченной яркой опояской. А мать глядела — и налюбоваться не могла сыном, маленьким чабаном.

С а т и р а и ю м о р

Василий Монгуш

НЕ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА...

Короткие рассказы

ВЫИГРЫШ

Лотерейных билетов Санчыт-оол не покупал никогда. Но предложат ему, бывало, билет в магазине вместо сдачи — не отказывался. И вот, на билет, как раз таким образом приобретенный, выпал ему выигрыш — автомашина «Жигули»!

Повезло, скажете? Это уж кто как понимает. Сказать откровенно, Санчыт-оол о машине вовсе и не мечтал. Да и зачем она ему? Живет в Алдын-Булаке, поселок маленький, ездить особенно некуда, а куда понадобится — так для этого у Санчыт-оола конь есть прекрасный, настоящий друг. Одно имя чего стоит — Аян-Кула, сказочное имя! Умный, добрый — не конь, а золото. Увидит хозяина — так и рвется к нему от коновязи, ржанием приветствует... И что ему от человека нужно? Немного сена да ласки... Зато с машиной хлопот не оберешься: бензин дорог, запчастей нет, да и ездить-то на ней не всегда безопасно...

Вот сидит, значит, хозяин Аян-Кулы и думает: что же ему с выигрышем делать? И вдруг вспомнил: Мижит, старый его приятель, давно мечтал машину купить! Живо написал ему наш Санчыт-оол письмо: могу, дескать, тебе помочь.

Три дня всего прошло — друг уже у него дома сидит и серию да номер выигрышного билета с таблицей тщательно сличает. Убедился, наконец, что ни ошибки тут нет, ни розыгрыша, да как сорвется с места, как запляшет на радостях танец орла! А потом и говорит:

— Давай, друг, договоримся: вот тебе четыре тысячи рублей. Пока. Больше у меня сейчас нету. Останется... останется... ну, словом, оставшуюся сумму буду тебе выплачивать в течение года. Согласен? Расписку дам. Идет?

Услышав такие слова, Санчыт-оол тоже сорвался с места и как закричит не своим голосом:

— Бессовестный! Да как ты смеешь мне, лучшему другу, такое предлагать! Четыре тысячи... Это же надо!..

Мижит струхнул не на шутку, давай все приятелю по порядку объяснять: деньги-то, мол, у него на машину уже были, накопил, да племянника выручить пришлось, тот дом себе покупает, вот и попросил займы три тысячи, как не дать — родня... Клятвенно обещал племянник в течение года долг дяде отдать, вот и он, Мижит, тогда за машину рассчитается...

Санчыт-оол, слушая его, поостыл маленько, налил себе и гостю горячего чайку и, протягивая чашку, тихонько так, на ухо, сказал:

— Слушай, Мижит, билет-то не покупал я — на сдачу мне его дали в магазине. Тридцать копеек всего ему цена. Вот за эту цену — за тридцать, слышишь, копеек — и тебе отдаю.

НЕ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА

— Кто скажет, что в работе нашего комбината бытового обслуживания нет недостатков? Никто не скажет такого. Есть, есть у нас недостатки,— еще перед собранием внушал подчиненным наш директор, Манган-оол Адыгбай.— А раз есть недостатки, что с ними надо делать? Ис-ко-ре-нять! А чтобы искоренить недостатки, что, думаете вы, необходимо? Критика, дорогие товарищи, и самокритика! И критиковать надо как? Не взирая на лица, с родством и свойством не считаясь!

Все мы слушали и кивали головами.

Вот и собрание началось. Честь по чести — доклад, за докладом прения... Первой выступила Севильба и давай меня разносить: и болтун-то я, и работник нерадивый, вечно то голова, то печень «бзлят»...

Вторым я вскочил, так и налетел на Сурунму: целые, дескать, рабочие дни на беготню по магазинам да по базару тратит. За мной Севээн — тот уже прямо за директора взялся. Гляжу, у Манган-оола Маадыровича шея кровью налилась — но ничего, молчит, не перебивает.

Так яростно критиковали мы друг друга — даже на часы никто не поглядывал, домой не торопился, как обычно на собраниях.

Назавтра никто у нас друг на друга не глядел, даже не здоровались. Зато мужчины в курилке не собирались, не бол-

тали часами, да и женщинам, видать, неудобно стало в рабочее время в магазины убежать.

Улучшились показатели нашего комбината. Помогла, видно, критика.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Ехал Чечен-оол в автобусе без билета. И как назло контролер нагрязнул. Оштрафовал его на три рубля. Ну, «заяц» он заяц и есть, куда же ему! Заплатил, взял квитанцию, посмотрел на нее и вдруг спрашивает:

— Это за один раз штраф?

— А вам за сколько надо?— удивился контролер.

— Мне-то?— переспросил Чечен-оол.— Мне, пожалуй... Возьмите с меня еще три рубля.

— Это еще за что?

— А за вчерашний день. Я вчера тоже «зайцем» ехал!— сообщил пассажир.

Ну, что тут делать контролеру? Растерялся он. А Чечен-оол уговаривает:

— Возьмите, возьмите, товарищ контролер. Я, конечно, этот штраф, за вчерашнее-то, мог бы и не платить, но я человек сознательный...

КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У нас в клубе — диспут: «Кого можно назвать культурным человеком». Подготовительная работа проведена, выступающие заранее предупреждены, и я в том числе.

Открыла дискуссию, как и следовало предполагать, Карам, наша библиотечка. Начала, разумеется, с Чехова — «и лицо, и одежда, и душа, и мысли», и все такое, на целых полчаса. Слушали внимательно. А за ней следом мне слово предоставили.

— Слушая выступление уважаемой Карамы Донгаковны, я все население нашего поселка мысленно разделил на две группы: культурных людей,— уверенно начал я,— и бескультурных, то есть тех, у кого, извините, культурный уровень еще низковат...

— А себя ты к которой группе отнес?— послышался из задних рядов чей-то знакомый голос.

— Себя? К первой!— не раздумывая, выпалил я.— А вот свою жену — ко второй...

— Что-о? Что ты сказал?— и оттуда, из задних рядов, поднялась... моя жена!

Ну, я вскипел:

— Ты-то чего здесь делаешь? Я же сказал тебе, чтобы ужин приготовила к моему приходу! Замужняя женщина, и в такую позднюю пору бегаешь по клубам! Вот... видите сами — не голословно же я ее ко второй группе отнес! Да как она смела без моего разрешения...

Договорить мне не дали. Шумел весь зал. Особенно громко кричали женщины: меня корили, за жену заступались.

Чем кончилась дискуссия, понятия не имею — сбежал. Схватил жену за руку и под весь этот шум — вон из клуба! Только с ней так до самого дома и перебранивались на ходу.

※

Вячеслав Тимофеев

ДЕНЬ ПРОЖИТ НЕ ЗРЯ

Эй, мальчик! Ты почему со всеми дерешься, а? Вот неделю наблюдаю за тобой из окна, и регулярно замечаю одно и то же — постоянно ты размахиваешь кулаками. Тебе что, места на земле мало? Двора не хватает? Тогда пройдишь по улице, стихи хорошие вспомни. Например, эти: «Улица — моя, дома — мои. Окна разинув, стоят магазины». Дальше помнишь? Нет? Так я и знал. Что? Вы этого еще не проходили? А что вы вообще проходили — ума не приложу. Похоже, вас учат только глаза друг другу выковыривать. Господи, до чего же скверные дети пошли! Мы тоже, понятно, не ангелами были, тоже дрались, но не так. Совсем не так. Уши, по крайней мере, у товарища не откусывали.

Так на чем мы остановились? Ах, да!— о стихах заговорили. Так вот, я тебе популярно разъясню, голова ты садовая: поэт хотел сказать, что дома — мои. И твои тоже. Твои, конечно, в меньшей степени, потому что до меня ты еще не дорос. Улицы, само собой, опять же мои и твои. Хотя, честно сказать, тебе и переулка хватит. И магазины тоже общие. А в магазинах — продукты, вина, фрукты. Вино пить тебе, само собой, ни к чему, поскольку уже на данный момент ты почти уголовник. Но фрукты-то можешь потреблять, нет? Вместо того, чтобы ногу у сверстника выдергивать? Можешь, значит, но, говоришь, не завозят. Интересное дело: для всех завозят, а для тебя нет. У меня, например, круглый год апельсины с яблоками не выводятся, у моего соседа ассортимент еще богаче. Надо знать, где доставать. А твои родители, должно быть, кроме вермута, ничего

вокруг себя не видят? Потому и нос у тебя красный. Что ты сказал? Обморозил? Ну и ну-у. У остальных горожан все органы без исключения целые, а этот обморозился. Вот заливает! Ты где врать научился, а? Я тебя спрашиваю! От горшка два вершка, а уже сочиняет. Писатель выискался! И куда учителя смотрят, о чем родители думают? Кстати, кто твои папа с мамой? Авоськины, которые на стройке? Другого я от этой пары и не ожидал.

А вот и участковый идет. Он-то мне и нужен. Лейтенант, подите-ка сюда на минуточку, полюбуйтесь на этого субчика. Каков, а? Сейчас, на моих глазах, мальчику-рахитику по физиономии съездил, а другому в почку пнул. А если у него почка блуждающая? Ты об этом подумал? Я тебя спрашиваю, Авоськин! Она же могла в тартарары провалиться, потому как блуждающая. Как «не пнул», как это — «никого не ударил»? Выходит, я, пожилой и культурный человек, обманываю офицера милиции? Да я четыре благодарности от начальства имею, полтора года членом домового комитета служу. Безвозмездно, между прочим. И наизусть знаю две поэмы великого... этого Навои Алишера. Мне кажется, его надо на учет поставить, лейтенант. Почему Алишера? Не Алишера, а этого Авоськина, пока он окончательно не заврался и голову кому-нибудь не отвинтил. Заодно родителей на учет — как неблагонадежных воспитателей...

Та-ак. Одного, значит, определил куда следует. Будет впредь знать, какой я «старый зануда». Но ведь их — тьма, этих будущих бандитов, попробуй всех перелови. Весь двор ими кишит, как квартира тараканами. Тьмутаракань, одним словом. Во-он еще один выползает из подвала. Что он, спрашивается, там потерял? Эй, мальчик! Ты почему в подвале денно и ночью околачиваешься? Вот неделю наблюдаю за тобой и регулярно удивляюсь: какие темные дела ты замышляешь и отчего никто, кроме меня, до сих пор тебя не остановил? Там живешь, что ли? И уроки жизни там проходишь? Нет, говоришь? Допустим. А что ты, между прочим, в руке зажал? Ага, кусок мела, который не умещается в кулаке. Ну-ка, двинем в подвал, посмотрим на твои художества.

Ну вот, пожалуйста: «Солдатенко — медный лоб». Ты написал? А «Лиля Чаковских — дура набитая» тоже твоих рук дело? Молчишь? Сказать нечего, потому и сопишь. Ну, давай, пыхти, а я тем временем краткую лекцию тебе прочту насчет олухов. Думаешь, у меня нет желания кое-что написать? Временами руки так зудятся — хоть отрывай их. Я бы с удовольст-

вием аршинными буквами нарисовал, что Мотькин — балда, Пиотровских — пень, а Фоков — остолоп, каких свет не видывал и никогда больше не увидит. На кирпичной стене бы выбил. Шлямбуром! Но — нельзя. А почему? Я тебя спрашиваю! Потому нельзя, голова твоя вислоухая, что дураков в наше время столько развелось — никакого мела не хватит. Подъездов — тем более.

Что же в итоге получается? А то, что работа твоя — зряшная, пустая. Моськин труд это называется. Нет бы на полезные дела переключиться, тому же, скажем, Пиотровскому подвал разочек затопить. Для профилактики. Чтоб голову высоко не задирал и науку свою на время забросил, воду из подвала выкачивал. А то здороваться перестал, вобла сушеная. Можно и Мотькина проучить — гаражные двери, к примеру, смолой залить. Чтоб отдирал до посинения, чтоб другие сны, кроме смолы, ему не снились. А когда отскоблит — снова залить. И так — без конца. Что ты сказал? Мотькины — ваши соседи? Странно. Постой, а как твоя фамилия? Фуфуев? Н-н-да... (Возникает немая сцена, которая длится минут пять).

Как же, мальчик мой, мы с тобой до сих пор не знакомы, а? Такой прилежный ребенок, а я, старый хрыч, на него — ноль внимания. Нехорошо, молодой человек, себя в тени держать, нехорошо-о. Впрочем, и папа твой с детства скромный был. Нос ему, помнится, мама всегда вытирала — сам стеснялся. Как же, знаю Семена Саввича Фуфуева, с пеленок знаю. Такой было неприемный, воробьев боялся, а теперь во-он какое кресло занимает — не дотянешься. Пойдем, мальчик, доведу тебя до квартиры, до папы Семена Саввича. Конфету хочешь, шоколадную, а?..

Та-ак. Двоих определил куда следует. Значит, день прожит не зря. Нет, не зря...

«ГРЮНДИГ» ДЛЯ КИРИЛЛА

— Здравствуйте. Могу я увидеть директора магазина Изольду Валерьяновну Гриневич?

— Я вас слушаю.

— Какая приятная неожиданность! Знаете, я представлял вас утомленной от сумятиц женщиной, которую ежедневно нервирует невежественная толпа покупателей. Но вы, оказывается, сама прелесть. И держитесь, я бы подчеркнул, молодцом. Глядя на вас, я вспомнил первые майские розы в саду. Помните: «Как хороши, как свежи были розы!»

— Хотелось бы узнать...

— Непременно, Изольда Валерьяновна, всенепременно! Кстати, о цветах. Кирилл Николаевич кланяется вам и нижайше просит принять этот небольшой, но бесценный букет жасминов, которые, сами понимаете, в наших крайне суровых условиях не растут.

— Мне, право, неудобно...

— Какие пустяки! К сожалению, Кирилл Николаич торопится на симпозиум в Лас-Пальмас, где состоится обсуждение возможной встречи землян с кометой Галлея и где он будет представлять общественность Сибири. Он сегодня вылетает и хотел поговорить с вами об одном, я бы заметил, незначительном деле.

— О каком же?

— Видите ли, Кириллу Николаичу доложили, что во введенный вам магазин поступили видеомагнитофоны зарубежных фирм.

— Да, но...

— Отлично вас понимаю, Изольда Валерьяновна: эта вездущая публика акселераторов успела уже расхватать аппараты, не так ли? Но вы тоже войдите, пожалуйста, в положение Кирилла Николаича: у него ежедневно — вопросы государственной важности, плюс, я бы уточнил, колоссальные нагрузки по линии общественной деятельности.

— Нелегко, конечно. Все нелегко.

— Но Кириллу Николаичу — особенно. Неделями без обеда обходится — некогда. Ночами глаз не смыкает — о работе думает. Поэтому разрядка ему необходима так же, как влюбленным луна.

— И какая же система ему нужна?

— Я знал, Изольда Валерьяновна, что мы отлично с вами поладим. Вы ангел. Отвечаю на ваш вопрос: Кирилл Николаич хотел бы иметь «Дживиси-3060» или «Националь-панасоник». В крайнем случае — «Сони». И пару пленок к системе, разумеется.

— К сожалению, этих аппаратов не было.

— Что вы говорите? Значит, нижестоящие товарищи неправильно информировали Кирилла Николаича. За что он без стеснения всыплет им по первое число. И будет прав. А что же у вас имеется?

— Только «Грюндиг».

— «Грюндиг»? Ну что же, на безрыбье и рак, что называется, таймень. Кирилл Николаич в таких случаях говорит, что

если всем досыта есть, то и хлеба не станет. Сойдет и «Грюндиг». Следовательно, я могу заплатить деньги в кассу и расположить аппарат в машине Кирилла Николаича?

— Конечно.

— ...Вот и все, золотой вы, Изольда Валерьяновна, человек. «Грюндиг» уже в багажнике и скоро замерцает индикаторами в квартире Кирилла Николаича.

— Двадцать минут размышляю и никак не могу вспомнить: кто такой Кирилл Николаевич?

— Ему, знаете, чуждо тщеславие, присущее всем смертным. Он, можно считать, инкогнито. Но если вам сия личность не дает покоя уже двадцать с лишним минут, то по секрету могу сказать: Кирилл Николаевич — это я.

Аркадий Захаров

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Они сидят строгие, умные, недоступные, как боги. Каждый, словно рентгеном, просвечивает меня взглядом и норовит задать вопрос покаверзнее. Себя они называют «Совет профилактики», а я для них... ну, вроде подопытного животного. Этаким маленький кролик, а может, и того хуже — крыса, коли да коли ее разными вопросами.

— Заявление от твоей жены поступило. Тиранишь ее?— говорит один негромко, но внушительно. Сразу видно, набил голос. Не одну собаку съел на этом... поприще.

Но я не таковский, знаю, что делать. Ушел в себя, как черепаха в панцирь. Гляди, не гляди — ничего не увидишь. И то сказать, не впервой.

— Ну, что молчишь?— торопит все тот же.— Тиранишь жену-то?

— И детей,— поддерживает второй.

— Прогуливаешь.

— Брак вечный.

Вопросы да замечания сыплются одно за другим. Да что я, Юлий Цезарь, что ли — одновременно столько ответов преподнести, как на блюдечке?

— Молчит. Значит, увольнять надо,— сказал первый, как черту подвел.

«Увольнять?— усмехнулся я в душе.— Ишь ты! А кого на бульдозер посадишь?»

— О тебе печемся,— снова начал второй.— Волчий билет дадим вот, что делать будешь?

— А это мы увидим,— не выдержал я и, отвесив низкий поклон всей компании, вышел за дверь. Пошел по коридору, прямой такой, гордый, непоколебимый. Дескать, знай наших. А из кабинета вслед разноголосье: «Постой, куда, вернись...»

Третий день отдыхаю. Просыпаюсь когда хочу, засыпаю тоже.

К окошку подойду, погляжу на улицу, а на сердце такая веселость...

Напротив только что отстроенный дом стоит. Вокруг него мусор. Навалы земляные. А я-то знаю: не уберешь эти навалы, не спланируешь вокруг площадку — комиссия дом не примет. Экая ложка дегтя в бочке меда! А для меня она — всей бочки вкуснее. Как убрать все эти... залежи, если рядом с ними бульдозер мерзнет? Жалкий такой... И инеем весь подернулся. Смотрю я на него и посмеиваюсь:

«Что, взяли, а? Бульдозер-то без меня осиротел. Стоит, бедненький, страдает. А высшее начальство, небось, жмет на вас. Знаю. Не позволят по пустякам дом заморозить. Надо полагать, делегацию вышлете...»

И отрывает меня от этих приятных размышлений звонок в дверь. Тихий, правда, такой звоночек, робкий. Ребенок, что ли, звонит? Кто бы ни звонил, но открывать-то надо.

Распахиваю дверь. Передо мной — кто бы вы думали? — Иван Михайлович, начальник участка. А за ним, чуть поодаль, Елена Петровна, председатель профкома.

Все ясно. Белый флаг подняли.

Сергей Киштер-оол

Сергей Кужугетович КИШТЕР-ООЛ — рабочий Кызылской мебельной фабрики. По образованию художник. Был на комсомольской работе в Пий-Хемском районе. Общение с молодежью, людьми села дало ему материал для рассказов, в том числе сатирических.

ФРОСЯ — ПЕРЕДОВАЯ ДОЯРКА

Подслушанный разговор

Ох, и люблю же я радио слушать!.. До чего интересно говорят по радио, музыку передают, новости... Прежде я больше всего любила слушать о людях хороших. Много и часто о хоро-

ших людях по радио говорят. И не так говорят, как на лавочке кумушки судачат, а красиво так... плавно... заслушаешься. И радость на душе — ох, до чего же много у нас людей хороших!..

Вот раз я слушала передачу. О передовиках. И особенно понравилось мне, как рассказывали про мою ровесницу Фросю. Фамилия у нее совсем простая — Иванова, а сама передовая доярка в колхозе. Тогда еще совхозов мало было, все больше колхозы. Очень мне эта Фрося понравилась, и захотелось с ней познакомиться. Я ведь тоже доярка, только простая — не передовая. Вот и захотела поучиться у Фроси. Ведь не откажет она помочь, хороший же человек! И решила я поехать в тот колхоз. Уговорила мужа.

Сложили мы пожитки и поехали туда, где работала лучшая доярка Фрося. Добрались благополучно. Приняли нас хорошо. Председатель очень внимательный человек оказался. Сразу дали нам квартиру. Ну, как сказать, квартиру... и домом не назовешь, а избушка. Хорошая такая избушка — маленькая, теплая. Устроились мы. Вещей было немного, расставили быстро, красиво получилось.

На следующий день сразу дали нам работу. На ферме. Мужик мой скотником пошел, а я, как и хотела, — дояркой. Правда, не в ту бригаду попала; где Фрося. Побежала я тогда посмотреть на Фросю — передовую доярку. Увидела ее, а подойти стесняюсь. Да и подумать: кто я, а она — передовая!.. Смотрю на нее и думаю: ведь вот какая женщина, передовая, а совсем простая, ничем от всех других не отличается.

Со временем появились у меня на ферме подружки, и я у них спрашивала про Фросю. Одни, хорошие женщины, говорили, что она, Фрося, — первая доярка в колхозе, а может, и во всем районе, на Доску почета «привешана». Другие, правда, спорили, мол, не такая она — из зависти, наверное.

Укрепившись на ферме, стала я проситься в ту бригаду, где Фрося работала. Мне сначала отказывали, но потом увидели, что стараюсь, и перевели. Вот тут я и познакомилась с Фросей. Совсем она хорошая оказалась. Зря я боялась раньше к ней подойти. Веселая женщина. Даже коровы любили Фросю, хотя бивала она их. А как смешно материлась!.. Ну, совсем не задавалась тем, что передовая. Очень я полюбила Фросю.

Бывало, придет Фрося на ферму выпивши, а дело ловко делает. И коров ласково ругает, совсем не так, как людей. Даже целовала их в нос, нисколько не брезговала. Подкормку коровам она раздавала быстро, казалось бы, и недодаст скотине корму, а как отдоится — так больше всех. Значит, правильно делала

Фрося, передовая доярка. Любили ее коровы, и она их любила. Бывало, с похмелья шлепнет непослушную корову, а та ее лягнет. Фрося упадет в грязную канаву, потом вылезет оттуда, стряхнет навоз с халата, корову поругает, а не бьет больше.

Внимательно я наблюдала, как моя любимая доярка Фрося работает. Вроде бы, как и все мы, а молока сдает больше. С похмелья и бидон, было, уронит, расплескает молоко по полу, а все равно больше нашего получается надой. Очень хорошая доярка Фрося. Совсем я влюбилась в эту Фросю Иванову. И как это у нее все ладно выходит? И коровы такие же, и пастух один, а она больше всех надаивает. Мастерство, значит, у нее высокое. Решила я совсем близко посмотреть, как работает моя любимая Фрося, и стала делать все то же, что и она.

Весь день старалась я рядом с Фросей быть, правда, близко к ней не подходила. Потому что она опять была выпивши, а я духу спиртного переносить не могу. Как закончили мы дойку, стала я сравнивать и обрадовалась: надоили мы молока с ней одинаково, даже я чуть-чуть побольше. Весело стало на сердце: догнала я передовичку! Только недолго радовалась... Когда сдала молоко, оказалось его столько же, сколько и вчера. Тогда думаю: «Почему Фрося сегодня мало надоила? Почему столько же, сколько и я?» Ан нет. Фрося сдала на 12 килограммов больше. Вот, думаю, секрет! Может быть, она еще молоко и от своей личной коровы сдает? Да нет, пояснили подруги, она не держит дома скотины. Что же тогда?— думаю. Да так ничего надоя подливала Фрося, передовая доярка, в молоко обрат. А приемщицей была ее закадычная подруга.

Обиделась я сильно тогда на Фросю. Не за то, что она людей обманывала, а за любовь мою к ней. Ведь о ней по радио говорили, и я приехала в этот колхоз, чтобы рядом с передовой дояркой работать и поучиться у нее.

Ну, конечно, когда все стало ясно как белый день, разбирательство назначили. Передовую доярку и ее подружку-приемщицу с работы сняли и с Доски почета тоже, и еще кое-кому досталось. Только моя любовь к Фросе пропала. И теперь, когда я слушаю радио, то нету у меня желания познакомиться с передовичкой какой. Я теперь больше музыку слушаю.

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я

ОБСУЖДЕНИЕ СОСТОЯНИЯ И ПРОБЛЕМ ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Краткая стенограмма

25 октября 1984 года

Председательствующий — секретарь Правления СП РСФСР **Николай Доризо**. Сегодня мы встречаем гостей из далекой и самой молодой автономной республики, которая сорок лет в нашей братской советской семье. Это очень интересная, удивительно поэтическая страна, суверенная по своей литературе, по укладу национальной жизни и природе.

Тувинский народ немногим более полувека назад не имел письменности. Сегодня он имеет богатую, многожанровую литературу. Он имеет уже историю литературы, свои традиции, свой опыт. Советскому и зарубежному читателю хорошо известны имена тувинских писателей старших поколений. Тех, кто на тувинской земле выступал в рядах первых строителей социализма, и в литературе — в рядах ее зачинателей и основоположников. Широко известны трилогия С. Тока «Слово арата», книги Степана Сарыг-оола и Олега Саган-оола, лирика Сергея Пюрбю.

Сегодня здесь, среди нас, писатели, чей творческий опыт, чьи судьбы непосредственно слились с опытом, с творческими судьбами тех, кто назван выше. Моложе возрастом, они все равно были в общих рядах первопроходцев, они непосредственно соприкасались с тем временем, когда в тувинской литературе все начиналось, когда все приходилось открывать, прокладывать первые дороги. К этому поколению относятся поэт Юрий Кюнзегеш, прозаик и поэт Монгуш Кенин-Лопсан, Кызыл-Эник Кудажи, председатель правления Союза писателей Тувы, заслуженный писатель Тувинской АССР, — представитель того поколения литераторов, чье творчество определяет сегодняшнее лицо тувинской литературы. Кажется, еще совсем недавно у нас, в стенах правления Союза писателей, обсуждалось творчество молодых ту-

винских поэтов, одним из которых был присутствующий здесь сегодня Александр Даржай. В писательской делегации Тувинской автономной республики мы видим сегодня бурятку Марию Хадаханэ, одного из ведущих критиков, заслуженного работника культуры Тувинской АССР, отдавшую Туве 30 лет жизни и труда. Видим и другого заслуженного деятеля культуры Тувинской АССР, лауреата премии комсомола Тувы поэта и переводчика Светлану Козлову, москвичку, всей душой принадлежащую тувинской земле.

В честь знаменательного события — сорокалетия добровольного вхождения Тувы в состав СССР в эти дни в Москве проходят Дни литературы и искусства Тувинской АССР. Наша встреча — одна из дружеских праздничных встреч на этих торжествах. Мы постараемся привнести в нее дух деловитости, потому что любой праздник — это и подведение итогов. Мы продолжим сегодняшним разговором то обсуждение тувинской литературы, которое состоялось ровно десять лет назад, в 1974 году, в дни тридцатилетия Советской Тувы. И которое затем позднее, в 1980 году, дополнилось обстоятельным, профессионально взыскательным разговором о традициях и новаторстве, об истории и современности в тувинской литературе. Мы влетаем в нить сегодняшнего обсуждения все те дискуссии и товарищеские споры, которые велись о тувинской литературе, о творчестве молодых на наших региональных и иных семинарах, совещаниях последних лет.

Я думаю, что сегодняшний разговор оставит след в душе каждого из нас. И пусть наш общий творческий опыт обогатится сегодня опытом молодой, но интересной тувинской литературы. А теперь — слово Марии Хадаханэ для доклада «Тувинская литература на современном этапе».

Обсуждение доклада:

Анатолий Алексин. Земля Тувы — это символ поэзии в жизни и литературе. Прекрасно то, что имена ведущих писателей Тувы знает вся страна. Достаточно назвать Салчака Тока, Сарыг-оола или Кудажи. Я мог бы назвать имена детских и юношеских писателей. Мы были свидетелями того, что литература и критика в Туве находятся на должной высоте, потому что мы прослушали доклад Хадаханэ, краткий, что очень трудно, поскольку краткость — сестра таланта, и нам было продемонстрировано, как можно в такой краткой форме нарисовать картину сегодняшнего состояния тувинской литературы. Это все прекрасно.

Мы должны особо подчеркнуть значение переводческой деятельности. Мы услышали, сколько известных русских писателей переводят литературу Тувы, и мы услышали, что тувинские писатели переводят на родной язык крупнейших мастеров нашей современной советской литературы и классиков нашей страны. Это прекрасный процесс взаимообогащения культур.

Я хотел бы пожелать, чтобы еще больше было уделено внимания литературе для детей и юношества. Особенно учитывая, что мы осуществляем

реформу школы. Это огромная акция — культурная, просветительная. В Туве — в том числе.

Михаил Годенко. Начну с записки писателя Николая Евдокимова. Он не мог прийти на эту встречу и написал такую записку, и просил, чтобы я передал ее вам:

«В Литературном институте в семинаре прозы на пятом курсе на заочном отделении учится у меня шахтер из Тувы Чечен Ирбижей. На мой взгляд, это довольно способный, скромный человек. Мне хотелось бы, чтобы на него обратили внимание в Тувинском издательстве. Его рассказы переведены на русский язык студентом этого же курса, этого же семинара».

Мы с Семеном Шуртаковым были в Туве в 1961 году. К сожалению, больше я туда не ездил.

Хотя и давно это было, я очень хорошо помню Светлану Козлову, я ее рекомендовал в Союз писателей. Хорошо помню Анатолия Емельянова. Я взял их последние книги, посмотрел и обрадовался. Я увидел, что мои друзья в Туве растут. Как они интересно работают, и не только как поэты — это интересные личности с интересной судьбой. Мне, например, очень нравится у Светланы то, что она бережно, по-матерински нежно относится к этой республике, хотя это не ее родина, но она там давно живет и любит эту республику. Это красивые и светлые стихи. Она так хорошо пишет о шофере, который переехал через перевал в Саянах, приехал домой и уснул на коленях у матери. Она сама мать девяти детей. Или она пишет о своем «святом Подмосковье», о том, что оно «и за Саянами со мной». Или как она тепло пишет о тувинском языке: «Звуки речи азиатской, голоса степных провинций — грозовой язык бурятский и клокочущий тувинский...» Как это образно сказано.

Вот у меня в руках книга «Справедливость» Анатолия Емельянова. Это уже не молодой, зрелый поэт. И книжка не случайно так названа: в стихах он все время мыслит о справедливости, честности, высоких нравственных категориях. Постоянно присутствует мысль и в первой маленькой книжке «Два возраста» молодого Евгения Антуфьева, это очень лиричный, интересный поэт. Они живут в Туве, они любят Туву, они пишут о людях этой республики. Это уже олицетворение нашей крепкой дружбы народов. Я кланяюсь Туве и постараюсь там побывать».

Павел Железнов (читает импровизацию — стихи о Туве).

Софрон Данилов. Якутия и Тува имеют давние связи. Обменивались делегациями работников искусства, культуры, в том числе писательскими, в 1968—69 годах. Книги тувинских писателей издавались на якутском языке, якутских — на тувинском. Перед нами одни и те же задачи, одни и те же проблемы.

Прежде всего, тувинский народ, как и мой родной якутский, обладает устным народным творчеством. Но, когда мы собрали олонхокутов, среди них не оказалось ни одного человека моложе 50 лет. Что же, с этим поко-

лением уйдет наше устное народное творчество? Это и к нашему, и к тувинскому, и к другим народам относится. Надо ученым широко пропагандировать среди молодежи устное творчество своих народов, брать пример в этом с наших русских братьев.

Кроме великой многонациональной Советской Родины, у каждого народа есть своя малая родина. И литература должна воспитывать любовь к ней, чтобы живущие в Туве русские, белорусы, украинцы, буряты, хакасы знали и любили Туву. Братьям по крови, братьям по Сибири желая блистательных творческих побед.

Вадим Дементьев. За десять лет нашим издательством «Современник» выпущено двенадцать книг писателей Тувы. Среди них «Слово арата», в прошлом году переизданное как одна из лучших книг издательства. В «Современнике» вышла еще одна из самых интересных книг тувинских писателей — «Повесть о светлом мальчике» Сарыг-оола. Мы ее тоже переиздаем как одну из наших лучших книг. Кроме того, вышел сборник стихов Сергея Пюрбю, повести Сюрюн-оола и других значительных писателей Тувы. К юбилею добровольного вхождения Тувы в состав СССР у нас выходят две книги — коллективный сборник «Цвети, моя Тува», где представлены почти все поэты Тувы, и роман Кудажи «Улуг-Хем неутомонный», в новой редакции перевода, его рецензировал С. Шуртаков. Выходит книга Александра Даржая, первая была в «Молодой гвардии», и книга Черлиг-оола. Переводчиками тувинских собратьев выступают довольно опытные и известные русские писатели. Например, М. Ганина перевела «Повесть о светлом мальчике». Олег Дмитриев и Ванцетти Чукреев бывали в республике, Чукреев — неоднократно. И это — продолжение той традиции помощи русских литераторов братской тувинской литературе, начатой, когда приезжал в Туву Степан Щипачев и написал цикл стихов, в военном 1942 году, потом, в 1948 — Гудзенко; ушедший недавно из жизни В. М. Кожевников тоже поддерживал тувинскую литературу с первых ее шагов, и в «Правде» в сороковых годах была его статья о тувинской прозе и поэзии. Тувинская литература — новописьменная, она нуждается в поддержке, и с ней все время идет плодотворная работа. Поездка в 1983 году с Ю. Кузнецовым, В. Чукреевым и В. Чалмаевым дала нам очень многое. Когда так тесно встречаешься с тувинскими критиками, прозаиками, поэтами, это много дает. Так что милости просим в «Современник».

Семен Шуртаков. Я буду конкретно говорить о книге В. Бузыкаева и книге Монгуша Кенин-Лопсана.

По страницам повести В. Бузыкаева «Владыки» рассыпано много достоверных примет старого времени, видно, что автор хорошо знает повседневный быт тувинцев, их предания, легенды, верования, их заповеди и нравственные постулаты. Зримо, впечатляюще нарисованы шаманское камлание, суд аратов над важным духовным лицом — хелином, сцены охоты. Но с точно найденным словом в повести нередко соседствуют и литературные, режущие

глаз и ухо, красоты, и грубая стилизация прямой речи персонажей (тапетрича, шыншадатъ фунтов, быдто и т. п.), а то и просто невразумительные нелепицы. Вот примеры:

«...Стояла пора бабьего лета. Теплое солнце лениво вязало тонкие паутины из дрожащего марева. Саянская природа нехотя просталась с быстротечным летом, еще не решаясь наводить на поблекшие щеки багряный румянец осени, и тихо раздумывала: сбрасывать ей легкое одеяние или, может, вернуться назад, в жаркое лето?»

Ая «узнавал и не узнавал оленный край. Вроде бы вокруг те же самые горы, тот же лес, влюбленный в шуструю подругу Камсару...» Что это, как не шустрая литературщина? «В полночь, ловко орудуя уруками, кайгалы отбили от большого табуна до сотни отборных жеребцов...» Отборный — это отобранный. Мудрено, отбивая в полночь табун, заниматься отбором: все же жеребцы, не ягнята.

Подобная языковая небрежность в значительной степени снижает художественное звучание повести. Если же говорить о более серьезных вещах — о композиционном строении повести, о расстановке главных ее фигур по их классовой принадлежности, то тут автор идет по давно проторенной, наезженной многими и многими писателями дороге: чем беднее человек, тем он заведомо лучше, и наоборот — чем богаче, тем хуже. Такой, опять скажу, схематизм, конечно же, не делает книгу более глубокой и более интересной.

Совсем иначе, глубоко, многогранно, показано прошлое Тувы в «Повести о светлом мальчишке» Сарыг-оола.

Поэтична книга М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу». Ее жанр обозначен, как «поэтическая хроника», и, признаться, поначалу это вызывает скептическую улыбку, поскольку очень ко многому обязывает автора. Его дело — писать хронику, а насколько она поэтична, пусть решает читатель. Однако, чем дальше продвигается чтение, тем больше убеждаешься, что книга воистину поэтична. Все рассказанное в ней озарено светом поэзии, яркого образного восприятия мира и миропонимания. И вовсе не потому, что рассказ ведется о светлых счастливых временах. Нет, время действия — военное лихолетье.

Переводчики этой книги и «Повести о светлом мальчишке», — прибавлю и свое слово, от повторений истина не умалывается, — не пожалели своих душевных накоплений, их работа заслуживает самой высокой оценки. Поболте бы и почаще переводили вас так, дорогие друзья!

Немного скажу и о книге Кудажи «У подножья Саян». Несомненно, талантливо, но «Улуг-Хем неугомный» написан лучше. Диалогия заслуживает особого разговора. Она дважды рецензировалась, не устраивал перевод, теперь он переработан и издается.

Галина Московская, заведующая редакцией национальных литератур «Детгиза», вручает М. А. Хадаханэ экземпляр составленного ею сборника тувинских сказок, только что изданного.

Валерий Поволяев. Я в первый раз столкнулся с тувинской литературой лет восемнадцать назад, когда работал в «Литературной газете» корреспондентом отдела информации. Звоню по телефону Салчаку Тока. Он был первым секретарем обкома партии. И вот Салчак Тока сам поднимает трубку, разговаривает. И любой заказ, будь то двенадцать строчек литературной информации, будь статья в «Литературную газету», всегда был сделан точно в срок, политически верно. И это ощущение такой доброты и политической зрелости у меня осталось, когда я читал две книги Кудажы «Улуг-Хем неугомонный». Да, эта книга должна найти достойный отклик в душе, в сердце русского читателя. Она историческая, о поре гражданской войны, и здесь много параллелей, которые можно провести в наши дни. Больше того, сейчас полезно издание таких книг на русском языке, учитывая то, что происходит на участке границ, где сейчас затишье, а завтра оно может кончиться, и многие писатели там бывали. И люди должны знать, что там происходит.

Я думаю: богат тот народ, у которого есть такая литература и такие писатели. И святая наша обязанность — всячески помогать такой литературе.

Юрий Кузнецов. Я прочел несколько поэтических книг и хочу поделиться своим впечатлением.

Монгуш Кенин-Лопсан. По характеру своего дарования он эпик. Есть у него и чисто лирические стихи, но преобладает событийный сюжет, тяга к балладному повествованию, к выразительному эпическому мазку. Поэт умеет схватывать движение. Человек в его стихах органично связан с природой. В стихотворении «Таймени остановились» так светло запечатлено чудо.

Олег Сувакпит — лирик по преимуществу. Умело передает эмоциональное напряжение, тонкость и сила его стиха покоряет. К тому же он целомудрен — редкое качество среди поэтов.

Юрий Кюнзегеш — поэт часто неровный, но его удачи, а их немало, говорят о несомненном лирическом даровании, об органичной близости его к природе.

Александр Даржай. О характере его поэзии можно сказать его же строкой: «тепло очага и души». Стихи его зримы, плотны, предметны, теплы. Есть в нем какая-то первозданная свежесть чувства, которая говорит о непреходящей молодости.

У многих тувинских поэтов есть один общий недостаток, некий штамп: в старину было плохо, а сейчас хорошо. Старину надо любить. Особой любовью ее ценит М. Кенин-Лопсан, автор цикла «Эхо алгышей».

Преодолеваем инерцию этого Монгуш Олчей-оол. Вот как он пишет о прошлом:

Да, это были рабства времена,
но мой народ гнет не терпел смиренно.
Традиций власть была ему дана.
Его стремленья были неизменны.

Но вы обратили внимание на то, как это плохо переведено? Традиций никто не дает извне. Книга «Родное зимовье» вся, до единой строки, переведена Е. Андреевой так плохо. Беру наугад еще пример:

И если деревья, что срублены даром,
заплакали враз, слезы горестным валом,
потопом негаданным стали б, навсрное,
сливаясь в суровый протест беспримерный.

Понять, что это за поэт, за переводом я не мог.

Зоя Кедрина. Мария Андреевна Хадаханэ — моя первая аспирантка, с которой я работала, за которую я болела, которая вышла в большую жизнь и выросла неизмеримо с 1966 года, с тех пор, как я ее видела. Я рада узнать, что товарищи из Тувы продолжают учиться в аспирантуре Института мировой литературы — Зоя Самдан, Светлана Сат, — где я работаю более четверти века. Я надеюсь, что поток молодых сил, молодых литературоведов не иссякнет. Мы будем рады видеть их у себя в институте.

Николай Доризо. Естественно, что наш праздник носит деловой, конкретный и рабочий характер.

Сегодня был высказан ряд вопросов, над которыми следует подумать. Мы говорим о тувинской литературе как о младописьменной, которая только началась. Но народ выражал себя с помощью устного творчества, и выражал гениально. В этом и сила молодой литературы. У нас есть свои огромные завоевания, но есть и слабости. Язык оказался. Фольклор мы не должны забывать в наш цивилизованный век. Это и есть любовь к родной земле, любовь к Родине, когда мы уважаем то, что делали наши отцы.

С помощью волшебного микрофона русского языка вдруг небольшая по количеству населения — 300 тысяч — республика получает такую огромную читательскую аудиторию.

Повышать качество перевода — это задача первоочередная. И еще одна проблема — проблема всех литератур: это величие поэта в своем народе и его величие в переводе. Это очень серьезное дело. Я встречался с поэтами, перед которыми в народе преклоняются, а в Москве мы их мало знаем.

Мы должны крепче завязать узел нашей дружбы с Тувинской писательской организацией. Это замечательная, удивительная земля. Я с детства коллекционировал марки с изображением Тувы, мечтал об этой земле как о чем-то загадочном. И я думаю, что нам нужно туда поехать.

Я думаю, что мы все в долгу перед тувинскими небесами, перед этой древней страной и молодой республикой.

Спасибо, что вы пришли к нам. Желаем вам новых успехов!

* * *

Доброжелательный и взыскательный разговор о тувинской литературе был продолжен в марте 1986 года обсуждением на расширенном заседании

секретариата правления Союза писателей РСФСР творчества заслуженного работника культуры Федерации Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана.

*

Доржу Куулар

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА С. ТОКА

(К 85-летию со дня рождения)

Творчество С. Тока вот уже сорок с лишним лет находится в центре внимания советского литературоведения. Раскрытию своеобразия, национальных и интернациональных истоков писательского дара зачинателя тувинской прозы посвящены страницы, целые главы трудов известных советских исследователей литературы К. Зелинского, Д. Романенко, Г. Ломидзе, К. Антошина, Р. Палкиной, А. Калзана, М. Хадаханэ, Л. Якимовой, С. Гармаевой и других. Тем не менее, многие стороны творческой деятельности писателя до сих пор остаются мало освещенными или вовсе не затронутыми. В этой небольшой статье мы задались целью еще раз обозреть масштабы творчества С. Тока, коснуться его идейно-эстетической направленности.

С. Тока в очерках, рассказах и большой прозе отобразил свой жизненный путь. Детство и юность его прошли в условиях патриархально-феодальной Тувы, в нищете и бесправии, по образно-символическому выражению самого писателя, в «берестяном чуме» — символе бедности восточных и таежных трудовых тувинцев в дореволюционный период. О том отрезке своей жизни С. Тока в рассказе «Муки батрака», т. е. в начале творческого пути, писал: «История моей прежней жизни невелика, но в этой короткой истории много горя и унижений. Мы росли без отца, на руках у матери-беднячки, работали на богачей, которые платили нам насилием и обидами».

Сиротство, которое в полной мере испытал маленький Тока, было порождением общества социальных противоречий и несправедливостей. Стало быть, говоря о своем безрадостном детстве, С. Тока уже в те 30-е годы давал читателям обобщенную картину жизни детей бедных аратов в условиях феодализма.

Следующей ступенью взросления С. Тока было батрачество — ранний уход от семейного очага, искусственный отрыв от родных, попадание в чужую жестокую среду, продажа своих неокрепших мускулов. Много горя хлебнул юный герой первой книги знаменитой трилогии «Слово арата». Но история так распорядилась, что под влиянием идей марксизма-ленинизма в край хлынули ветры вольнодумья, освобождения от социального гнета. В этом большую роль сыграли русские переселенцы — рабочие люди, в чье

окружение, по жребию судьбы, попал юный Тока. Он становится очевидцем крушения старого мира, участником утверждения и построения нового общества.

Дальнейшая судьба С. Тока целиком сливается с революционной судьбой тувинского народа, «...складывается вместе с эпохой» (Г. Ломидзе). Он становится в первые ряды борцов за революционное преобразование Тувы согласно учению марксизма-ленинизма, идеям Великого Октября и Тувинской народной революции.

Прежде всего Тунну-Тувинской Народной Республике нужны были кадры нового мировоззрения и идейно-политических убеждений, закалки. По совету умудренных революционным опытом руководителей — практиков Тувинской народно-революционной партии С. Тока в числе первого отряда слушателей-тувинцев учится в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. Учеба в Москве — в центре социалистической революции, коммунистической идеологии, мировой культуры — стала решающим моментом в становлении характера Тока как политического деятеля, как будущего писателя социалистического реализма. С уверенностью можно сказать, что именно в Москве формируется борцовский характер идейно убежденного, устремленного в будущее своими мечтами человека, решившего отдать себя делу революционного преобразования родной Тувы.

В КУТВе, как впоследствии рассказал С. Тока в третьей книге «Слова арата», в его судьбе приняли участие большевики-ленинцы, много лет работавшие под руководством В. И. Ленина, близко знавшие, многократно видевшие и слышавшие вожда. Они передавали Тока и многим другим слушателям КУТВа атмосферу ленинского общения с людьми, ленинской работы, учебы и жизни. Можно сказать, что С. Тока одним из первых тувинцев шагнул в новый мир по горячим следам Ильича.

До сих пор биографы С. Тока мимоходом отмечают дату вступления С. Тока в члены ВКП(б), т. е. 1926 год. Интересно отметить то, что С. Тока — гражданин другой, самостоятельной страны стал членом партии большевиков. В этом факте виден убедительный пример интернациональной сущности Коммунистической партии Советского Союза. Итак, С. Тока — первый тувинец, взваливший на свои плечи огромную ответственность коммуниста-интернационалиста. Вступление С. Тока в члены ВКП(б) на деле означало, что он перешел с платформы бедняцкой, аратской в основном, партии, каковой являлась ТНРП, на платформу партии рабочей, пролетарской.

Если вникнуть в глубинное содержание этого акта, то выясняется, что С. Тока по своему социальному происхождению как батрак русских кулаков принадлежал на самом деле к рабочей прослойке населения края. Не зря Тока-писатель неоднократно в своих произведениях создает образ табунщика (главы «Слова арата»: «Становлюсь табунщиком», «В юрте табунщика», «Пригодится аркан»). Фигура табунщика в литературах многих других народов СССР, по наблюдению литературоведов, наиболее близка к образу

рабочего, потому что он имеет преимущество перед остальными в возможностях перемещения, перемены места жизни, общения с другими, получения и распространения информации о событиях в стране и за ее пределами. Табунщика отличали в те времена не только исключительная бедность, насмешливый характер труда, но и широта кругозора, физическая и духовная закаленность.

Без преувеличения можно сказать, что период учебы в КУТВе для С. Тока был самым решающим в формировании его мировоззрения, политических, идеологических, эстетических взглядов. В те годы надо полагать, впервые засветились для него многие благородные идеи, впоследствии осуществленные самим С. Тока и его соратниками.

Возвратившись с учебы в Москве, С. Тока становится ответственным работником ЦК ТНРП, ведет дела по руководству культурной революцией в стране. Дальнейшая деятельность С. Тока характеризуется кратко, но очень емко: он занимает до 1944 года пост Генерального секретаря ЦК ТНРП, а в последующие годы бессменно — первого секретаря Тувинского обкома КПСС. Под его руководством коммунисты и народ Тувы за тридцать пять с лишним лет (с 1937 до 1973 года) окончательно утвердили народный строй, всеми силами и средствами участвовали в Великой Отечественной войне Советского Союза, по доброй воле соединили свою судьбу с судьбами народов Великой России, тем самым избрали самый короткий путь к социализму, построили его совместными усилиями представителей многих народов советской страны. За эти почти четыре десятилетия Тува, образно говоря, сменила ветхую одежду на новую. Из отсталой патриархально-крестьянской страны она превратилась в аграрно-индустриальную оседлую культурную республику.

В ходе борьбы и побед тувинского народа за счастливое сегодня проявились черты характера С. Тока: устремленность к великой цели, идейно-теоретическая вооруженность, что достигалось каждодневным упорнейшим трудом, гибкость, аналитичность ума, простота и доступность, широкий кругозор, замечательная эрудиция, исключительно богатая и цепкая память, которая умела хранить наряду с большими историческими фактами огромное количество важных и нужных «мелочей».

Известность С. Тока как партийного и государственного деятеля была умножена популярностью его как писателя. Природный талант, редкостный дар видеть мир и человека в нем художническим взором, помноженные на большой жизненный, партийный опыт, породили писателя, воссоздавшего в драматургических и прозаических произведениях историю духовного и нравственного возрождения тувинского народа. Еще в пору наступления художнической зрелости стало известно имя С. Тока как автора первого тувинского романа «Слово арата», как первого тувинца — лауреата Государственной премии СССР, произведения которого переведены на три десятка языков наро-

дов нашей страны и за рубежом. В наших представлениях воедино слились образ С. Тока — государственного деятеля и писателя.

С. Тока — один из основоположников тувинской художественной литературы социалистического реализма. Истоками творчества писателя являются народная мудрость — тувинский и русский фольклор и русская советская литература.

Сказки народного правдоискателя Тарбагана, рассказы доброго и обаятельного Томбаштая, задорные песни Веры, а потом — молодежи памятной для Тока станции Удельная под Москвой, пословицы, прибаутки золотыми инкрустациями поглядывают на нас со страниц произведений писателя. Самые значительные фольклорные приемы изображения действительности: обобщенная характеристика героев, деление их на две большие социальные группы — бедняков и баев; контрастное сопоставление явлений, неиссякаемый юмор постоянно были на вооружении писателя. Самые светлые помыслы и поступки людей дореволюционной Тувы С. Тока блестяще выразил, искусно введя в роман «Слово арата» легенду о Кодур-ооле и Биче-кыс, отражающую народное представление о счастливой жизни, о верности и преданности людей друг другу.

О том, что русская и советская классика всегда была для него путеводной звездой, писатель заявлял много раз. Еще во второй половине 30-х годов С. Тока в предисловии к сборнику «Избранные произведения» «Обращение к читателям» призывает молодежь изучать творчество А. С. Пушкина, сделать его оружием борьбы с пережитками прошлого. Спустя двадцать с лишним лет, выступая на собрании тувинских писателей, С. Тока сказал: «Мы — тувинские писатели — вышли из Пушкина и народных сказок. Пушкин для нас — университет, без него мы не смогли бы так быстро создать свою литературу». (Д. Романенко «У могучих истоков»).

С. Тока в своих произведениях по-пушкински воспел красоту тувинской земли, по-горьковски воссоздал картины прошлой жизни своего народа. Он и просто как читатель любил наслаждаться Пушкиным и Горьким. В гениальном поэте видел объединителя других народов на ниве мира и братства.

По всеобщему признанию советских литературоведов, на творчество С. Тока самое могучее влияние оказал А. М. Горький — основоположник литературы социалистического реализма. Видный советский литературовед Г. Ломидзе пишет: «Бухара» таджикского писателя С. Айни, «История одной жизни» армянского писателя С. Зорьяна, «Школа жизни» казахского писателя С. Муканова, «Слово арата» основоположника тувинской литературы С. Тока... в той или иной степени освещены горьковской мыслью, проникнуты горьковским пафосом». «Сопrotивление окружающей среде — основа создания человека! — Этот горьковский принцип воплощен в произведениях С. Зорьяна, С. Айни, С. Муканова, С. Тока». (Из кн. «Пути развития советской многонациональной литературы», стр. 30—31).

На самом деле, непримиримость к подлости, к «свинцовым мерзостям» жизни роднит героев «Слова арата» С. Тока с героями горьковской трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты». В целом, опираясь на могучие плечи фольклора и русской литературы, утвердился самобытный талант С. Тока — прозаика и драматурга.

Все творчество С. Тока пронизано благородными идеями нашей эпохи. В своих первых очерках «Посадка из Тувы в СССР», «Что мы увидели и узнали в СССР», «Страна счастья и свободы» писатель воспел замечательные достижения страны социализма, давая читателям понять, что и тувинцам предстоит создать такую счастливую страну, как Советский Союз.

Дальнейшее творчество писателя непосредственно утверждало высокое назначение современного человека — творца новой жизни, воплощающего в жизнь идеи созидательного труда, патриотизма, интернационализма, любви и дружбы. Вспомните наивного, но верного своему долгу Тонгур-оола из одноименной комедии, принципиального, решительного, живущего заботами завтрашнего дня Биче-оола из драмы «Осуществленная мечта», героев Великой Отечественной войны и мирного труда Чургуй-оола, Тумен-Хоо, Урале Кандан, Соян Даваа, Улуур-Херела. Все они являются обыкновенными по внешнему виду, но мужественными, героическими людьми, несущими в себе заряд высокой благородной мысли, энергии творческого труда, «народо-объемлющего гуманизма» (К. Зелинский).

В нашей стране и за рубежом С. Тока известен как автор трилогии «Слово арата». По единодушному признанию критики, трилогия эта является романом, знаменует собой рождение жанра романа в тувинской литературе. В разные годы, по-разному подходя к этому произведению, по-писательски и по-литературоведчески, великий казахский писатель М. Ауэзов, видные советские литературоведы К. Зелинский, Г. Ломидзе, Д. Романенко и другие увидели в трилогии романский масштаб, романские приемы отображения исторической действительности. В самом деле, в этом произведении аккумулирован весь художественный опыт тувинского народа, вобраны и пропущены сквозь художественную призму самые значимые темы новейшей истории народа, показаны наиболее существенные черты характера нового человека в его становлении, использована богатая палитра народного словесного искусства.

«Слово арата» повествует о безграничных страданиях тувинского народа в дооктябрьский период и его борьбе за свободу в 20-е годы (первая книга), о героических трудовых свершениях свободного от социального гнета народа в новой Туве (вторая и третья книги).

Трилогия «Слово арата» — произведение автобиографическое. В центре всех событий и исторических коллизий всегда присутствует образ главного героя-рассказчика.

Первое восприятие сложностей мира, приход героя к неосознанному пониманию его разделенности на две части, на богатых и бедных (богатая

юрта Даш-Чалана и берестяной чум Тас-Баштыг), постепенное постижение смысла каких-то сил, защищающих почему-то только богатых, именитых людей (Узун-Чоодура, Чолдак-Стспана), поиски выхода из кабалы и уже сознательное участие в борьбе партизан с белогвардейщиной — вот три этапа миропознания героя первой книги трилогии. Эволюция сознания героя завершается приходом его к убеждению в том, что существующий мир разделен на угнетателей и угнетенных, что между ними идет невидимая постоянная борьба.

Так Тывыкы приходит к осознанию сущности классовых отношений и солидарности трудового люда. Землянка русских и тувинских батраков, живущая своей отдельной жизнью, противостояла дому кулака. Герой почувствовал силу, власть и любовь людей, близких ему не по крови, а по духу и общности судеб. И ныне герой будет жить и бороться за лучшую долю вместе с этими людьми.

Дальнейшее повествование построено по хроникально-историческому принципу. Вторая книга трилогии целиком посвящена борьбе тувинского народа за упрочение народной власти, а третья — за утверждение народного строя, за осуществление идей социального и культурного возрождения края. Трилогия завершается торжественным финалом, рассказывающим о вступлении Тувы в могучую, дружную семью братских советских народов.

С завершающих глав первой книги и на протяжении всей трилогии писатель постоянно держит в поле зрения главный вопрос — об отношении личности к революции. Именно эта тема соединяет все три книги романа и объединяет в одно целое многочисленные самостоятельные рассказы, составляющие его внутреннюю композицию. Итак, движение истории и эволюция человеческого характера во взаимосвязи составляют основу композиционно-сюжетной структуры «Слова арата».

Среди многочисленных персонажей трилогии, появляющихся и исчезающих, сменяя друг друга, по закону автобиографического жанра, постоянно ощущаешь присутствие двух образов: матери Тас-Баштыг и героя-рассказчика.

Об образе удивительной женщины Тас-Баштыг, как известно, написано очень много правдивых строк. «Природа одарила ее умом, талантом, сноровкой, необыкновенной жизнестойкостью, нравственной привлекательностью,— пишет Г. И. Ломидзе.— Не теряя своей неповторимости, образ Тас-Баштыг превращается в обобщенный символ, раскрывающий те качества и особенности тувинского народа, которые помогли ему устоять перед лихолетьем, закалить себя в неравной битве с властью имущими». (Г. И. Ломидзе. «Художественная история народа». Предисловие к роману «Слово арата», М., 1973, стр. 4).

К. Зелинский еще в 50-х годах, прочитав первую книгу «Слова арата», писал, что «Тас-Баштыг предстает перед нами в ореоле материнского величия, любви и поэзии».

Сам автор трилогии в одной из речей отметил, что такие, как она, учили «ненавидеть врагов и любить друзей, пришедших помочь беднякам-аратам освободиться от всковой кабалы». (Д. Романенко «Рождение романа», М., 1970, стр. 90).

К этим сокровенным словам необходимо добавить, что к созданию такого впечатляющего женского образа С. Тока пришел не сразу. Этому способствовало по крайней мере три фактора: изучение опыта А. М. Горького в создании им образа Нилловны, попытка нарисовать образы женщин-тувинок в «Рассказе Самбукай», интерпретации повести «Степной сказ» А. Нухрат, в драме «Женщина», комедии «Тонгур-оол» и впечатляющая сила самой личности матери писателя. В итоге художником вылеплен образ Тас-Баштыг — бесстрашной, неосознанно прогрессивной, при этом милой и простой женщины. Тока-писатель, Тока-герой восхищается ею, и своим повествованием о ней сын обессмертил ее образ, возвысив ее до всеобщего символа силы духа, мужества и материнской любви.

На всем протяжении повествования в романе незримо присутствует образ матери Тас-Баштыг, то в манере героя-рассказчика, то в цитировании высказанных ее устами крылатых слов: «Не учишь нежностям — учишь трудностям!», «Теперь все будет хорошо!», то в описаниях вечно прекрасного пейзажа реки Мерген, хранящей память о матери. Таков образ Тас-Баштыг.

Сквозной образ трилогии — образ Тока показан в движении. Читатель видит его от мальчика до крупного государственного деятеля. История роста, возмужания и становления характера главного героя трилогии длится сорок лет. Герой трилогии выступает как очевидец, свидетель исторических изломов, крушения и созидания. Вместе с тем он участвует в этих событиях, анализирует и комментирует их суть. При этом Тока выступает как художник, умело распоряжающийся средствами богатой народной эстетики. Он критическим пером описывает дореволюционную действительность, высмеивает пороки старого феодального общества, с гневным состраданием рассказывает о своих близких и знакомых, унесенных вихрем политических и социальных битв. Писатель в светлых, жизнерадостных тонах живописует все то новое, что возникало в дореволюционной Туве.

Тока как политический деятель угадывается по его интонации и манере рассказа, по осведомленности в событиях. Как художник, он использует художественно-изобразительные приемы тувинского и русского фольклора, тувинской и советской литературы. Вот один яркий пример из поэтики С. Тока: «...есть в Саянах скала, зажатая другими вершинами со всех сторон. Ее никогда не касались лучи солнца. Такой была судьба моего народа в прошлом». («Муки батрака»).

Со страниц романа встает образ человека, всегда устремленного вперед, к лучшему завтрашнему солнечному дню. «Тока любил смотреть на восход солнца, он лишь оглядывался на тень уходящей ночи», — так очень точно

писал, после первых встреч с писателем, литературовед Д. Романенко. («Умогучих истоков», М., 1963, стр. 395).

С. Тока-писатель в романе не выпячивает свое «я». По отношению к герою-рассказчику он всегда сдержан, скромен, краток и правдив. Создав образ выходца из самых низов, поднявшегося до крупного политического деятеля в условиях социализма, С. Тока опроверг «измышления всякого рода недругов о том, будто психика, эмоциональный «аппарат» тувинца приспособлены лишь к примитивным формам кочевого хозяйствования, что тувинцу недоступны такие формы духовной и материальной деятельности человека, которые требуют напряженной аналитической работы ума». (Г. Ломидзе. «Художественная история народа». Предисловие к роману «Слово арата». М., 1973, стр. 5).

Таким образом, популярность, обаяние трилогии «Слово арата», крылья, поднявшие ее на высокую вершину, кроются, прежде всего, в утверждении высокого назначения человека, выходящего победителем из всех «свинцовых мерзостей» жизни. «Слово арата» трогало сердца читателей и всегда будет трогать своей верой в человека.

В романе «Слово арата» становление социалистической Тувы протекает в острой классовой борьбе. Сквозь плотный, почти непроницаемый слой социальных предрассудков пробивается живая социальная струя. В этой борьбе за героем-рассказчиком высматриваются подлинные патриоты, настоящие коммунисты, строители нового общества. Им противостоят фальшивые люди, хитрые враги — запоздалые радетели, апологеты умирающего старого строя. Враги еще сильны, коварны, опираются на реакционные круги. Но передовые люди преодолевают сопротивление классового врага интернациональным союзом с русским народом, играющим громадную роль в возрождении всех народов России. Мысль об интернациональном единстве — одна из сокровенных в этом произведении. Наиболее сильное выражение эта мысль нашла в главе о добровольном вхождении Тувы в великую семью народов России.

Все творчество С. Тока, особенно роман «Слово арата», имеет громадное значение для нас, для тувинской и других молодых литератур нашей страны и за рубежом. На опыте С. Тока растут молодые прозаики республики. Много общего в выборе тем, героев, средств изображения между С. Тока и М. Кенин-Лопсаном: речь идет об учителе и ученике, о творческом наследии и его продолжателях.

Благодаря роману «Слово арата» и общественной, государственной деятельности С. Тока стал национальным героем тувинского народа. Мы, его современники, ощущаем двуединую суть образа Тока — реального и литературного. Но пройдут десятилетия, в этом можно быть уверенными, и останется один образ, а именно художественный, и он проживет века, обретая новые черты. С. Тока своим талантом, трудом возвысил тувинцев в глазах

читателей мира, разнес славу Тувы в другие страны и континенты. Образ его олицетворяет самые светлые черты тувинского народа.

Творчество С. Тока — одно из звеньев межнациональных связей литературы нашей страны. Не будет преувеличением сказать, что творческий опыт С. Тока изучается не только в Туве. «Слово арата» — главная книга жизни писателя — может быть названа своеобразной визитной карточкой тувинской литературы. Роман этот знакомил и знакомит многоязычных читателей с жизнью, бытом, светлыми помыслами тувинцев, завоевывая их сердца оптимизмом, жизнелюбивым пафосом, верой в человека.

*

Мargarита Татаринцева

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Обозревая литературу последних лет, вышедшую в Тувинском книжном издательстве, обращаешь внимание на значительный удельный вес прозы документальной. С начала 80-х годов были изданы книги В. Бузыкаева «У подножия Танну-Ола» (1981 г.) и «Легенды творят люди» (1985 г., в соавторстве с А. Бармашовым), вышло второе издание книги А. Емельянова «От мира не уйти» (1984 г.) и его же книга публицистических материалов «Быть человеком» (1982 г.), очерки В. Пивоварова «Ими гордится Тува» (1982 г.), художественно-публицистический сборник «В семье единой, братской» (1984 г.), сборники очерков «Трудом славен человек» (1984 г.), «Почет по труду» (1985 г. на тув. яз.), «Солдаты Победы» (1985 г.).

Если к названным изданиям прибавить книги о Туве, вышедшие в эти же годы в центральных издательствах — «Республика в центре Азии» П. Зубкова, прекрасный фотоальбом «Советская Тува», то можно с уверенностью сказать, что на сегодня мы имеем хорошую библиотечку из новейших книг о самой молодой республике нашей страны, два года назад отметившей сороклетие своего вступления в семью братских народов СССР. Близостью этой знаменательной даты, а также 40-летием великой Победы над фашистской Германией и объясняется обращение наших писателей и журналистов к документальному жанру, на сегодняшний день оказавшемуся именно там, где ему и следует быть — на переднем крае литературы.

Огромные социально-экономические и культурные достижения самой молодой республики производят большое впечатление. Ими гордится тувинский народ, и эта гордость отчетливо проступает в новых книгах. Определенное место в названных изданиях занимают и проблемы — социальные, хозяйственные, морально-этические, которые постоянно возникают в жизни и неизбежно отражаются в документально-публицистической литературе.

Главный жанр здесь — очерк. Непосредственно из жизни черпает он материал, его герои носят подлинные имена, имеют точный адрес. Под пером

очеркиста-мастера индивидуальные судьбы, частные факты приобретают обобщение, укрупняются, типизируются.

Литература документальных жанров основана на действительных фактах и стремится освещать их правдиво и точно. И в то же время документальная литература — не простое изложение подлинных событий, она подчиняется общим законам литературного творчества. Чтобы убедительно и ярко рассказать о своем времени и о его героях, писатель-документалист использует определенные художественные средства. Документалист должен уметь строить сюжет, домысливать диалог и внутренний монолог, ему необходимо отобрать одни факты и умолчать о других, исходя из логики характера героя воссоздать недостающий эпизод, передать психологическое состояние человека. Таким образом, документальное безоговорочно достоверно лишь в идеале, на деле же, при всем стремлении к этому идеалу, писатель-очеркист использует разнообразные художественные приемы и средства. Руководствуется он верностью сути, а не буквалистской точностью (ее лучше искать в протоколах и архивах).

В свете этих общих положений о природе документальной литературы обратимся к новинкам документального жанра, вышедшим в местном издательстве. Некоторые из них уже получили отклики в печати.

Книга А. Бармашова и В. Бузыкаева «Легенды творят люди» тематически продолжает ранее изданную книгу В. Бузыкаева «У подножия Танну-Ола». Обе они — рассказы о первенцах тувинской индустрии — комбинате цветной металлургии «Тувакобальт» и комбинате «Туваасбест» им. В. И. Ленина. Две небывалые в республике по масштабу стройки — хову-аксынская и ак-довуракская — сооружались почти одновременно, были объявлены ударными комсомольскими, плечом к плечу на них трудились представители многих национальностей нашей страны. Наконец, эти грандиозные стройки сыграли важную роль в формировании национального отряда рабочего класса Тувы.

Отсюда видно, какие сложные творческие задачи стояли перед авторами книг, жанр одной из которых был определен как историко-социальный очерк («Легенды творят люди»), а другой — как художественно-публицистический рассказ («У подножия Танну-Ола»). Но если вспомнить горьковское определение очерка — «нечто среднее между рассказом и исследованием», — то жанр обеих книг проще определить как документальный очерк.

Нужно было рассказать об истории строительства и сегодняшнем дне двух огромных комбинатов, о людях, которые их сооружали и по сей день продолжают там работать, найти увлекательную форму, избегая сухого протоколирования, перечисления имен и цифр, без которых все же не обойтись.

А. Бармашов и В. Бузыкаев проделали большую работу. Не вызывает у читателей сомнений достоверность событий и фактов, кропотливо отобран-

ных для обеих книг. Чувствуется стремление передать напряженный ритм больших строек, романтику трудовых будней — пуск комбината «Тувакобальт» и первое, самое трудное время его работы, строительство «трассы мужества» — дороги Ак-Довурак — Абаза и другие эпизоды.

За годы строительства двух комбинатов сформировались рабочие династии, в том числе из среды коренного населения — важный показатель утверждения технического прогресса в республике, еще недавно почти не имевшей своей промышленности. Убедительно рассказано и о том, как удалось сохранить основной костяк рабочих, строителей, переживших все трудности сооружения предприятий, освоение нового производства.

«За годы десятой пятилетки коллектив комбината («Туваасбест» — М.П.) — три с половиной тысячи человек — обновился дважды. Самые крепкие остались, выдержали, выстояли, выпестовали в своих мозолистых руках вторую очередь. Их знает в лицо весь город. Перед ними при встречах мало шапки снимать — достойные и мужественные люди!» Подобные прямые эмоциональные высказывания авторов о своих героях запоминаются, потому что непосредственно обращены к чувствам читателей.

Рассказы о небывалых стройках на земле Тувы сопровождаются старинными легендами и преданиями о несметных богатствах земли, охраняемых злыми духами. И здесь же — экскурсии в историю открытий месторождений кобальта и асбеста, описания необыкновенной по красоте природы края. Обе книги фотоиллюстрированы.

Все это, безусловно, оживляет повествование, еще раз подтверждает, что форма очерка может быть свободной, разнообразной. Так, в заключительной главе книги «Легенды творят люди», которая называется «Хозяева», авторы снова возвращаются к истории ак-довуракской стройки, но показывают ее уже через портреты отдельных людей, так близко переживших все ее перипетии, что для них она стала собственным детищем. Тут «что ни фамилия, то живая история комбината»... Авторы дают возможность пристальнее взглянуть в тех, кто не искал легкой жизни, не дрогнул, не испугался трудностей, кому работать приходилось не просто добросовестно, но и самоотверженно. И так не месяц, не год — постоянно.

«Простой советский человек пришел к подножию Кара-Даша и силой разума, добротой сердца превратил некогда пустынный уголок в индустриальный центр Тувы», — так заканчивается книга об Ак-Довураке и его людях.

В. Бузыкаев и А. Бармашов ни в чем не нарушили требований, касающихся подлинности и достоверности, необходимых документальному очерку. Информативность, публицистическое комментирование наблюдений, летопись истории, корреспонденция с места действия, «точный адрес» — все это есть в книгах. Использованы, как уже отмечалось, отдельные художественные приемы.

И все-таки... Ведь книга — не газета, где требуется отклик на события моментально, «сию минуту», и поэтому литературная неформальность оперативного материала в какой-то степени извинительна. Над книгой автор работает тщательно, кропотливо, материал «вынашивает» долго. В книгах же рецензируемых авторов немало страниц, где сухой газетный стиль не преодолен, за списками фамилий не видно живых людей, где взволнованное авторское переживание соседствует с сухим протокольным отчетом. Несколько аморфна структура книг. А ведь, повторяем, на документальную литературу распространяются требования, предъявляемые вообще к литературе как к искусству слова.

Тематически близок названным книгам сборник «Трудом славен человек», в состав которого вошли очерки журналистов нашей республики о делах и заботах тружеников села. В основном это очерки-портреты, один из самых распространенных видов очерка.

Советский теоретик этого жанра В. Канторович пишет: «Очерковый литературный портрет не создает копии с оригинала, не может ограничиваться внешними приметами «модели», перечислением производственных достижений героя и т. п. Он стремится создать образ человека, раскрыть его характер. Огромная предварительная работа должна предшествовать созданию очерка-портрета: выбор героя, проникновение во внутренний его мир, изучение среды, конкретных условий, в которых он живет, трудится, борется».

Целая галерея портретов наших современников — людей разных профессий, судеб, возрастов и характеров предстает перед читателем. Некоторые из них известны всей Туве, например, Герой Социалистического Труда чабан Д. Ч. Ооржак, депутат Верховного Совета Тувинской АССР, птичница В. А. Долганина, наставник молодежи, кавалер ордена «Знак Почета» С. Т. Бегзи. Другие известны в своем селе, районе как честные труженики, стабильно добивающиеся хороших результатов даже в самые трудные годы.

Иногда герои очерков — люди редких, «экзотичных» профессий — олениводы, верблюдоводы, сарлыководы, и живут они «за семьдесятю горами», в степях, «напоминающих море», имеют «сибирский характер».

Почти в каждом очерке ощущается стремление показать романтику труда своих героев, увидеть необычное в обычном, в повседневных, будничных делах. Не поступаясь документальной точностью в рассказах о судьбах реальных людей, не идеализируя и не приукрашивая нелегкий труд хлеборобов и животноводов, А. Быков, В. Кривдик, Н. Быкова, Р. Тас-оол, Н. Антуфьева и другие очеркисты стремились создать образ, обрисовать характер, найдя выразительные детали, живописуя природу края, т. е. придавая очерку легкую художественную окраску.

Очерк-портрет порой перерастает свои рамки, превращаясь в производственный, потому что, говоря о человеке дела, очеркисту приходится выкатывать дела и проблемы своих персонажей, выражать свою точку зрения. Почему

молодежь уходит из села? Кто придет на смену опытным животноводам? Как облегчить труд чабана и оленевода? Как повысить заинтересованность сельских механизаторов в результатах труда? Проблем в сельском хозяйстве республики еще много, с ними связаны конкретные судьбы людей. Один пример. Кадыр-оол Кол и его дочь Лариса большую часть жизни проводят в тайге, в палатках — такова специфика труда оленевода (В. Кривдик. «...Там живут оленеводы»). Эти люди, без сомнений, любят свою работу. «Без тайги ему, как рыбе без воды», — говорит об отце Лариса. А многие ли сегодня согласятся жить так?

Жизненные проблемы заложены в материале каждого очерка, но далеко не всегда очерк приобретает проблемную, публицистическую окраску. А ведь это придало бы ему и актуальность, и остроту. Но авторы нередко выбирают более гладкий, беспроблемный вариант, предпочитая говорить о трудностях уже преодоленных. Нам вообще не хватает ярких, страстных, принципиальных публицистических выступлений по наиболее важным проблемам.

Сборник очерков «Солдаты Победы» приурочен к 40-летию Победы над фашистской Германией и рассказывает о боевых делах воинов, наших земляков. Четырнадцать разных историй и судеб, рассказы о подвигах и каждодневной службе на войне, о послевоенной жизни героев. Читаешь и узнаешь, что рядом с тобой жили и живут люди необыкновенной доблести, храбрости, удивительной судьбы, прошедшие всю войну, уцелевшие и оставившие свой победный росчерк на стенах рейхстага. Читаешь о разведчике Дмитрии Комарицыне (О. Гаврилов. «В разведке так бывало»), танкисте Анании Жабине (В. Кривдик. «К победе — на «Победителе»), братьях Шумовых (Т. Сермавкин. «Российские богатыри»), рядовом пехотинце Николае Лосеве (В. Тимофеев. «Пешком до Берлина») и еще раз убеждаешься, что не знала история такого массового подвига, какой совершил наш народ во время войны, когда самые мирные люди становились отличными бойцами, нагонявшими страх на фашистов. Вся страна узнала о подвигах минометчиков из Тувы братьев Шумовых; отважный танкист Хомушку Чургуй-оол и командир взвода автоматчиков Л. Н. Ефимов были удостоены звания Героя Советского Союза; неуязвимой славой покрыли себя тувинцы-добровольцы, кавалеристы, воевавшие на Украине.

На войне небывалое бывает. В экстремальных ситуациях особенно ярко выявляется внутренняя сила человеческой личности. И подтверждением тому являются удивительные перипетии военной судьбы разведчика Дмитрия Комарицына, связиста Михаила Шаповалова, танкиста Анания Жабина.

В. Кривдик, автор очерка об Анании Жабине, взволнованно обращается к читателю, выражая отношение к своему герою: «Одиннадцать бронированных машин пережил солдат за четыре года. Вдумайтесь в эту цифру. Горел, плавился, разлетался на куски металл, а человек оставался в строю».

Конечно, все мы уже много знаем о подвигах советских воинов в годы Великой Отечественной войны. И продолжаем узнавать — тема эта неисчер-

паема. Современный писатель, журналист может рассчитывать на успех лишь тогда, когда он обращается и к разуму, и к чувствам читателя. Взволнованное, эмоциональное отношение автора к герою передается читателю, остается в памяти надолго.

Большинство авторов рецензируемого сборника в целом успешно справились со своей задачей, нашли нужную форму очерка, нужную интонацию повествования. Особенно запоминаются очерки О. Гаврилова, Т. Сермавкина, В. Тимофеева, В. Кривдика.

К сожалению, есть и обратные примеры. Не вызывает возражений фактическая достоверность в очерках П. Филиппова «Дорогой героев» и «Оружием аратов». Но, увы, оба очерка так и остались лишь слегка обработанными архивными материалами — ни живых лиц, ни запоминающихся эпизодов в них нет. А жаль. Потому что очерки о подвигах тувинцев-добровольцев и боевых действиях летчиков 133-го полка, воевавших на подаренных Тувой самолетах, могли стать центральными в сборнике. А оказались самыми безликими.

Известно, что литература ищет героев в жизни. Очерк — литературная разведка жизненного материала, первопроходец новых тем. Очеркист, мастер своего дела, первым делает жизненный факт фактом искусства. В свое время М. Горький призывал советских публицистов «писать о людях прозой с таким воодушевлением, с такой любовью к ним, с такой гордостью их работой, чтобы проза сама собою превратилась в стихи».

Наши земляки, труженики и воины, заслужили того, чтобы о них воодушевленно рассказывали и в прозе, и в стихах. Начало положено. Но, думается, главное слово — впереди.

**Тувинскому республиканскому
музыкально-драматическому театру —
50 лет**

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Воспоминания, пожелания

25 марта 1936 года в Кызыле, столице Тувинской Народной Республики, состоялся большой концерт студийцев учебного комбината. Этот день мы считаем днем рождения тувинского театра.

С тех пор на протяжении полувека театр рос, развивался и воспитывал своих зрителей. В сравнении с многовековой историей мирового сценического искусства пятьдесят лет, конечно, очень мало. Но значение этих пяти десятилетий для нашей республики неосцимемо: театр стал центром культурной жизни Тувы.

Со старейшинами тувинской сцены и актерами разных поколений встретилаь в юбилейном году театра молодой театровед **Айлана Кужугет**, записала их воспоминания о прошлом тувинского театра, размышления о его сегодняшнем дне и пожелания на будущее.

В целях подготовки профессиональных тувинских актеров правительством ТНР были приглашены из СССР специалисты: режиссер И. Я. Исполнев, дирижер Р. Г. Миронович, композитор А. Н. Аксенов, балетмейстер-постановщик А. В. Шатин, балетмейстер-педагог Е. Н. Шарова, вокалист-хормейстер С. И. Булатов, капельмейстер Л. И. Израйлевич.

Вспоминает Иван Яковлевич Исполнев:

В Тувинскую Народную Республику из приглашенных специалистов я приехал первым. Театр был на уровне самодеятельности, чаще всего брали бытовое явление и почти без изменения разыгрывали на сцене. Первое время было очень трудно, мешал языковой барьер. Приходилось заниматься с актерами по восемь часов в день, но никто не жаловался. Большую помощь, как режиссер и местный житель, оказывал нашей работе М. М. Мунзук, он был всегда рядом, многое разъяснял мне, показывал. Переводчиком одновременно был С. Сарыг-оол, был он и директором театра. Часто он рассказывал мне о своем народе. Эти беседы многое дали. По районам мы ездили вместе. Так я узнавал жизнь тувинцев. Позже мы начали работу над спектаклями.

Долго и трудно работали над постановкой «Хайыраан бот» В. Кок-оола. В спектакле мне хотелось историю Кары наполнить дыханием жизни, показать не только героев пьесы, но жизнь и быт тувинцев вынести на сцену. Конечно, я не делал копию, а создавал театральную реальность, но на основе знания жизни народа.

На третий год обучения студийцев мы приступили к постановке комедии Мольера «Лекарь поневоле». Работали легко, свободно. Для постановки взяли именно эту пьесу из всего богатства произведений французского классика-комедиографа, потому что в ней действующие лица — крестьяне, простые люди. Вообще при подборе пьес в репертуар театра я старался взять наиболее близкое и понятное тувинскому зрителю произведение. Считаю этот спектакль самой лучшей своей работой в Туве. Прекрасно в нем играл Алексей Чыргал-оол — это замечательный актер. До сих пор с огромным удовольствием вспоминаю этот спектакль. В нем было много музыки, красивые декорации.

Когда мы приступили к постановке пьесы Салчака Тока «Тонгур-оол», я встречался и не раз беседовал с автором. Салчак Калбакхорекочив всегда очень интересовался делами искусства. Просьбы мои всегда выполнялись. Сразу, как приехал, я предложил «выписать» из СССР трех специалистов — балетмейстера, хормейстера, руководителя оркестра. Вскоре из Москвы прибыли Шатин, Булатов, Миронович.

В первую национальную тувинскую студию были приняты в 1936 году молодые люди, обладавшие способностями к сценическому искусству: Оюн Кара-кыс, М. Мунзук, О. Монгалъбини, О. Белекей, Кок-кыс (Долдан). Студия была театральная, но приняли в нее и народных певцов, исполнителей на национальных музыкальных инструментах: М. и О. Комбу, С. Сорукту, О. Кара-оола, О. Лагба и А. Лаптана. Позднее студийцами стали М. Севильбаа, Н. Олзей-оол, Самба-Сюрюн (Баир) и другие. У истоков театра стояли люди, заложившие основы профессионального, не только сценического, но и музыкального искусства.

Вспоминает народный артист РСФСР Максим Монгузюкович Мунзук:

Сороковые годы — это для нас с Кара-кыс Намзатовной самые лучшие в творчестве и самые сложные годы. До приезда нашего учителя Ивана Яковлевича Исполнева мы выступали чаще в концертах, исполняли кто что мог. Клубов тогда не было, выступали под открытым небом, даже зимой. Гостиниц в районах не было, жили где придется. На чем только не добивались — и лешком, и на лошадях, и, круглый год, в кузове грузовой машины. Детей не с кем было оставить, брали их с собой.

В 1937 году Салчак Тока написал пьесу «Тонгур-оол». Мы сразу же поставили ее и поехали на гастроли. И сам автор, уже будучи секретарем ЦК ТНРП, ездил с нами в качестве руководителя группы и суфлера, иногда выходил на сцену и как актер. Удивительный был человек!

Своими учителями и лучшими режиссерами, с которыми мне приходилось работать в театре, считаю Ивана Яковлевича Исполнева, Сергея Петровича Майера и Ивана Степановича Забродина. Всех их объединяли большое желание работать, безграничное уважение к тувинскому народу, без чего трудно работать в национальном театре, интеллигентность, талант. Каждый из них много сил и энергии отдал нам, своим ученикам. Все они были не просто режиссерами, а режиссерами-воспитателями, учителями. Работали они, не зная усталости.

Сейчас в нашем театре большая труппа с огромными ресурсами. Пять поколений актеров — это богатство! Приехали молодые актеры, окончившие училище имени Гнесиных, надо сразу их занять работой, задать им хороший рабочий ритм. Все дело сейчас в организации творческой деятельности, в руководстве коллективом театра. Желаю младшим товарищам не растерять свои силы, способности и до старости оставаться молодыми!

Вспоминает народная артистка РСФСР **Хургулек Байыскылановна Конгар**:

До сих пор благодарно помню своих учителей, специалистов из Москвы, приехавших к нам в 1940—42 годах. И сейчас их накал в работе, отношение к своему творчеству сохранились у старейших тувинских актеров, учившихся у них. Мы, актеры первого поколения, живем по правилам, привитым нашими учителями: мы никогда не позволим себе опоздать на репетицию, выразить недовольство чем-нибудь во время работы над спектаклем. Внутренний такт вместе с исключительно добросовестным отношением к труду были присущи нашим учителям. Мы очень благодарны им за это! К сожалению, отношение к работе, театру, друг к другу стало у молодых актеров иным, более простым, более практичным. А хотелось бы, чтобы и молодежь относилась к своему искусству, к своим обязанностям, любила театр так же, как наши учителя.

С первых же дней пребывания в Туве Аксенов, Булатов, Исполнев отметили, что тувинцы чрезвычайно музыкальный народ. Даже сам язык, говор такой же мелодичный и задушевный, как наша природа. По-моему, нам надо больше ставить музыкальных спектаклей. Такие постановки в нашей республике — самые любимые, они долго не сходят со сцены, зрители их помнят. Именно в музыкальных спектаклях актер может блеснуть исполнительскими способностями. Я больше всего люблю музыкальные постановки, и не только потому, что сама пою.

Среди лучших, любимых мной ролей — Оксана в спектакле «Запорожец

за Дунаем» А. Гулак-Артемовского, Яринка из «Свадьбы в Малиновке» Б. Александрова, тетушка Джихан в «Аршин Мал-алане» У. Гаджибекова.

Вспоминает заслуженная артистка Тувинской АССР **Марьям Алексеевна Рамазанова:**

Первым артистом, которого я увидела, еще учась в школе, был Виктор Шогжапович Кок-оол. Меня тогда просто ошеломил его необычный для нас вид: во фраке, с галстуком-бабочкой на шее, в лаковых штиблетах... Судьба позволила мне потом десятилетиями работать в одном театре с этим большим артистом, драматургом, автором классических драм «Хайыраан бог» и «Самбажык», озорной комедии «Ах, красавица!», сказки «Алдын-Чечек», быть его переводчицей, свидетелем рождения удивительно разных сценических жизней...

А начал он, можно сказать, с театра одного актера. Виктор Шогжапович сам рассказывал мне однажды: когда его мать, знаменитая шаманка девяти хошунов Тувы, заболела и лежала в жару, она послала его, двенадцатилетнего, вместо себя камлать в юрту, где умирала девушка, единственная дочь немолодых уже аратов.. Мальчик искренне страдал за девушку, всем сердцем хотел ей помочь. Но как? Весь обряд камлания матери он прекрасно знал, не раз повторял для себя в караганнике за юртой. Медленно, чтобы заглушить в себе страх, надевая шаманский наряд, Кок-оол думал, думал.

— Мать,— рассказывал он мне,— начинала камлание как бы издали, глухо и таинственно. А я, вздохнув всей грудью, внутренне весь сжался, взметнул вверх руки с бубном и колотушкой и с пронзительным криком высоко подпрыгнул. Вызывал злых духов на бой. Что-то могучее вдруг меня понесло безудержно. Я и впрямь казался себе птицей, змеей, богатырем. Заклинания, с первого до последнего слова, придумывал на ходу. Поздно ночью возвращался домой. Бушевала гроза, но шел, словно с праздника — не подкачал!

Это удивительное мастерство перевоплощения всегда поражало, какую бы роль Виктор Шогжапович ни исполнял.

Вслед за драматическим отделением одна за другой возникали новые группы театра: хореографическая, оркестровая, хор и цирк.

Вспоминает первая балерина Тувы **Наталья Дойдаловна Ажыкмаа-Русева:**

В 1943 году Анатолий Васильевич Шатин приступил к созданию танца «Звенящая нежность», ставшего теперь классическим. Чтобы поставить его, изучал быт тувинцев, жесты, походку наших девушек. Я выступала солисткой.

Он очень много работал с нами над техникой танца, уделял много времени тренажу. Анатолий Васильевич и нас научил упорно работать, постоянно прививал каждому из своих учеников-танцовщиков чувство прекрасного, умение понимать и любить искусство.

Где бы потом ни приходилось мне работать, уроки Анатолия Васильевича не забывались и всегда помогали.

Сейчас в Туве новое поколение танцовщиков и балетмейстеров с высшим образованием или со специальным средним. Но есть у нынешних постановщиков танцев, на мой взгляд, недостатки в работе. Думаю, что слишком много стали работники искусства увлекаться стилизацией, все меньше остается исконно тувинского. Можно было бы при работе над новыми постановками обращаться за советом к старшему поколению исполнителей. Многие могли бы рассказать и простые люди, хорошо знающие быт и народную культуру тувинцев. Это помогло бы молодежи, и от этого наше искусство стало бы богаче.

11 октября 1944 года Тува добровольно вступила в состав Советского Союза. Перед тувинским народом открылись неограниченные возможности творческого раскрытия своих сил и талантов.

1945 год стал началом творческого пути первых выпускников театра-студии. Тувинский театр вступил в качественно новый этап — становления профессионального искусства, начал активно вмешиваться в повседневную жизнь, выдвигать насущные проблемы.

Вспоминает народный артист РСФСР Борис Филиппович Бады-Сагаан:

В театр я пришел без специальной профессиональной подготовки. У меня не было никакого представления об игре на сцене. Я даже стеснялся играть при других, к тому времени уже именитых тувинских актерах, выходить на сцену вместе с ними. Не знаю, что делал бы без Ивана Степановича Забродина, как бы сложилась моя судьба. Он очень внимательно следил за всеми молодыми актерами и заметил мою стеснительность. Предложил мне оставаться репетировать только с ним, наедине. Мне это очень помогло, постепенно я приобрел навыки игры при наполненном зале, перестал бояться зрителей.

Думая о прошлом и настоящем театра, хочу отметить главное различие. Сейчас упростилось отношение к своему труду у работников нашего театра. Так, раньше Николай Константинович Рушев, работавший у нас художником-постановщиком, уделял большое внимание гриму каждого исполнителя. Перед репетицией актеры находили вставленным в раму своего зеркала рисунок грима персонажа, которого им предстояло играть. Сейчас же мы сами

гримируемся, по своему усмотрению. Николай Константинович перед выходом на сцену проверял все до мелочей, нет ли погрешностей. Желая нашим преемникам так же относиться к театру, чтобы он стал еще лучше.

В те же годы, что и тувинская, была создана русская труппа театра.

Вспоминает артист **Георгий Захарович Черников:**

Сергей Петрович Майер, режиссер, долгое время работавший в Тувинском музыкально-драматическом театре, очень много сделал для театрального искусства республики.

Он был прямым учеником Всеволода Эмильевича Мейерхольда, часто рассказывал о Мастере и его работе над постановками. Тем не менее сам он, работая у нас в театре уже на склоне лет, будучи режиссером с большим стажем, не все принимал в манере своего учителя, ставил спектакли по системе Станиславского. Его постановки отличались большой реалистичностью, он стремился к правдивому показу на сцене жизни со всей ее сложностью и многогранностью.

Сергей Петрович был очень предан театру. Несмотря на свои годы, он засаживался с нами допоздна, над новой постановкой работал всегда весело, задорно, добиваясь от нас, исполнителей, четкого выполнения поставленной им задачи. В годы его работы у нас русская труппа состояла из 26 актеров, мы ставили много интересных спектаклей. Так, одной из лучших постановок С. П. Майера считаю новую тогда и актуальную пьесу А. Арбузова «Иркутская история». Валентину играла Людмила Сысоева, я играл Виктора, а роль Сергея исполнил Сергей Пчелов. После постановки пьесы в русской труппе режиссер поставил ее с тувинскими актерами. Виктора играл Б. Ф. Базы-Сагаан, а Валентину — Екатерина Кенденбиль.

Средств на постановки в то время отпускалось очень мало, поэтому часто декорации передавали другой группе, и спектакль возобновлялся. По такому принципу был поставлен и спектакль «Светит да не греет» А. Н. Островского.

В 1955 году в труппу влилась студия молодых актеров, окончивших Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии.

Вспоминает актер **Дадар Хертекович Намчыл:**

Сейчас смешно вспомнить, какими мы приехали на учебу в Ленинград: все, даже девушки, в телогрейках, фуфайках, большинство с простыми мешками вместо чемоданов. Ходили всегда вместе, крепко держались за руки — боялись потеряться. Никто из нас до этого так далеко от дома не уезжал.

Часто вспоминаю наших учителей: народного артиста СССР Б. Е. Жу-

ковского и А. А. Яна. Жуковский долгое время работал в театре имени Пушкина и имел уже большой опыт работы с актерами. Учиться у них было очень трудно, полегче тем, кто хоть немного поработал уже в театре. Трудно приходилось и нашим педагогам: почти никто из нас не знал русского языка. Об образовательном уровне что и говорить: у Владимира Монгальбии — всего четыре класса!.. Зато он давно работал в театре, прекрасно играл на лимби. Большинство же студийцев представления не имело об актерской профессии. Педагоги терпеливо рассказывали нам о работе театрального коллектива.

Полтора года мы занимались этюдами, т. к. при их исполнении не требуется текст. Темы для произвольных этюдов брали из жизни, которая нас окружала в Туве: чаще всего показывали, как пасут овец, сбивают шерсть в войлок... Б. Е. Жуковский выработывал в будущих актерах собственный творческий подход к роли.

Учась в институте, мы поставили несколько спектаклей, среди них «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского, «Вторые пути» А. Анфиногенова, «Любовь на рассвете» Я. Галана.

Значительной вехой в истории театра стала постановка к 40-летию Великого Октября пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем», где образ Владимира Ильича Ленина создал артист О. Д. Намдараа. За этим спектаклем последовали другие постановки ленинской тематики в обеих труппах. Они показали, что театр уже способен решать сложные творческие задачи.

Вспоминает театровед, бывшая актриса **Клара Чамьяновна Сагды:**

Кто будет играть на нашей сцене роль Ленина? Все мы, артисты, хорошо знали друг друга и были уверены: нет среди нас человека, который мог бы выйти на сцену в этом образе. Когда узнали, что намечен Олег Намдараа, разгорелись споры: одни считали, что артист слишком мал ростом, худощав, нисколько не похож на Ленина. Другие утверждали, что этот актер обладает большой внутренней культурой, мягок, и эти качества помогут ему справиться с ролью.

Репетиции начались. И еще в застольном периоде мы стали замечать, что Олег Намдараа действительно, на наших глазах, начинает походить на Ленина! Сначала интонацией голоса, мимикой, взглядом. Как-то невольно получилось, что мы стали его, своего сверстника и товарища, называть по имени-отчеству, что вообще в театре было не принято. И вот он, работая под руководством режиссера И. С. Забродина, добился, нашел нужное видение образа вождя!

Первые зрители спектакля встречали выходы О. Намдараа на сцену в образе Ленина стоя. «Я видел живого тувинского Ленина!»— сказал, позд-

равляя артистов с успехом, передовой чабан, Герой Социалистического Труда Монгуш Чола.

К середине шестидесятых годов театр получил новое пополнение, опять подготовленное Ленинградским институтом театра, музыки и кинематографии.

Вспоминает заслуженная артистка Тувинской АССР **Роза Серен-оол**:

Мы, выпускники ЛГИТМиКа, закончили институт в 1968 году. Из состава нашей студии — 13 человек — теперь, почти двадцать лет спустя, в театре активно работают 11. Наше поколение составляет сейчас основной костяк тувинской труппы.

Сразу после института мы без труда вошли в актерский коллектив, признанные мастера с большим вниманием относились к нашим первым работам. Их труд, сыгранные ими роли были для нас примером. Как раз в те годы О. Д. Намдараа за исполнение роли В. И. Ленина получил **высокие** звания: народного артиста Тувинской АССР и заслуженного РСФСР, был награжден орденом «Знак Почета», ему была присуждена Государственная премия республики. Мы радовались этому. Я и теперь горжусь, что работала рядом с величайшим из тувинских актеров. С огромным удовольствием вспоминаю работы Людмилы Сысоевой. Играла в одно время с нами и Любовь Севильбаа. Ее Васса Железнова, вся в черном, как монолит, околдовывала зрителя. Мы смотрели на нее, не смея оторвать глаз. В расцвете своих сил была и Хургулек Байыскылановна Конгар, она прекрасно сыграла тогда Гурмыжскую в «Лесе» А. Н. Островского. Вспоминаю эту роль и сейчас как одну из лучших, увиденных на сцене. Кара-кыс Намзатовна Мунзук играла свою лучшую роль — Кару в «Хайыраан бот».

При постоянной подготовке драматических спектаклей тувинский театр оставался верен своей давней традиции, рожденной еще в 30-е годы,— гастролей с концертами, причастности к музыкальному творчеству. Назрела необходимость преобразовать его в музыкально-драматический. С 1958 года он называется Тувинским музыкально-драматическим театром.

Вспоминает народная артистка РСФСР и Тувинской АССР **Кара-кыс Намзатовна Мунзук**:

Сегодня, когда театр пополнился новым поколением музыкальных исполнителей, хочется вспомнить музыкальные постановки нашего коллектива. Уже в конце 40-х годов были поставлены «Половецкие пляски», фрагмент из оперы Бородина «Князь Игорь». Это был великолепный спектакль! Участво-

вало в нем большое количество актеров: балетная группа, хор. Необыкновенно зрелищно!

Прекрасный был спектакль «Чечен и Белекмаа», музыкальная сказка Р. Д. Кенденбиля на либретто С. А. Сарыг-оола. Поставил этот спектакль, уже в семидесятых годах, Оюн Сиин-оол. Зрители очень тепло встречали каждое новое музыкальное произведение на нашей сцене и до сих пор вспоминают их.

Лучшие мои роли — также из музыкальных постановок. Кроме Қары в «Хайыраан бот», где тоже много надо петь, это Одарка в «Запорожце за Дунаем». Роль Одарки была для меня очень сложной, т. к. приходилось петь украинские народные песни, требовалось передать особенности национального характера украинки. В спектакле «Свадьба в Малиновке» я играла жену Назара — Софию. Зрители и теперь нас спрашивают, почему не возобновляются эти и другие такого рода постановки.

У театра сегодня, я полагаю, есть огромные неиспользованные возможности для постановки высокохудожественных спектаклей. В расцвете своих сил актеры третьего поколения — Ляндуп Солун-оол, Дадар Барынмаа, Роза Серен-оол, Хертек и Анна Шиирин-оол. Кстати, все они обладают прекрасными певческими голосами. Не проявили себя, к сожалению, еще актеры, закончившие в 1978 году училище имени Б. В. Щукина, а среди них немало одаренных. И, безусловно, большие надежды возлагаем мы на пятое поколение актеров театра — на юных гнесинцев. Пусть будет у нас много профессиональных музыкальных постановок, тем более, что все для этого есть!

Итак, Тувинскому республиканскому ордена «Знак Почета» музыкально-драматическому театру 50 лет. Сделано немало, многие спектакли запомнились и зрителям, и самим актерам. Многое и предстоит театру.

От лица молодых слово артисту и режиссеру **Алексею Ооржаку**:

Теперь, после прихода в труппу выпускников училища имени Гнесиных, молодежь составляет едва ли не половину всех актеров театра. Мы можем работать интересно, ставить больше молодежных спектаклей, чтобы больше приобщать к театральному искусству молодых зрителей. Для этого, безусловно, необходимо многое.

В первую очередь нам, молодым актерам, надо искать, изучать народные исполнительские традиции, хорошо знать историю своего народа. Только при этом условии мы сумеем продолжить дело старейших актеров тувинского театра, создать самобытное национальное сценическое искусство. Все мы получили образование в лучших творческих вузах страны, теперь нашу игру следует обогатить опытом народного искусства. Вот наша задача.

В репертуаре хотелось бы иметь побольше пьес тувинских драматургов. К сожалению, писатели республики очень редко обращаются к драматиче-

ским жанрам. В пьесах, написанных ранее, не так сильны конфликты: сейчас, в современной драматургии, столкновения характеров острее, насыщеннее.

В труппе театра с таким сильным и разнообразным актерским составом есть возможность для постановки классических пьес. Как давно не ставились в нашем театре Шекспир, Шиллер! Каждый раз, когда перечитываю их пьесы, удивляюсь их современности, актуальности. Вечные темы, вечные конфликты! Надеюсь, что и музыкальных постановок станет больше. Тувинский зритель, как и вообще восточный зритель, по-особому воспринимает музыку на сцене.

Перспективы театра широки — только работать, работать дружно, сообщая всем его пяти поколениям.

Записала *Айлана Кужугет*,
театровед.

Наши юбиляры

Михаилу Пахомову — 80 лет

80 лет исполнится 5 декабря Михаилу Ивановичу Пахомову.

Он родился в 1906 году в Алтайском крае. С 1917 года живет в Туве. Сын партизана-кочетовца, с юных лет Михаил Пахомов активно участвует во всех преобразованиях края, ставшего ему родным. Окончил Высшую партийную школу, работал председателем Комитета советских граждан в Кызыле, журналистом «Тувинской правды», первым секретарем Кызылского сельского, за-

тем — Барун-Хемчикского райкомов партии, председателем парткомиссии Тувинского обкома КПСС. Почетный гражданин города Кызыла.

Первая повесть М. И. Пахомова «В предгорьях Танды» вышла в 1960 году. Он является автором книг об историческом прошлом Тувы и становлении новой жизни ее народа: «На распутье», «Утро древнего края» (дилогия), «19-й перекресток» — и многих очерков и рассказов.

Олегу Сувакшиту — 60 лет

Свое шестидесятилетие отметил известный тувинский поэт Олег Одербеевич Сувакшит.

Он родился 9 мая 1926 года в местечке Баян-Дугай, ныне относящемся к Дзун-Хемчикскому району. Первые стихи написал и напечатал школьником. Учился в театральной студии. Окончил Центральную комсомольскую школу в Москве, Высшие литературные курсы при правлении Союза писателей СССР и Литературном институте имени А. М. Горького, заочную Высшую партийную школу. Долгие годы работал редактором пионерской газеты «Сылдысчыгаш», молодежной газеты «Тыванын аныяктары», журналистом рес-

публиканского радиовещания. Был на партийной работе и председателем правления Союза писателей Тувинской АССР.

Литературное творчество О. О. Сувакшита известно с 1942 года. Он писал стихи и рассказы для детей, очерки. Перевел на тувинский язык произведения С. Михалкова, А. Барто, Джамбула. Олег Сувакшит — автор сборников стихов «Песни радости», «Маленьким друзьям», «Дружба», «Шаги победы», «Голос времени», «Материнское сердце», «Зов сердца», повести в стихах «Ревсомолец», ряда прозаических книг. Заслуженный работник культуры Тувинской АССР.

Салчаку Молдурга — 50 лет

12 декабря 1986 года поэту Салчаку Бурушкековичу Молдурга исполняется 50 лет.

Тридцать из них он плодотворно работает в литературе. Тувинскому читателю известны стихи, поэмы Салчака Молдурга, песни на его слова. Работает он и в жанре очерка. За годы творческой деятельности выпустил поэтические сборники «Вьюга»,

«Знакомый», «Следы», «Напсв», «Твердость духа», которые были положительно оценены широкими читательскими кругами и литературной критикой республики.

Салчак Молдурга активно участвует в переводе на тувинский язык произведений литератур народов СССР.

* * *

Правление Союза писателей Тувинской АССР и редколлегия альманаха «Улуг-Хем» сердечно поздравляют юбиляров и желают им больших творческих успехов.

СЕРДОбОВ

Николай Алексеевич

18 апреля 1986 года на 70-м году жизни после тяжелой непродолжительной болезни скончался член КПСС с 1940 года, доктор исторических наук, заслуженный учитель школы РСФСР, заслуженный деятель науки Тувинской АССР прозаик Николай Алексеевич Сердобов.

Он родился 9 мая 1916 года в городе Самаре (ныне Куйбышев). Трудовую деятельность начал в 1930 году учеником слесаря на заводе в этом же городе. В 1934—36 годах учился на рабфаке, в Московском институте железнодорожного транспорта, затем поступил в Московский педагогический институт имени В. И. Ленина, который закончил заочно, одновременно работая учителем в городе Сучане Приморского края.

В 1940 году Сердобов был призван в ряды Красной Армии. Был участником Великой Отечественной войны — рядовым бойцом, политруком роты, командиром батареи, начальником разведки гвардейской минометной бригады.

В 1946 году Николай Алексеевич по направлению ЦК ВКП(б) прибыл в Туву и был назначен заведующим областным отделом народного образования. В 1951—1979 годах работал директором, научным секретарем, заместителем директора ТНИИЯЛИ. После выхода на пенсию продолжал, до последних дней жизни, трудиться в институте в качестве старшего научного сотрудника — консультанта. Немало сделал для развития науки в Туве, подготовки научных кадров. Написал и успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Является автором монографий «История формирования тувинской нации», «Коминтерн и революционная Тува», научных статей, членом авторских коллективов и редколлегий двухтомной «Истории Тувы», «Очерков истории Тувинской организации КПСС», был редактором ряда выпусков «Ученых записок» ТНИИЯЛИ.

С середины пятидесятых годов Н. А. Сердобов, наряду с научной, занялся и литературной деятельностью, написал и опубликовал ряд книг, в их числе романы «Цена жизни», «За хребтами Саянскими», «Войной опаленные», повести «Добро и зло», «Продолжение не последует». На протяжении многих лет был членом редколлегии альманаха «Улуг-Хем».

Н. А. Сердобов активно участвовал в общественной жизни республики. Неоднократно избирался членом Тувинского обкома КПСС, депутатом Тувинского областного Совета депутатов трудящихся и Верховного Совета Тувинской АССР первого и второго созывов. В течение десяти лет являлся заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Тувинской АССР.

Двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степеней, Трудового Красного Знамени, многими медалями был награжден Николай Алексеевич за заслуги в труде и в боевом пути фронтовика.

Светлая память о Николае Алексеевиче Сердобове сохранится в сердцах всех, кто знал его, работал с ним рядом, в сердцах читателей его книг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

<i>Кызыл-Эник Кудажы</i> . Поющий родник. Главы из романа. Перевод А. Китайника	3
<i>Эдуард Донгак</i> . Старые стойбища. Главы из романа. Журнальный вариант. Перевод В. Зуева и А. Еременко	19
<i>Федор Лобанов</i> . Тайник. Рассказ	40
<i>Кан-оол Лопсан</i> . Песня молота и наковальни. Записки сельского кузнеца	47

ПОЭЗИЯ

<i>Олег Сувакнит</i> . Русский человек. Саманта. Переводы С. Козловой	60
<i>Монгуш Кенин-Лопсан</i> . В четыре строчки. Переводы Я. Часовой	62
<i>Екатерина Танова</i> . Оседлав лихого скакуна. Поэма. Журнальный вариант. Перевод С. Козловой	63
<i>Анатолий Емельянов</i> . Суть жизни. Документальный рассказ в стихах	75
<i>Светлана Козлова</i> . Предрасветное. Казахская песня	79
<i>Владимир Серен-оол</i> . Лавина. Перевод В. Бояринова	81
<i>Куулар Черлиг-оол</i> . Радуга стихов. Перевод В. Сапельцева	83
<i>Монгуш Олчей-оол</i> . Радость жизни. Перевод С. Козловой. Едница. Перевод В. Лесового	83
<i>Николай Куулар</i> . Мелодия. Время любви. Переводы Ю. Вотякова	85
<i>Антон Уержаа</i> . Овейте дымом артыша. Перевод Ю. Вотякова	86
<i>Чооду Кара-Куске</i> . Хайыракан. Не спрашивайте. Переводы В. Тутатчикова	87
<i>Игорь Иргит</i> . Партия. Перевод А. Захарова	89
<i>Кара-оол Натпий-оол</i> . Я счастлив. Перевод С. Ондур	90
<i>Галина Принцева</i> . Из цикла «Цветение»	91
<i>Эмма Цаллагова</i> . Зрелость	93
<i>Юрий Вотяков</i> . Ветер времени. Лирические раздумья	94
<i>Евгений Антуфьев</i> . Сокровенное	98
<i>Валерий Тутатчиков</i> . Тревоги	99
<i>Владимир Колмаков</i> . Осенний мотив	100
<i>Анатолий Шкоркин</i> . Чувство дороги	101
<i>Кондратий Емельянов</i> . Только степь. Другьям	102

НОВЫЕ ИМЕНА

<i>Татьяна Апенышева</i> . Красный конь	105
<i>Владимир Кан-оол</i> . На рассвете. Под холодом наших небес	106
<i>Александр Сапелкин</i> . Трассовики. В Арктике	107
<i>Евгений Ондар</i> . Поклонись огню. Из поэмы	108
<i>Елизавета Ключевская</i> . Восьмистишия	111
<i>Саяна Ондур</i> . Кунгуртуг	112
<i>Николай Моллеров</i> . Мои тополя	112
<i>Валерий Лесовой</i> . Искры. «Жизни все. Наши...»	114

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Степан Сарыг-оол</i> . Лунной девушке. Мольба сироты. Переводы П. Железнова	115
--	-----

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

<i>Сайын-Хоо Намчылак</i> . Сказка о Чай-Суу, звонкоголосой певунье	117
<i>Кечил-оол Экер-оол</i> . Почему он опоздал? Перевод А. Захарова	120
<i>Александр Шоюн</i> . Маленький чабан. Рассказ. Перевод М. Рамазановой	123

САТИРА И ЮМОР

<i>Василий Монгуш</i> . Не взирая на лица. Короткие рассказы. Переводы С. Баира	126
<i>Вячеслав Тимофеев</i> . День прожит не зря. «Грюндиг» для Кирилла. Рассказы	129
<i>Аркадий Захаров</i> . Незаменимый. Рассказ	133
<i>Сергей Куштер-оол</i> . Фрося—передовая доярка. Подслушанный разговор	134

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение состояния и проблем тувинской литературы в Москве на расширенном заседании секретариата правления Союза писа- телей РСФСР. Краткая стенограмма	137
<i>Доржу Куулар</i> . Историко-литературные аспекты творчества С. Тока	144
<i>Маргарита Татаринцева</i> . На переднем крае литературы	152

ТУВИНСКОМУ РЕСПУБЛИКАНСКОМУ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ — 50 ЛЕТ

О прошлом и настоящем. Воспоминания, пожелания	158
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<i>Михаилу Пахомову</i> — 80 лет	168
<i>Олегу Сувакиту</i> — 60 лет	168
<i>Салчаку Молдурга</i> — 50 лет	168
Сердобов Николай Алексеевич	170

УЛУГ-ХЕМ № 22

Литературно-художественный альманах

Фоторепродукции художника В. Ф. Хлызова.

* * *

Сдано в набор 18.06.1986 г. Подписано к печати 22.09.1986 г. ТС 01143. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. печ. л. 10,75. Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-от. 10,35 Уч. изд. л. 10,38. Тираж 3000 экз. Зак. № 1430. ТП 1986 г. Цена 65 коп. Тувинское книжное издательство, 667000. г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 57
Типография Госкомиздата Тувинской АССР, 667000 г. Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1.

65 коп.

КЫЗЫЛ
ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО